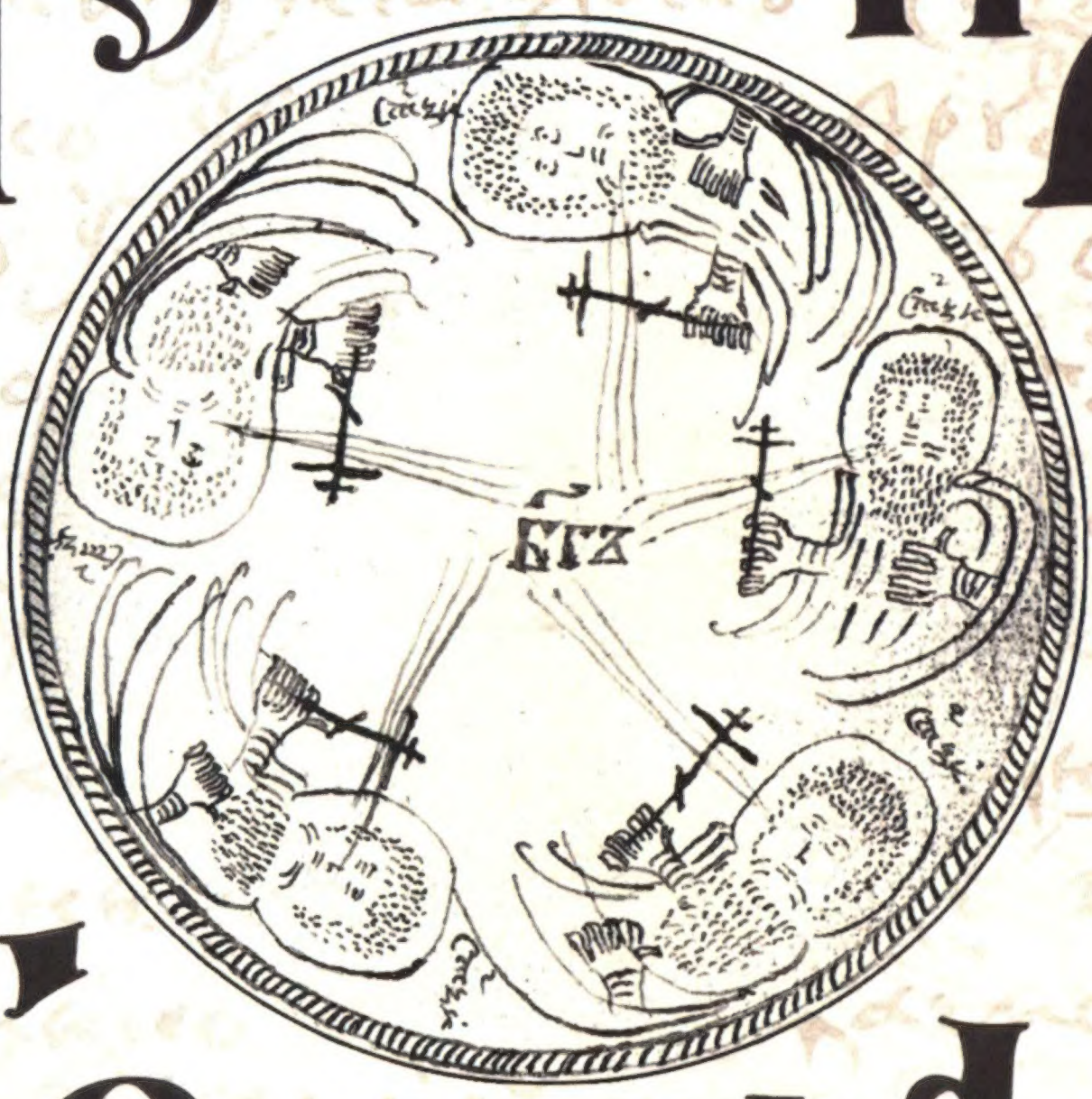
24(2Рос=Рус)6
Р82

АНДРЕЙ

РУБАНОВ

ЛЕДЯНАЯ



ТЕТРАДЬ

УРОКИ РУССКОГО

[redacted]

Андрей Рубанов

Андрей Рубанов

ЛЕДЯНАЯ ТЕТРАДЬ

Комментарий к Аввакуму

235566/4

16+

РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)
Р82

Художественное оформление — Василий Половцев

В оформлении переплёта использованы
фрагменты рисунка и рукописи протопопа Аввакума
(Пустозёрский сборник И.Н.Заволоко. ИРЛИ, Древлехранилище, Оп. 24, № 43)

Иллюстрации к каждой из четырёх частей книги — Алиса Бошко

Рубанов, Андрей Викторович.

Р82 Ледяная тетрадь. Комментарий к Аввакуму / Андрей Рубанов. — Москва : Издательство АСТ : Neoclassic, 2024. — 318, [2] с. — (Уроки русского).

ISBN 978-5-17-162670-9

Эта книга — историческая публицистика.

Биография Аввакума Петрова (1620–1682), одного из первых русских писателей, — сделанная из сегодняшнего дня, для современного читателя. Комментарий к судьбе Аввакума, его трагедии и его победе.

От начала изложенных событий и до конца — 400 лет российской и мировой истории.

Абсолютно пристрастный, спорный, субъективный, провокативный, прямой, личный взгляд Андрея Рубанова.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-162670-9

© Андрей Рубанов
© ООО «Издательство АСТ»

Оглавление

Часть первая
В тайном мире

1. Зачем это написано 11
2. Тайный мир и юбилей Аввакума 13
3. Хотим ли мы знать, как выглядел Аввакум 17
4. Учение о кастах 21
5. Начало пути 26
6. Служение 29
7. Начало зрелых лет 32
8. Справедливость и несправедливость 34
9. Три сезона 39
10. Генерал мороз и дрова как основа экономики 43
11. Место России на карте мира 47
12. Источник его силы 52
13. Современный культ смерти 55
14. Женщины — против. Анастасия Марковна, жена Аввакума 64
15. Зелёное вино 72
16. Первые конфликты и побег в Москву 75
17. Начало раскола, его суть и развитие конфликта 83
18. Кратчайшая и субъективная история начала книгопечатания на Руси 86

Часть вторая
Поход по Сибири и Забайкальскому краю

1. Ссылка 101
2. Великий упрямец 104
3. Начало забайкальского похода. 107
4. Волоки 116
5. Легенда об иргенских мучениках 124
6. Снова в Москве. Триумф и новое изгнание 129
7. Вторая ссылка: на Север 138
8. Последняя опала 142

Часть третья
Пустозёрское сидение

1. Пытки и казни 151
2. Повторная казнь соузников Аввакума 157
3. Смерть Тишайшего 162
4. Подробности сидения. 166
5. Ветер перемен. Воцарение Фёдора 169
6. Первый тюремный писатель. 173
7. Конец Никона 182
8. Самосожжения. Геноцид русских 189
9. Конец Аввакума 201
10. Посмертие и правда Истории 208
11. Сколько русских на планете 213
12. Конец старой истории и начало новой. 216
13. Парадокс Мельникова-Печерского. Западники и славянофилы. Легенда о «сермяжной правде» 225

14. Страна, государство, народ и народы. Нация. Империя. Цивилизация..... 235
15. Выводы..... 237
16. Биографы Аввакума и наука о нём..... 242

Часть четвёртая
Дед Константин

Необходимое предуведомление..... 251
Жизнь и быт нижегородских старообрядцев в начале XX века. Отрывки из воспоминаний К.В.Рубанова.... 264
Совпадения — проходы в тайный мир..... 303
Напоследок..... 309

Благодарности..... 315

Краткий указатель имён..... 316

Часть первая

В тайном мире

1. Зачем это написано

Эта книга — дань памяти одному из главных героев русской культуры, одному из основоположников отечественного литературного жанра автобиографии.

Это рассказ об увлекательных перипетиях судьбы реально существовавшего человека, и одновременно — историческая экстраполяция, наложение закономерностей давно прошедшего времени на настоящее время и отчасти — на будущее, с тем, чтобы и автор, и читатель лучше понимали и то, и другое.

Я не историк. История — наука точная, она оперирует фактами, датами, именами собственными. Но читателю интересны не только точные даты. Читатель хочет, чтобы его вели по сюжету, чтобы его сделали полноправным соучастником охоты за истиной. Читатель хочет деталей, живых подробностей. Читатель желает не только знать, но и сопереживать. «Теория суха, но древо жизни зеленеет пышно», — так написано у Гёте. История записывается не только в учебниках и исторических монографиях, но и в художественных, философских, публицистических произведениях. Историю Аввакума я здесь рассматриваю со стороны, лично мне интересной, — как культурный феномен. Любителям точных жанровых определений сообщу, что моя книга — субъективная публицистика на историческом материале.

По линии деда по отцу, Константина Васильевича Рубанова, я происхожу из семьи староверов, и моё родовое село, назы-

ваемое Селитьба, находится в заволжских лесах, в Сосновском районе Нижегородской области, в ста километрах от села Григорово, где родился протопоп Аввакум Петров.

В 1986 году я, подросток, сумел сподвигнуть своего деда Константина на написание воспоминаний. Они до сих пор существуют только в виде рукописи. Начало её, примерно одна пятая часть, посвящено детству деда и описанию быта, семейного и хозяйственного уклада нижегородских староверов в десятые и двадцатые годы XX столетия. Эта первая часть рукописи Константина Рубанова будет приведена в конце этой книги без купюр.

Всю жизнь, начиная с 12-летнего возраста, с момента первого прочтения «Жития протопопа Аввакума», то есть более 40 лет, я чувствую связь с Аввакумом — она то исчезает на многие годы, то вновь возникает; то ослабевает, то укрепляется; и вот теперь, когда я это пишу, достигла наивысшей силы.

Вот причина — наверное, самая важная: я написал книгу, потому что сама она, книга, так захотела; я написал книгу, чтоб избавиться от неё, разрешиться от бремени. Книги родятся, как дети, сами собой, физиологически, по приказу природы. Мы не хозяева этого процесса.

2. Тайный мир и юбилей Аввакума

1

Из книг теософов-оккультистов начала XX века (например, из труда француза Эдуарда Шюре «Великие посвящённые») я вынес мысль о существовании как минимум трёх миров, действующих в одной Вселенной в одно и то же время, но — по разным законам.

Первый мир — всем понятная и привычная «объективная реальность, данная нам в ощущениях». Я родился и вырос в Советском Союзе — и воспитан как диалектический материалист, а с идеализмом и его столпами (прежде всего Гегелем) познакомился уже во взрослом возрасте, «Философию права» прочитал в Лефортовской тюрьме, в 27 лет, и был потрясён; но всё же остался материалистом — то есть полагаю, что реальность существует не в моей голове, а отдельно от меня.

Не знаю, почему, но самый жёсткий и суровый материализм не мешает мне разделять и некоторые мистические идеи.

Далее, помимо первого, реального мира — существует второй мир, тонкий; мир энергетических потоков, эфирных тел, аур, ноосфера Вернадского; мир, отлично знакомый экстрасенсам, медиумам, колдунам, шаманам и проч. Тонкий мир постигается через обретение сверхчувственности, открытие

«третьего глаза». В тонком мире можно научиться ориентироваться, потратив, скажем, два года, а лучше — три (сроки зависят от упорства адепта) на ежедневные упражнения, аутогенные тренировки, медитации, разнообразные практики вроде очистительных голодовок (постов) или бдений (периодов без сна). Сюда же относятся и рискованные, опасные для здоровья, но широко известные практики употребления психоактивных веществ.

Наконец, третий мир, простирающийся за пределами первых двух, — мир таинственный, или тайный, или сокрытый. Дорога в этот мир лежит обычно через посвящение учителя, или (в случае с профессиональными служителями церквей, священниками) — через рукоположение. Этот мир открыт для самых достойных, и даже не все сильные медиумы, экстрасенсы или шаманы проникают в этот третий, таинственный мир. Подавляющему большинству живущих вообще лучше бы не знать о тайном мире; в него проникают единицы, и далеко не сразу, а лишь с возрастом, после прохождения долгого и извилистого духовного пути. И даже если кому-то кажется, что он сумел проникнуть в тайный мир, — такой исследователь никогда не может быть в этом уверенным; так и я не уверен, что смог войти в него.

Больше того, проникновение в тайный мир, если оно и состоялось, не гарантирует никакой практической пользы; обретённое знание может оказаться бесполезным для жизни в мире реальном.

И я убеждён, что фигура Аввакума принадлежит к тайному миру. Например, школьникам и подросткам бесполезно советовать прочитать «Житие протопопа Аввакума»: они просто ничего не поймут в этой страшной и грубой древней повести.

Термин «оккультный» (от латинского «occult» — «сокрытое») я употреблять тут не буду — он себя давно дискредитировал. В современном языке под «оккультизмом» понимают магию, популярную эзотерику и всякого рода паранормальные явления: термин затаскан, извращён и безвозвратно опошлен массовой культурой. «Сокрытое» перестало быть

сокрытым, превратилось в широко известное. Я предлагаю возводить понятие «тайного», «сокрытого» именно к понятию церковного таинства, на латыни — «sacramentum», на иврите — «רזמנק», «сакрамент», на греческом — «μυστήριο», «мистериум».

2

В 2020 году исполнилось 400 лет со дня рождения Аввакума. Я решил сделать большой, на три-четыре серии, документальный фильм, с выездом съёмочной группы в село Григорово, на родину Аввакума, далее — в Нерчинск, к месту его забайкальского похода в составе казацкого отряда воеводы Пашкова, — и, наконец, в ныне не существующий город Пустозёрск близ Нарьян-Мара, где Аввакум провёл годы в земляной тюрьме и где был заживо сожжён.

Я пытался привлечь к этому, как мне казалось, важнейшему делу журналистов федеральных телевизионных каналов, своих друзей и товарищей, из которых многие были и есть весьма влиятельны. Однако настоящий интерес проявил лишь один человек из многих мною опрошенных — писатель и политик Сергей Шаргунов.

Но в мои планы самым безжалостным образом вмешалась пандемия COVID-19. Несколько юбилейных празднеств, задуманных чиновниками Министерства культуры, посвящённых 400-летию Аввакума, были отменены. Производство документального фильма также было остановлено на самом раннем этапе.

В конце концов вышло так, что я не сделал почти ничего. Нужного отклика на свои инициативы я не нашёл. Я был обескуражен отсутствием интереса со стороны профессионального сообщества интеллектуалов, продюсеров, журналистов. Делать документальный фильм на собственные средства я не имел возможности: нужно было писать сценарий, собирать съёмочную группу, покупать авиабилеты, организовывать экспедиции…

Пришлось отменить дорогостоящую затею и ограничиться несколькими беглыми, куцыми статейками в социальных сетях. Посвящённые юбилею Аввакума заметки моя аудитория, обычно достаточно верная и благодарная, встретила довольно прохладно. Записи в соцсетях я уже много лет использую для проверки тех или иных идей на популярность, для изучения реакции аудитории. Тут сразу стало ясно, что тема — не хитовая, не популярная, интересная немногим.

Всё же людей, пытавшихся отметить круглую дату, нашлось достаточно. В интернете можно найти несколько юбилейных документальных фильмов — коротких, сделанных скромно, явно на энтузиазме. Эти фильмы выложены в открытый доступ, и у всех — минимальное количество просмотров: где 500, где 200; в общем, тут всё ясно.

Тайный мир не выпустил Аввакума. Его фигура в 2020 году не была любопытна даже интеллигенции, кругу читающих и мыслящих людей.

И если вышло так, что 400-летний юбилей Аввакума не был замечен российским обществом, — то, значит, на то есть логика всех трёх миров.

Кто захотел его вспомнить — тот вспомнил, а остальным, следовательно, и не надо помнить и знать, это знание — не для них.

До Аввакума нужно дотянуться душой, сердцем, лимбом, нервами, спинным мозгом; своей нутряной, подземной жизнью до него дойти. Тогда и только тогда захочешь праздновать его юбилей.

235566/4

3. Хотим ли мы знать, как выглядел Аввакум

Конечно, хотим.

Первое впечатление о человеке мы получаем, наблюдая за его фигурой.

Вот он, пока незнакомый, подходит, вот протягивает руку для пожатия. Мы ещё не слышим звука его голоса, не знаем цвета его глаз, не обоняем запаха; но мы уже составили первое мнение, наблюдая пропорции его тела, его походку и моторику.

Первое впечатление о человеке создаётся на основе наблюдения за его фигурой и его движениями. Толстый или худой? Стремительный или медлительный? Сутулый или осанистый?

Общение начинается потом, сначала же — правда тела, походки, жеста.

Это хорошо понимают скульпторы, часто пренебрегающие портретным сходством, но готовые отдать душу за телесные пропорции, за позу.

Увы, восстановить облик Аввакума — невозможно. Не сохранилось его портретов. Не уцелели его останки.

Фантазия рисует тощего человека с длинной бородой. Борода и усы действительно, надо полагать, были длинные: церковь в те времена воспрещала не только брить растительность на лице, но и стричь. Но насколько длинной была борода?

Не у всех растёт густая окладистая борода: часто бывает азиатская, так называемая «татарская».

Скорее всего, он действительно был худой, эктоморф: из его книги понятно, что автор — человек холерического темперамента, по психотипу — холерик или сангвиник; такие люди обычно — худые, резкие, порывистые.

Можно предположить, что Аввакум был роста малого или среднего. Его много раз били, как он сам пишет. А бьют чаще — малорослых и слабосильных; толпа не так азартно набрасывается на человека, если он высок и крепкого телосложения. Но Аввакум с той же степенью вероятности мог быть широкогрудым, устойчивым, мог иметь крепкие кулаки: не зря же смело выступал против сильных мира сего, возражал «начальникам», включая и патриарха Никона, поносил в забайкальском походе воеводу Пашкова.

Вроде бы стереотип заставляет нас предполагать, что Аввакум — костлявый, худой, сутулый мужчина с горящими глазами фанатика и неопрятной бородищей, развевающейся по ветру, — но попробуйте представить его широкоплечим, длинноруким, атлетического телосложения, да вдобавок красивым, улыбчивым, обаятельным — и перед нами окажется совсем другой человек: не полубезумный лохматый поп, а харизматический лидер (каковым он и был).

Шаблоны часто нас подводят. И наоборот: едва мы находим отвагу оторваться от шаблона, как обретаем свежий взгляд на вроде бы привычные ситуации.

Аввакум имел громадное, беспрецедентное физическое здоровье — иначе не выдержал бы 10 лет изнурительных походов по Сибири и Забайкалью и ещё 14 лет сидения в яме.

Воображая себе Аввакума, я хочу оторваться от шаблона — и увидеть его как физически сильного, красивого, полнокровного, уверенного в себе мужчину, а вовсе не полупрозрачного доходягу.

Во второй половине XIX века в России был популярен писатель Даниил Мордовцев, современник Толстого и Достоевского, своего рода «русский Дюма», автор множества истори-

ческих романов, в том числе романа «Великий раскол», где есть описание внешности Аввакума: «Это был высокий, широкоплечий мужчина с длинною апостольской седою бородою и такими же седыми курчавыми волосами, с длинным, тонким, красиво очерченным носом, с серыми большого разреза и длинными глазами и низеньким лбом, на который красиво падали седые кудельки,— точь-в-точь святительский лик, какие можно видеть на старинных иконах суздальского письма. Серые, с длинным разрезом и длинными ресницами глаза смотрели ласково и по временам зажигались прекрасным, каким-то согревающим светом. Это были совсем отроческие глаза под седыми бровями».

Но портрет этот, судя по всему, Мордовцев выдумал, основываясь на собственных представлениях о благообразии. В романе Мордовцева речь идёт о 1660-х годах, когда Аввакум вернулся в Москву после 10 лет путешествий по Сибири и Забайкалью; благообразным он точно не выглядел. Лицо его было коричневым, обожжённым солнцем, морозом и ветрами, руки — в мозолях и шрамах, изуродованы тяжёлой физической работой. Не исключено, что и некоторые зубы также отсутствовали. «Большого разреза и длинные глаза» 43-летний Аввакум сощуривал: очки в те времена не были в ходу. То, что он был седой как лунь, — можно не сомневаться. В Забайкалье он годами ходил по колено в ледяной воде, и наверняка заработал ревматизм или артрит, то есть — передвигался с трудом, опираясь на посох. Но всё это — моя версия, а я ничем принципиально не отличаюсь от писателя Мордовцева.

Когда нет прижизненного портрета — можно строить разные гипотезы, не опасаясь быть разоблачённым и опровергнутым.

Аввакум был наделён достаточной сексуальной энергией — родил восьмерых детей (пять сыновей и три дочери).

По молодости злоупотреблял выпивкой, но потом избавился от пагубного пристрастия.

Он был весёлым и остроумным. В его книге есть юмор и матерная брань — но не пошлая, не гадкая, а уместная, оправ-

данная, ситуативная и — ещё раз повторим — смешная. Аввакум основал не только «тюремную» русскую литературную традицию, но и литературную смеховую традицию. Его книга — не просто изложение мытарств, но и политический фельетон. Этот момент важно отметить: можно вынести страдания, можно их описать, — но шутить, описывая страдания, способны только люди титанической силы.

4. Учение о кастах

Есть древнее учение о том, что все люди делятся на четыре касты:

- цари,
- жрецы,
- воины,
- хлебопашцы (простолюдины).

Каждый из нас предрасположен к той или иной деятельности в силу особенностей генетического набора, полученного от родителей, дедов и прадедов.

Самая малочисленная каста — цари, прирождённые лидеры. Царь должен обладать харизмой, сильной волей и, что важно, холодным сердцем. Добиваясь власти, царь вступает во временные союзы с кем угодно, затем разрывает союзы, заключая новые и новые. У царя, как правило, не бывает близких друзей. Царь непрерывно манипулирует своим ближайшим окружением. Иногда царь не стремится к личному обогащению, к комфорту, хотя может и тяготеть к нему; но его главная цель — власть как таковая: возможность управлять, приказывать — и наблюдать, как приказы выполняются, как люди приходят в движение по мановению его руки; в этом — наслаждение лидера и смысл его деятельности.

Вторая каста — жрецы: носители специальных знаний, обретаемых в результате многолетней тяжёлой учёбы. Жрецы всегда имеют сильный интеллект. Все священники, врачи, педагоги, юристы, инженеры, физики и математики, биологи и эко-

номисты — жрецы. Цель жреца — обретение доказанного и подтверждённого знания, бесспорной научной истины, и обращение её к практической выгоде общества. Чтобы знания не попали в плохие руки, жрецы их зашифровывают: врачи пользуются латынью, физики, химики и математики — формулами.

Далее — уважаемая каста воинов. Это профессиональные солдаты, обученные сражаться и жертвовать своими жизнями. Воин становится самим собой только в битве. В мирное время, как знает каждый генерал, армия разлагается. Воин лишён главного человеческого страха: страха смерти. Воины не подчиняются жрецам; только царям. Сотрудники полиции, пожарной охраны, органов государственной безопасности — всё это воины. Воин всегда смотрит с презрением в лицо смерти; она его подруга.

Жрец, учёный, врач, несмотря на обладание уникальными знаниями, может быть лживым, жадным, завистливым, трусливым, — словом, обладать любым набором отрицательных качеств. Воин же руководствуется понятием чести. Дав присягу, он старается быть ей верным до конца.

Но кто же содержит воинов, жрецов, царей? Кто их кормит и одевает? Кто заливает топливо в баки их лимузинов и бронемашин? Откуда поступает пополнение в поредевшие полки, когда армия возвращается из похода?

Хлебопашцы. Их — абсолютное большинство. Может быть, восемь из десяти. Они — соль земли, «кроткие, наследующие землю». Люди циничные и не очень умные называют хлебопашцев «толпой», или даже «быдлом» (ничего гаже этого слова нет на свете). Люди поумнее используют выражения «массы», «простой народ».

Из среды хлебопашцев появляются новые воины. Реже из касты хлебопашцев пополняется каста жрецов. И в единичных случаях хлебопашец может стать царём.

Хлебопашцы часто малообразованны, и в силу этого — доверчивы. Хлебопашец не склонен к абстрактным размышлениям, но не потому, что он глуп: просто ему за это не платят. На размышления у него нет времени и сил: хлебопашец тяжело и много работает.

Хлебопашцы оплачивают своим трудом все войны, реформы, революции, все смены политического курса. На своём горбу хлебопашец, нещадно эксплуатируемый, тянет всё общество. Всё, что происходит, — происходит за счёт хлебопашца, «простого» человека.

Когда возникла теория о классовом обществе — стало ясно, что буржуазия, почти вся, также принадлежит к касте хлебопашцев, простолюдинов. Буржуа — это просто разбогатевший простолюдин, но сохранивший кругозор простолюдина, привычки простолюдина, вкус простолюдина. Буржуа не следует кодексу чести, как воин. Буржуа не охотится за знанием, как жрец. Буржуа не желает нести ответственность за подчинённых, как это делает царь: он легко увольняет одних работников и нанимает других.

Когда класс буржуазии оформился, появились серьёзные, думающие, социально ответственные буржуа, они жертвовали (и жертвуют) огромные суммы на строительство храмов, больниц, школ и университетов, финансируют научные исследования; таких случаев — тысячи. Потомки буржуа становились жрецами, часто воинами, иногда даже и царями. Но кастовая принадлежность буржуа от этого не меняется. Буржуа всегда — простолюдин, его удел — труд, заработок, прибыль, капитал, деньги, расчёт, но не власть, не погоня за знаниями и не честолюбие.

Когда в России произошла Октябрьская революция — это было восстание жрецов против царей, против элиты, которая довела страну до тяжёлого кризиса. Жрецы легко обратили в свою веру хлебопашцев, и огромная масса их, привлечённая главной русской идеей — лозунгом справедливости, — разрушила кастовую систему, снесла и царей, и воинов.

Кажется, мы кого-то забыли в этой нашей конструкции. Целых две социальных группы упущены, скажет внимательный читатель.

Во-первых, художники, люди искусства. А их немало, и они влиятельны. И, во-вторых, профессиональные злодеи, воры: преступный мир.

Это — отверженные существа, они — вне каст. Вне системы.

Художник всецело подчинён мечте создать шедевр: совершенную, идеальную картину, симфонию, скульптуру, роман. На этом пути художник готов примкнуть к кому угодно — к царям, воинам, жрецам.

Я, сочинитель книг, хотел и до сих пор хочу знать всё, быть и бедным, и богатым, и сытым, и голодным, и царём, и простолюдином, и вором. На этом пути я не стеснён ни принципами, ни моралью. Мой путь в том, чтобы попытаться пройти все пути — и описать свой опыт. Меня сдерживают только самые старые, архаичные, тысячелетние табу: нельзя убивать людей, нельзя ложиться с мужчиной, нельзя предавать и лицемерить.

Художники, объединяясь, образуют богему, живут впроголодь, берут деньги и у царей, и у буржуа, часто совершают бесчестные поступки, ещё чаще губят себя алкоголем и наркотиками. Актёров — а они тоже люди искусства — раньше хоронили за церковной оградой; это ли не доказательство внекастового статуса?

Бывают случаи, когда художники становились царями, занимали высокие государственные посты: Андре Мальро был министром по делам культуры Франции, Вацлав Гавел — президентом Чехии.

Но часто — наоборот, художник, родившийся в семье буржуа, отвергает и кастовую, и классовую принадлежность, и сознательно оказывается вне системы, как это сделал великий Гоген, забросивший карьеру биржевого брокера ради занятий живописью.

Что касается преступного мира — он, как показывает история цивилизации, неискореним. Профессиональные негодяи были всегда: и в Древнем Египте, и в современных США. Преступный мир обслуживает человеческие пороки, которые тоже, увы, неискоренимы. Проституция, наркомания, азартные игры, теневые финансы и, наконец, главное: убийства. Преступный мир контролирует дно общества, самую смрадную грязь, постыдные тайны, скелеты в шкафах; преступный мир выполняет функции золотаря, утилизирующего гадкие отходы бурной об-

щественной деятельности. Это сравнительно малочисленная группа, доли процента от общего числа, но у них есть свои правила поведения, свои традиции и даже свой воровской кодекс чести.

Классовая теория описывает в основном процессы, происходящие в среде хлебопашцев. Согласно этой теории, цари (наследственная аристократия) постепенно входят в зависимость от крупного капитала и начинают обслуживать его интересы. Соответственно, и воины, на словах преданные царям, на деле начинают сражаться на стороне тех или иных капиталистов, то есть — простолюдинов, ставших богатыми буржуа.

Жрецы, зависимые от внешних материальных источников, также могут совершать позорные акты предательства и работать не в интересах истины: все мы видели, как во времена пандемии вирусологи разных стран, академики, главы исследовательских центров вдруг стали делать взаимоисключающие заявления, выгодные тем или иным фармацевтическим компаниям.

Главное в классовой теории — это идея противоречий, борьбы. Между представителями нижнего класса (бедными хлебопашцами) и представителями высшего класса (богатыми хлебопашцами, буржуазией, вступившей в союз с царями и охраняющими их воинами, и жрецами, скрывающими истину в обмен на деньги) — лежит пропасть, и её нельзя преодолеть.

В современном обществе путь простолюдина к благополучию лежит не через упорный труд, но через лукавую дружбу с царями.

Но и художники столь же часто отходят от своего пути, от служения красоте, начинают обслуживать буржуазные вкусы, сами превращаясь в буржуа, то есть — в простолюдинов, и после этого — они перестают быть художниками; это всегда печальное, неприятное, постыдное зрелище; такие художники часто становятся богачами, но достойны — лишь жалости.

5. Начало пути

Аввакум Петров родился в селе Григорово, примерно в ста верстах от Нижнего Новгорода. Он был жрецом по рождению, воспитанию и образованию. Весь путь его был предопределён.

Его отцом был приходской поп Пётр Кондратьев, сам потомственный священнослужитель. Мать звали Мария. Именно она приучила сына к чтению. Аввакум — попович — рос в обстановке благочиния, строгого соблюдении всех религиозных правил.

Отец его умер, когда Аввакуму было 16 лет: он стал старшим мужчиной в семье из 6 человек.

С тех пор и до конца жизни он будет главой клана, будет кормить и содержать жену, детей, братьев и других родственников.

В 17 лет он женился на Анастасии, дочери Марко. Анастасия Марковна станет верным другом Аввакума, его конфидентом, его опорой.

Вскоре умерла и мать Аввакума.

Далее, как утверждают историки, случился некий конфликт с односельчанами, и Аввакум переселился из родного села Григорово в село Лопатищи (ныне Кстовский район Нижегородской области). Что за конфликт — неясно. Сам он ушёл, или его изгнали?

В те времена приходских попов избирали миром. Скорее всего, никто Аввакума Петровича не изгонял: просто он хотел служить в храме, как и его отец, но община ему в этом отказа-

ла, — вот он и ушёл туда, где была «вакансия». Таково наиболее вероятное предположение.

Аввакум выбрал Лопатищи по простой причине: оттуда был родом его тесть, Марко Иванов. Аввакум перебрался не на пустое место, а к родственникам жены. Вполне объяснимая житейская коллизия. То ли сам тесть, Марко, то ли родня его — поучаствовали в судьбе двадцатилетнего Аввакума: он был рукоположён в диаконы, а в 1644 году стал попом в церкви села Лопатищи.

Уйдя из родного села в молодом возрасте, Аввакум проживёт в Лопатищах около 10 лет, а затем превратится в бродягу, скитальца, никогда не заимеет своего надёжного дома, в лучшем случае — будет обретаться по чужим углам, в худшем — по острогам, монастырским тюрьмам и земляным ямам. Обойдёт и объедет половину страны, пешком, в телегах и санях, на лошадях, казацких дощаниках и даже на оленьих упряжках. И повсюду за ним будет следовать его прайд: жена, дети, младшие братья и домочадцы, от 5 до 12 человек. ...Нетрудно быть бродягой, когда ты один: собрал котомку да пошёл; а попробуйте, когда рядом десять ртов.

Тут надо пояснить, что такое Нижегородская область. Эта территория почти вдвое превосходит по площади Московскую область; превосходит, кстати, и Бельгию, и Швейцарию, и примерно равна Чехии. Это — целый мир, поделённый надвое Волгой. Сейчас население Нижегородской области — чуть более 3 млн человек.

Мы ведём речь о так называемом Заволжье — землях к западу от Волги, всхолмленной равнине, поросшей лесами, постепенно переходящими в лесостепь.

Здесь и сейчас мало дорог, а 400 лет назад их и вовсе не было; главными транспортными коммуникациями служили реки.

Нельзя сказать, что это благодатный край, скорее — наоборот. Климат тут примерно как в Москве и Владимире — короткое лето, иногда жаркое, иногда холодное; изнурительное слякотное межсезонье; суровые, длинные, снежные зимы.

Вся экономика издревле строилась вокруг транспортных артерий, то есть рек, Оки и Волги. Народ тяготел больше к охоте и рыболовству, нежели к сельскому хозяйству.

Село Лопатищи, как утверждают справочники, изначально населяли бортники, то есть собиратели мёда диких пчёл.

В любом случае, жили трудно, несыто. Это не Италия и не Греция — тут каждый кусок хлеба был по цене крови; отсюда, наверное, и трудная судьба Аввакума, причины его частых конфликтов с паствой. Отец и мать воспитали его аскетом. Но кому нужна проповедь аскетизма, самоограничения, когда жизнь и так тяжела? Аскетизм в Заволжье диктовала сама природа; в таких обстоятельствах от пастыря ждали скорее ободрения, положительных эмоций, улыбки, шутки, но никак не призывов к смирению.

О жизни и быте нижегородцев подробно рассказал в своих романах известный бытописатель, этнограф Мельников-Печерский, но его книги вышли во второй половине XIX века, то есть через два с половиной столетия после рождения Аввакума, когда старообрядчество уже было историческим и общественным феноменом.

Сан приходского священника давал множество преимуществ, но и накладывал громадные обязательства. Между жрецом и хлебопашцами лежала пропасть. Священник не просто знал грамоту, но, главное, был проводником паствы в духовный, тонкий мир, он умел мыслить абстрактными категориями, его кругозор был много шире, чем у прочих.

Наконец, священник жил идеей служения, то есть сознательно умалял собственную волю в угоду чужой, высшей воле.

6. Служение

Служение — есть наивысшая доблесть. Служение — это самоотречение, отказ от потребностей своего «я» в пользу потребностей другого человека, в пользу рода, общины, народа, государства или идеи.

Фиксация на собственных интересах и охране прав собственной личности ведёт к индивидуализму, далее к эгоизму, деградации и нравственному распаду.

Только встав на путь служения, человек обретает опору, равновесие, ясность мышления, понимание целей, своего места на земле.

Уважение общества можно обрести только через служение, через отказ от себя. Никакого другого способа не существует. Тебя начнут воспринимать всерьёз только тогда, когда ты отдашь свой кусок хлеба другому.

Цари служат своим народам. Воины служат царям. Жрецы служат истине. Художники служат красоте. Хлебопашцы служат своим семьям. Воры служат воровскому кодексу.

Человек не должен принадлежать себе. Человек может любить себя, уважать себя, многое позволять себе и разрешать — но в основе его деятельности всегда должно находиться умение и готовность отказаться от своих желаний.

Нам всем повезло: Россия как цивилизация от начала и до конца основана на идее служения, исполнения долга: перед своими детьми, перед родителями, перед обществом.

Индивидуалист, влюблённый в себя, лелеющий себя, зафиксированный на своих желаниях, на своих травмах, — у нас называется звонким словом «жлоб». Нет ничего позорнее, чем прослыть жлобом.

Сейчас, в двадцатые годы XXI века, Россию атакует мощнейшая идеология, так называемая «новая этика»: примитивный, пошлый, мещанский свод правил, направленный на сбережение собственной индивидуальности любой ценой. Отличительная черта новой этики — её пещерная агрессивность. «Я» уникален, утверждает «новая этика», «я» — неповторим, у меня никого нет, кроме самого себя, и моя задача — беречь и лелеять себя, потому что я у себя один. Общество обязано считаться с моими желаниями. Общество мне должно — я же не должен никому.

Если я хожу по улицам с голым задом — меня не тронь, я так проявляю свою «индивидуальность».

«Новая этика» очень инфантильна; это идеология детей, не желающих взрослеть. Это движение, рождённое в среднем и верхнем классе буржуазии, то есть — система мышления не просто сытых, а очень сытых людей.

Допустить, что «новая этика» укоренится в России, — абсолютно невозможно, ибо она плодит эгоистов и жлобов, не способных к самоотречению, а таких в России очень не любят.

«Новая этика» — система не нравственная, но моральная. Единая нравственность, одна на всех, восходит к древним языческим табу и к религиозным заповедям, и оперирует базовыми категориями «хорошо»–«плохо», «можно»–«нельзя». Мораль же — понятие классовое и кастовое, и мораль у каждого класса — своя.

В нижнем и среднем классе считается аморальным употреблять наркотики. В среде богемы и в преступном мире — это не только морально, но и поощряется.

В высшем классе буржуазии, а также в касте царей, убийство человека не считается аморальным; тех, кто мешает, устраняют без колебаний (но, разумеется, и без огласки, тайно).

У хлебопашцев, в нижнем классе, убийство — аморально, убийц презирают и боятся.

Сам я тоже абсолютно аморален — и это принципиальная позиция. И не я её придумал. Шопенгауэр писал: «Для философа, как и для поэта, мораль не должна стоять выше истины». Мне кажется важным уметь свободно скользить по всем этажам социальной лестницы, разделять принципы бедняков и богачей, художников и воров. Я не хочу и не буду моральным — я намерен быть нравственным, и то, если получится.

Служение, исполнение долга и обязательств — ключевое понятие нравственности.

Аввакум — классический образец идеи служения, абсолютное её олицетворение.

7. Начало зрелых лет

Аввакум перебрался в село Лопатищи с восемью домочадцами: шесть младших братьев и сестёр, плюс жена Анастасия и старший сын Иван, рождённый в 1643 году.

Затем в Лопатищах у него родились дочь Агриппина (1645), сын Прокопий (1648) и дочь Акулина (год рождения неизвестен).

И всё вроде бы шло неплохо. Обыкновенный провинциальный поп, таких в России было — десятки тысяч.

Ближайший крупный населённый пункт — в 30 верстах через леса: село Кстово, одна из столиц волжских бурлаков, бойкое торговое место.

Глухие места, дремучий лес. Основное занятие — сбор мёда диких пчёл. Неподвижное Средневековье. Натуральное хозяйство. Ничего не происходит, кроме климатических колебаний: урожайные годы сменяются засушливыми, неурожайными. Бог дал день, бог даст и пищу.

Вся Россия состояла из таких Лопатищ.

Растили и хлеб — но климат не благоприятствовал: хлеба хватало на полгода, потом приходилось докупать; мужики ездили в Кстово, обменивали мёд, дёготь и древесный уголь на муку и зерно.

Жить в глухом месте — дело благое. Провинция — это покой. До Москвы — как до Луны, а прочие земли даже и во сне нельзя увидеть.

Но однажды Аввакум отсюда ушёл.

В Лопатищах у него были дом, печка, мёд, огород, детишки. Половина села — родня жены, уважают и помогают. Семьи были огромны, у жены Анастасии — сёстры и братья, все друг за друга стоят. Чего не жить? Куда идти, зачем?

Пытаясь в его шкуру влезть — видим, что он подчинился зову; другого объяснения нет.

Таких людей мы называем «самородками». Их мало, и тайну их появления никто до сих пор не разгадал. Они родятся где угодно, в самых глухих местах, в отдалённых углах, а затем, опровергая все кастовые и классовые теории, постепенно оказываются в верхнем слое общества, становятся маршалами, академиками, государственными деятелями, духовными лидерами. Откуда они берут силы, упорство, волю, амбиции для своего восхождения? Какую роль в их судьбах играет случай, удача, везение?

Изучение биографий великих людей показывает, что все они с ранних лет имели перед собой образ неприятеля, врага.

Гений не просто действует, но — противодействует: сражается на своей войне. Гений восстаёт против существующего порядка, ломает правила.

Протопоп Аввакум Петров бился против главного и до сих пор не побеждённого врага русской цивилизации: против несправедливости.

8. Справедливость и несправедливость

Что такое терпение?
Что такое привычка к боли? К голоду и холоду? Иметь такую привычку — хорошо или плохо?

Человек, испытавший тяготы и лишения, — счастлив ли? Если такой человек пережил страдания и закалился — хочет ли он такой же участи для своих детей?

Как связаны страдание, терпение и несправедливость?

Кто сильнее — голодный или сытый? Физически — конечно, сытый. Но ярость, гнев, отчаяние и уверенность в собственной правоте часто удесятеряют силы самого измождённого человека. А на длинной дистанции — например, в боевом походе, длящемся многие месяцы, — воин, умеющий обходиться малым, всегда одержит верх над воином, привыкшим к трёхразовому горячему питанию и уютному спальному мешку.

Англичане закаливают своих детей, приучают к холоду, зимой их дети ходят в шортах. То же самое у датчан. Русские любят зимой обтираться снегом и купаются в проруби, но это скорее забава и тонизирующая процедура; в обычное время русские в холодный сезон одеваются очень тепло, потому что знают: с морозом шутки плохи.

А вот что такое закаливание духа? «Хагакурэ» — японская книга самураев — рекомендует воину непрестанно думать о смерти, представлять её в разных вариантах.

Боевые упражнения, учебные схватки, спарринги создают привычку к боли; её можно и нужно терпеть. Во многих культурах, например, у народов Кавказа, мальчики и юноши дерутся едва ли не каждый день, это поощряется старшими товарищами и взрослыми. Юноши привыкают к боли, к крови, а главное — к опыту поражения.

Всё вышеизложенное вроде бы очевидно. Но как насчёт крайних проявлений жестокости и, главное, несправедливости?

Россия никогда не была справедливо устроенной. Наоборот. Произвол власть имущих, несоблюдение элементарных прав рядовых граждан, их бессилие перед государством, перед «начальником», неправедный суд, пренебрежение законом, крайняя его, закона, жестокость, — таков традиционный уклад нашей жизни на протяжении многих столетий, и этот уклад возвёл понятие справедливости к статусу нравственного и этического идеала, а заодно и создал привычку к несправедливости.

Научиться стойкости к холоду и привыкнуть к тяжёлым бытовым условиям не так трудно. Гораздо сложнее привыкнуть к существованию в заведомо несправедливых условиях, когда трудолюбивый не получает вознаграждения, когда невиновный подвергается пыткам, когда лжец руководит честными, когда шлюха учит добродетели, когда вор, укравший миллиард, отправляет за решётку вора, укравшего три рубля.

Именно эта привычка к несправедливости, глубоко укоренённая в русском человеке, этот иммунитет к несправедливости, проникшей за столетия в подсознание, это понимание и принятие несправедливости как нормы, — и есть базовое качество национального сознания.

«Все говорят, нет правды на земле. Но правды нет и выше». Так написал Пушкин.

«Доколе муки сии? — До самыя до смерти. — Ино ещё побредём». Такова самая известная цитата из «Жития» протопопа Аввакума Петрова.

Правды нет нигде, правды не доискаться, закон что дышло, нужно терпеть — и шагать дальше.

Многие помнят слова Достоевского о справедливости; вот полная цитата из «Записок из мёртвого дома»: «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда её. Петушиной же замашки быть впереди во всех местах и во что бы то ни стало, стоит ли, нет ли того человек, — этого в народе нет. Стоит только снять наружную, наносную кору и посмотреть на самое зерно повнимательнее, поближе, без предрассудков — и иной увидит в народе такие вещи, о которых и не предугадывал. Немногому могут научить народ мудрецы наши. Даже, утвердительно скажу, — напротив: сами они ещё должны у него поучиться».

Всё остальное, чем мы гордимся с полным основанием, — закалка физическая, воинская и духовная, привычка к холоду, к тяжёлому труду, умение обходиться малым, а также пессимизм и всегдашнее угрюмство («русские не улыбаются»), — всё есть производное от умения терпеть несправедливость, сожительствовать с несправедливостью.

Справедливо ли, что царь Пётр, сгубивший немалую часть мужского населения своей страны, считается великим и блестящим реформатором, а Сталин, руководивший спасением мировой цивилизации от нацистской чумы, объявлен кровавым тираном, палачом?

Согласно идеологии Третьего рейха и людоедскому плану «Ост», полному уничтожению подлежали евреи и цыгане, а славяне — чехи, поляки, украинцы, белорусы, русские и так далее — подлежали частичному переселению в Сибирь, частичному «онемечиванию» и частичному уничтожению. Все эти народы спасла Красная армия, а командовал ею Сталин. Левой своей, искалеченной рукой он губил и наказывал народы, правой, здоровой рукой спасал другие народы. Сейчас евреев на планете более 14 миллионов, цыган — не менее 8 миллионов. Однако дети и внуки спасённых не спешат благодарить Сталина, не вешают его портреты на стены своих жилищ, зато дискуссии о его злодеяниях не умолкают. Справедливо ли это?

Справедливо ли, что в наказание за близкое и верное союзничество Японии с гитлеровской Германией СССР отобрал

у японского народа лишь гряду маленьких островков и рыболовную зону вокруг них?

Справедливо ли, что в большинстве российских семей женщины работают наравне с мужчинами, но при этом берут на себя бóльшую часть забот о детях и хозяйстве?

Справедливо ли, что житель Иркутска или Барнаула не имеет и третьей части социальных благ, доступных жителю Москвы?

Справедливо ли, что футболист, развлекающий публику ударами ног и головы по мячу, зарабатывает в тысячи раз больше вирусолога, создающего вакцину от смертельной болезни?

Справедливы ли куцые пенсии наших стариков?

К справедливости, понимаемой извращённым, плутовским образом, восходит и коррупция. Принимая от просителя пухлый конверт, взяточник говорит себе, что это — его бонус за неустанные труды, за унижения и стрессы, за нелюбовь общества.

Иммунитет к несправедливости выражен в специфическом понятии «долготерпение» — то есть терпение, помноженное на годы.

Христианство — мощнейшая этическая система, активно пропагандирующая идею терпения и долготерпения. Христос терпел и нам велел. На ранних этапах развития цивилизации церковь учила стойкости к невзгодам, и христианский священник сам был образцом стойкости. Первые христиане жили идеей ожидания Страшного суда, который произойдёт вот-вот, буквально завтра, или через считаные месяцы, и этот суд станет апофеозом справедливости, тотальным торжеством справедливости: каждому воздастся по делам его. В земной жизни христианину предлагалось терпеть, но совсем недолго, — зато потом, после суда, праведнику была гарантирована щедрая награда.

Но шли столетия, дата Страшного суда отодвигалась всё дальше в будущее. Христианину требовалось всё больше и больше душевных сил. Проповеди смирения и терпения становились всё более громкими и изощрёнными.

Наконец, наступило новое время, появилась буржуазия, общество разделилось на классы. Церковь стала склоняться к обслуживанию интересов сильных мира сего. Это совпало с бурным развитием науки, что привело к появлению научного атеизма, который, в свою очередь, был взят на вооружение социалистами. В конце концов в России это привело к катастрофе: церковь была разгромлена, научный атеизм стал официальной государственной идеологией. Большевики объявили, что построят справедливое общество без помощи бога. Церковь — прислужница мирового капитала, сказали большевики, и приступили к её планомерному уничтожению. У церкви отняли монополию на учение о справедливости. Но так продолжалось недолго: с ослаблением социалистических идей церковь немедленно вернула себе влияние.

Правда, тут возник непредвиденный казус. В современном капиталистическом обществе сильны идеи гедонизма, это общество предлагает обширный набор наслаждений, которые можно, за умеренную плату, получить здесь и сейчас, а вовсе не после Страшного суда. Так церковь, с её проповедями смирения и терпения, оказалась на обочине прогрессивной общественной мысли.

Но это теперь. А в XVII веке за справедливостью можно было пойти только в храм.

А в храме вошедшего встречал поп, жрец, духовный отец, батько, всегда готовый утешить, успокоить, подсказать, наставить, научить терпению и примирению с несправедливостью.

9. Три сезона

Откуда у нас появляются силы, чтобы терпеть? Где их источник? Не может такого быть, чтобы огромный народ на протяжении тысячи с лишним лет держался только смирением и святым духом. Источник этот — вокруг нас. Имя ему — климат.

В климате наших территорий — от Архангельска и Пскова до Хабаровска и Владивостока — отчётливо проявлена сезонность. Четыре раза в год мы наблюдаем вокруг решительные, принципиальные изменения, мир вокруг нас стремительно движется, сезонное колесо вращается безостановочно — и эта энергия природного круговорота увлекает и людей. Жить в движущемся поезде — интересно, это захватывает, ведь за окном всё время мелькают разные пейзажи.

Мы живём — в трёх мирах, в трёх сезонах, в трёх совершенно разных климатических ситуациях; за один год проживаем три жизни. Итальянец, грек или француз этого лишён. В немецкой Баварии снег выпадает зимой редко, не каждый год, и для баварца зимний снегопад — это настоящий праздник; так мне говорил сам житель Баварии.

В России же — мир вокруг нас раз за разом умирает, а потом возрождается, и каждый из нас, от младенца до старика, видит это.

Весь хозяйственный уклад — целиком подчинён сезонности, и наша эмоциональная жизнь тоже подчинена сезонности.

Главный и любимый наш, обожаемый сезон — летний, сельскохозяйственный; он длится примерно с начала или середины мая по конец сентября, в разных районах страны — по-разному; чем севернее район — тем короче лето.

В средней полосе в удачный год тёплый сезон длится четыре месяца, не так уж и мало, и каждый год летом обязательно бывает две-три недели настоящей субконтинентальной жары, люди наслаждаются ею, загорают и купаются, дети бегают босиком.

Тёплый летний сезон мы очень любим, весь год его ждём, и законно наслаждаемся солнцем, но при этом вынуждены много работать в эти месяцы. Летний день — год кормит.

Второй сезон — зимний, он длится примерно с конца ноября по март. Это время тяжёлых испытаний морозом, снегом и льдом, время нехватки солнечного света и экономии пищи. Но зима также — и время паузы, размышлений, и, между прочим, развлечений, особенных забав, вроде купаний в проруби или снегу после бани, катания на коньках, зимней охоты.

Третий сезон — переходный между летом и зимой: октябрь–ноябрь и март–апрель, тоже немало, примерно три-четыре месяца в общей сложности. Русское межсезонье — период совершенно непригодный для активной деятельности. Дожди, половодье и распутица. В марте на санях ездить поздно, на телеге — рано; в ноябре — наоборот.

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь». Так Пушкин написал. Почему же крестьянин «торжествует»? В чём торжество — холодно же, зима пришла? А потому что — межсезонье кончилось, грязи замёрзли и снег выпал, появились дороги, теперь можно передвигаться и хозяйствовать.

При этом осень — время печали, время умирания природы, — мы очень любим; а ещё больше мы любим весну — время возрождения, восстания от ледяного сна, победу тепла и жизни над холодом и смертью.

Весна в России — совершенно уникальное время, период изумительного душевного и физического подъёма, величайший

аттракцион: за семьдесят дней ледяные мёртвые пространства оживают, наполняются теплом и светом. Люди, вчера угрюмые, сегодня вдруг начинают смеяться. Непонятно откуда, сами собой, жизненные силы вдруг удесятеряются. Снег исчезает, талые воды промывают почву; точно так же каждый из нас промывается торжеством неостановимого хода жизни.

Даже сейчас, в начале XXI века, в условиях изменившегося климата, в европейской части России годовой перепад температуры достигает 60 градусов (от −30 зимой до +30 и более летом), а в Сибири, в континентальном климате — 90 градусов (от −45 до +45). При таких температурных перепадах лопаются гранитные камни. Но люди — привыкли.

С ноября по апрель, примерно шесть месяцев в году, русский человек готовится работать, копит силы, «лежит на печи». А с мая по октябрь — наоборот, работает с рассвета до заката, стараясь обеспечить себя ресурсами на весь год.

Четыре-пять месяцев в году мы видим мир дружелюбным, разноцветным, тёплым, бушующим — и столько же времени мир предстаёт враждебным, ледяным, чёрно-белым, чреватым гибелью при малейшей ошибке. А переход между этими двумя мирами, трансформация зимы в лето и наоборот, — отдельный мир, важность которого нельзя недооценивать.

На планете живут и другие народы, привыкшие к столь существенным температурным перепадам; например, канадцы. Но они, вроде бы морозоустойчивые люди, расселились в основном по южной границе своего государства: столица Канады, Оттава, расположена на широте 45,41, южнее Киева. То есть, не так уж и холодно зимой в Оттаве: примерно как у нас в Ростове-на-Дону. Кроме того, народ государства Канада существует чуть менее ста лет (если не считать малочисленные коренные племена). И этот народ — синтетический; его национальное сознание находится в младенческой стадии. Русские же живут на своей земле более тысячи лет.

Резкое деление повседневной и хозяйственной жизни на три отличных друг от друга сезона создало психологическую привычку к решительной и обязательной мобилизации —

в тёплое время года, и к полному расслаблению, своего рода спячке — в холодное время года. Зимой русские также ведут хозяйственную деятельность, и даже развлекаются, — но всё же больше экономят силы. Летом же — наоборот, энергия расходуется без остатка. Так возникла своеобразная физиологическая конструкция, при которой организм умеет существовать и в экстремальном режиме высоких нагрузок, — и в щадящем, спящем режиме релакса.

Русский всегда готов взорваться и выбросить сверхвысокую дозу энергии, но точно так же готов и перейти в пассивную фазу спячки, которая ошибочно принимается сторонними наблюдателями за так называемую «русскую лень».

Примечательно, что азиатские народы, изначально кочевые, сформированные в условиях континентального климата, с ещё более резкими перепадами температур, обладают теми же качествами. Поэтому этническому русскому понять татарина, башкира, бурята, монгола — гораздо легче, чем понять грека или итальянца. Татарин, башкир, бурят, монгол или якут умеют жить при 40-градусных континентальных морозах, этот опыт объединяет. Татарин отлично знает, что такое замёрзнуть заживо, и хорошо понимает русского, который находится в той же ситуации. А вот персы, турки, греки, итальянцы, французы — не имеют опыта выживания в смертной стуже, в их генетическом коде такой опыт не заложен. Поэтому русские легко сходятся в диалоге с азиатскими этносами, но очень трудно достигают согласия с этносами европейскими, теплолюбивыми.

10. Генерал мороз и дрова как основа экономики

Русские — осёдлый народ.

Наши князья отправлялись в военные походы летом. Землепроходцы Хабаров, Поярков, Бекетов и другие, осваивая Сибирь, действовали точно так же.

Аввакум — участник похода воеводы Афанасия Пашкова — испытал это на себе.

Летом — шли, зимой — сидели, пережидали.

А вот кочевые азиатские народы действовали ровно наоборот: летом — пасли стада, ждали, пока родится, поднимется и окрепнет молодняк, а в военные набеги уходили строго зимой. Бату-хан отправился в поход на Русь зимой, первое его нашествие 1237 года началось в конце осени; разорение Рязани случилось в декабре.

До сих пор не очень понятно, каким образом конное войско монголов смогло преодолеть огромные заснеженные пространства. Я вырос в Серебряно-Прудском районе Московской области, ровно на половине пути между Москвой и Рязанью. В моём детстве, в семидесятых годах XX века, в тех местах в декабре наметало трёхметровые сугробы. Считается, что конница Батыя двигалась по льду рек, и что монгольские лошади умели «копытить» снег, то есть рыть снежный покров в поисках прошлогодней травы. Но может ли лошадка, даже самая

неприхотливая, разрыть ногами снежный покров толщиной в метр?

В своё время я написал три киносценария, посвящённых нашествию ордынцев на Русь, и советовался со многими историками, и производил собственные исследования и подсчёты. По официальным утверждениям, армия Бату-хана насчитывала сто тысяч воинов; каждый воин обязан был взять с собой минимум трёх, а лучше — четырёх лошадей: одну верховую, одну запасную и одну-две вьючных. То есть, ордынское войско насчитывало до 400 тысяч конных голов. Но для такого колоссального табуна в европейской части России в зимних условиях просто не было кормовой базы!

Прошли столетия, в Россию вторглись сначала шведы Карла XII, потом армии Наполеона, потом германский вермахт, но и те, и другие, и третьи оказались не готовы к преодолению снегов и воздействию низких температур.

Генерал Гудериан в своих воспоминаниях писал, что немецкие танкисты в декабре 1941 года не получили зимнего обмундирования. На марше экипажи танков вылезали из машин и шагали рядом, чтобы хоть как-то согреться; в танках оставались только механики-водители.

Трудно пришлось и солдатам Наполеона. Теплолюбивые средиземноморские французы попали в тяжелейшую ситуацию. Они были великолепными воинами, отважными и умелыми, — но они привыкли драться при температуре +20, и не знали, что такое драться при температуре –30.

Для обогрева огромной армии требовалось колоссальное количество дров. Французы были вынуждены грабить мирное население, отбирая дрова, — и этим восстановили против себя русское крестьянство, потому что изъятие дров зимой означает неминуемую гибель.

В экономике русского крестьянина заготовка дров — важнейший процесс, трудоёмкий, практически священный. Русский крестьянин ежегодно точно рассчитывал необходимое количество дров и физические силы, потребные для их заготовки. Чтобы заготовить дрова, нужно иметь сани, лошадь, топоры

и пилы, нужно объединиться в артель из двоих, а лучше — троих-четверых крепких мужчин, выехать в студёный зимний лес, повалить несколько десятков берёз, распилить их и перевезти; недели работать без устали, а потом ещё год — сушить: сырые дрова — не горят.

Я сам много лет занимался заготовкой дров — и знаю, насколько это физически тяжело, изнурительно.

В первые годы после Октябрьской революции, в период жесточайшего экономического кризиса, дрова стали одной из главных валют. Сжигали мебель, сжигали заборы, ворота, деревянные тротуары, техническое дерево, строительные леса, упаковочные короба и ящики; всё, что могло гореть. Жечь сырые дрова — опасно и неправильно, но бывало так, что жгли сырое — и травились дымом.

Для обогрева одного дома, одной семьи в зимний сезон требуется от двух до пяти кубометров берёзовых дров. Если умножить это на 30–40 миллионов домохозяйств — станет ясно, что Россия на протяжении тысячи лет жила вырубанием лесов.

Полгода в год люди выживали, сжигая в печках дерево. Эта ситуация была переломлена лишь совсем недавно, в первой половине XX века, когда население России устремилось в города, когда появились многоэтажные дома и возникла концепция «центрального отопления» — для русской цивилизации ключевая, магистральная. Городской житель освободился от необходимости добывать топливо для обогрева своего жилища в затяжной зимний период. Дрова были отменены, теперь центральные отопительные станции — ТЭЦ — добывали тепло не из дров, а из угля, нефти и газа.

В середине XX века, впервые за тысячу лет, проблема обогрева жилищ русских людей стала решаться централизованно, на государственном уровне.

Эпоха сменяет эпоху, монархия умирает, возникает социализм, потом на смену ему приходит капитализм, но климат — остаётся; наши жилища надо по-прежнему обогревать; так было и во времена царя Алексея Тишайшего, и во времена гене-

рального секретаря Леонида Брежнева. Всё меняется, но русская зима, морозы и снегопады не зависят от политического устройства.

А теперь представим себе, какие ресурсы необходимы, чтобы централизованно обогревать более 140 миллионов граждан. По моим личным подсчётам, на обогрев жилищ граждан России уходит примерно седьмая часть всех доходов экономики. Это громадный ресурс, сотни миллиардов. А ведь отопительные системы надо ещё и регулярно ремонтировать!

Такой проблемы нет в тёплой Европе. А Россия вынуждена содержать огромную инфраструктуру, производящую тепло.

Когда умники будут рассказывать вам о преимуществах европейской или американской экономики перед якобы отсталой российской — напомните им про сотни тысяч тонн угля и мазута, про миллионы кубометров газа, которые наша экономика вынуждена расходовать ежегодно, просто чтобы люди могли выжить зимой.

11. Место России
на карте мира

Забудьте про карту мира.

Мы все учились географии в школе — и привыкли представлять себе мир так, как он изображён в проекции Меркатора: трёхмерного объекта, развёрнутого в двухмерную плоскость. Но такая карта очень сильно искажает восприятие: остров Гренландия на ней сопоставим со всей Южной Америкой (хотя на самом деле его площадь меньше в 8 раз), а Россия выглядит ощутимо больше Африки (хотя её реальная площадь — в два раза меньше).

Более того, такая проекция на карте в разных регионах мира может быть — разная. Для развлечения можно изучить, например, австралийскую карту мира, где всё изображено, с нашей точки зрения, вверх ногами. Я видел карту мира в Индонезии: на ней Индонезия помещена в центр, а России на этой карте почти нет — она выглядит как узкая полоска суши вдоль верхнего края картинки. То есть, с точки зрения индонезийца, России как бы и не существует.

А вот глобус — исключительно нагляден.

Чтобы раз и навсегда понять место России на планете, в мире, на нашем маленьком шарике — надо посмотреть на глобус. На глобусе наша богоспасаемая страна выглядит так, как ей положено, в соответствии с законами реальности.

Как самая северная страна в мире, занимающая весь обширный северо-восток Евразии.

Северное побережье России полукругом обнимает макушку планеты, Северный Ледовитый океан.

Другому северному государству — Канаде — принадлежит значительно меньшая часть побережья Северного океана, и канадское побережье, в отличие от нашего, экономически не освоено: там нет ни портов, ни коммуникаций. Совсем небольшая часть побережья — северный берег Аляски — принадлежит США. Некоторую часть побережья, минимальную, осваивает и контролирует Норвегия. Остров Гренландия входит в состав Дании. Эти пять стран делят между собой Арктику и Северный Ледовитый океан.

Во времена Аввакума, в XVII веке, Чёрное море целиком принадлежало Османской империи, вся его акватория контролировалась турецкими галерами.

Османы называли Чёрное море «своим», и контроль за этим морем не собирались никому уступать. Потом, правда, Россия отвоевала себе право контролировать Чёрное море наравне с Турцией.

Позже, в XX веке, Бенито Муссолини называл Средиземное море «mare nostrum» — «наше море». Он считал, что Италия, как наиболее развитая страна юга Европы, имеет право полностью контролировать акваторию Средиземного моря.

По этой аналогии, теперь Северный Ледовитый океан мы имеем право назвать — «наш океан», «oceanus nostrum».

Россия контролирует половину побережья этого океана и пытается развивать это побережье. Россия создала уникальный транспортный коридор — Северный морской путь. Россия обладает уникальным ледокольным флотом, в том числе атомными ледоколами. Россия смогла разведать месторождения полезных ископаемых на берегах Северного океана. Россия более 400 лет имеет на берегах Северного океана развитые торговые и военные порты: Архангельск, Мурманск, Североморск.

Пустозёрск, куда был сослан Аввакум, был вовсе не колонией ссыльных преступников, а торговым портом.

Позже к числу северных портов добавились Тикси, Певек и другие.

Достаточно внимательно посмотреть на глобус, чтобы сделать элементарный вывод: если Россия контролирует половину побережья арктического океана — значит, весь этот океан расположен в зоне её интересов.

Погода на планете формируется над океанами. И Северный Ледовитый океан — одна из таких «погодных кухонь», влияющая на климат нашего северного побережья. Всё, что происходит в Арктике и в атмосфере над ней, — напрямую касается России.

Потеплеет в Арктике — Россию затопит. Похолодает в Арктике — Россия будет замерзать.

Северный океан скован льдами — но это не должно никого обманывать. Однажды каждый квадратный метр дна будет исследован, и там, на дне, отыщутся и нефть, и газ, и цветные металлы, и всё на свете.

Северные воды — территория обитания промысловых рыб, уникального возобновляемого пищевого ресурса.

Мы накопили огромный опыт в освоении Арктики, мы знаем Арктику, мы влюблены в Арктику со времён Папанина, Кренкеля и Ширшова. Мы научились водить суда в арктических широтах. Мы научились летать над смертными льдами. Советские полярные лётчики в тридцатые годы были великими нашими героями, суперменами, звёздами, образцами для подражания.

Обживать Арктику очень дорого, но это — работа на дальнюю перспективу. Страна крепка тогда, когда находит силы и средства для работы на перспективу, когда умеет накапливать знания и умения, которые будут востребованы следующими поколениями.

Сейчас вдоль берега Северного Ледовитого океана ходят наши атомные ледоколы. Подо льдами скользят в безмолвии наши атомные подводные лодки. Это — наш океан, «oceanus nostrum».

Тут критически настроенный читатель уже готов швырнуть мою книгу в мусор. Да ты, Рубанов, с глузду съехал, скажет

читатель. Ты предлагаешь нам, людям нового тысячелетия, брать пример со средневековых турецких султанов? С фашиста Муссолини, пособника Гитлера?

Да, османские султаны были жестокими людьми, но итог в том, что Турция до сих пор контролирует Босфор, и контроль над проливами — по сей день одна из основ турецкой международной политики, а также немаловажная часть турецкой экономики. Что касается Муссолини, то он, называя Средиземное море «нашим морем», говорил не как фашист, а как лидер, думающий о будущем своего народа, о его интересах, о его безопасности. Да, потом его растерзали, — ну так ведь и Каддафи, лидера ливийского народа, создателя ливийской государственности, тоже растерзали, и все мы видели это в прямом эфире.

Артамона Матвеева, одного из виднейших политиков Московии во времена Аввакума, дядьку Петра I, — растерзали, изрубили бердышами, швырнули на копья.

В Одессе 2 мая 2014 года безумная толпа сожгла заживо и растерзала несколько десятков человек, и это сделали люди нового тысячелетия, они учились в школах и в институтах, у них у всех были сотовые телефоны и медицинская страховка. Это случилось не в диком грязном Средневековье, а вот — буквально вчера.

Может, кто-нибудь и меня захочет растерзать за эту книгу, но вряд ли; я не царь и не воин.

Я — всего лишь программа-«червяк», я заползаю в вашу голову и оставляю следы. Я заражаю ваш разум идеей величия, грандиозного, титанического способа существования. Я пытаюсь превратить слабых — в сильных, маленьких — в больших, трусов — в храбрецов. Моё преимущество — в том, что я знаю, откуда взять силу, чтоб жить дальше.

Наша сила берётся из множества источников: от наших родителей, дедов и прадедов, из нашей истории, из нашего климата, из наших морозов и льдов, из нашего уникального богатейшего языка, из Веры, Надежды и Любви и матери их Софии, из нашей мечты о справедливости, из нашей привычки

к несправедливости, из нашего озорства, из нашего хохота, из наших крещенских прорубей, из безумного и величайшего социалистического эксперимента, из военных побед, из лубянских расстрелов, из атомной бомбы Берии, из водородной бомбы Сахарова, из ракет Королёва, из отчаянного возгласа Гагарина — отовсюду, отовсюду, отовсюду, где только можно, мы научились извлекать, выпаривать, экстрагировать силу, чтобы жить дальше и дальше, и не только самим освоить её, но и передать детям.

12. Источник его силы

Бóльшую — и главную — часть своей жизни Аввакум провёл в странствиях. И в какие бы гиблые места ни забредал — повсюду за ним следовала семья. Странствовал он вовсе не от одного богатого дома к другому — нет, ходил по диким, необжитым землям, ежедневно рискуя погибнуть от холода, голода, болезни или от стрелы «немирного» тунгуса. Почти все свои путешествия он совершил принудительно: сначала как ссыльный (в Сибирь и Забайкалье), а затем как осуждённый преступник (в Мезень и Пустозёрск). Странствия перемежались сидениями в монастырских тюрьмах и в острогах, и закончились попаданием в пустозёрскую «яму».

Но путь его был извилистым только географически: духовно это было движение по прямой.

Безусловно, стержень характера Аввакума — его вера. Из неё появилось и упорство, и терпение, и стойкость.

Душевные силы, упорство, терпение люди того времени получали из веры в Бога. Верили без огляда, всем сердцем. Сознание было религиозным. Всё, что происходит, — происходит по воле Бога. Нет еды и крова — значит, Бог посылает испытание. Ежедневные молитвы, еженедельные таинства причастия и исповеди — успокаивали, приводили дух в норму. Вера примиряла человека с его главным страхом: страхом смерти.

Однако психологи скажут, что страх смерти полностью подавить нельзя, поскольку он инстинктивен. Если ты видишь

несущийся на тебя автомобиль — ты отпрыгнешь инстинктивно, даже если сильно веришь в загробную жизнь.

Но страх смерти преодолевается не только верой в Бога, в рай и ад. Страх смерти преодолевается также приближением к смерти, созерцанием смерти, размышлениями о смерти — иными словами, исповеданием культа смерти.

Главное, что человек знает о жизни, — то, что она конечна.

Невинный ребёнок не думает о смерти, поскольку вообще не умеет размышлять о будущем. Понемногу взрослея, ребёнок узнаёт от взрослых, что однажды умрёт. Сначала умрут дедушка и бабушка, потом папа и мама, а потом и он сам. Подростка зовут на похороны престарелых родственников, и подросток привыкает созерцать смерть. Взрослые перестают ограждать его от информации о смерти: он узнаёт о войнах, убийствах, о неизлечимых болезнях. К подростковому возрасту человек свыкается с мыслью о смерти, но эта мысль его не беспокоит: вся жизнь впереди, до старости далеко. Но однажды — с потерей невинности — этот страх смерти непременно приходит к каждому человеку.

Однако смерти не обязательно бояться — можно научиться жить в соседстве с ней, относиться к ней спокойно, но — с уважением, как к опасному врагу.

Скандинавы-викинги создали разветвлённый культ смерти. Когда плывёшь на драккаре по ледяному морю — смерть находится на расстоянии вытянутой руки. Упал за борт — умер. Языческая мифология скандинавов — мрачнейшая. Достаточно вспомнить Нагльфар — корабль богов, сделанный из ногтей мертвецов. По-видимому, элементы культа смерти проникли в Россию с севера, по мере продвижения норманнов в земли славянских и финно-угорских племён по южному берегу Балтики и по территориям нынешней Новгородской и Псковской областей.

Культ смерти укрепился и развился в России, поскольку совпадал с ежедневным бытованием. Не заготовил на зиму дрова — смерть. Не раздобыл тёплую одежду и обувь — смерть. Не рассчитал запасы пищи на несколько месяцев — смерть.

Скандинавы называли территорию нынешней северной России «Гарда», или «Гардарики», что означало — «страна

изгородей», «страна заборов». Заборы нужны были для защиты домашних хозяйств от диких зверей. Не поставишь сплошной, надёжный, высокий забор — ночью придёт лиса и утащит кур, придёт волк и зарежет козу. Заборы и изгороди требовали регулярного ремонта; не починишь — зверь найдёт дыру, пролезет, убьёт животных-кормильцев: козу, овцу, корову, лошадь. Не подновил забор — смерть.

В сочинениях Аввакума о культе смерти ничего не сказано. Аввакум принимал смерть как христианин: со смирением. Для него смерть была переходом в новый мир. Отдельного рассказа требует его отношение к самосожжениям староверов — «гарям», но об этом — впереди. А пока — можно утверждать, что Аввакум исповедовал культ смерти неосознанно; иначе и сам бы не выжил, и семью бы не сберёг.

Культ смерти означает вовсе не стремление к ней, и ни в коем случае не стремление к убийству другого. Культ смерти не есть культ убийства.

Культ смерти — это отсутствие конфликта с нею.

Культ смерти не есть трагический культ, однако он и не героический. В русском культе смерти есть и трагический, и героический элемент, но в основном этот культ — практический, повседневный, возникший в силу особенностей тяжёлого климата.

Все скитания протопопа Аввакума случились в суровых холодных краях. Аввакум не знал жаркого солнца, не видел благодатных земель, где растёт виноград. Хождения Аввакума — это преодоление снегов, льдов, таёжных чащоб, бешеных ветров, быстротекущих сибирских рек.

Не шёл он там, где растут финики и оливы, где можно заночевать в любом месте, укрывшись лишь плащом. Он шёл там, где свищут гибельные вьюги, где жизнь зависит от пылающего дерева в лесном костре. Он шёл там, где изнурение, физическое истощение считалось обычным обстоятельством.

Если мы считаем Аввакума одним из первых писателей русской культуры — мы также принимаем его как одного из первых публичных исповедников культа смерти: умелого, последовательного и настойчивого.

13. Современный культ смерти

1

Тяжёлый климат и привычка к работе в условиях рискованного земледелия от поколения к поколению воспитывали в русских терпение, стойкость и спокойное отношение к смерти. Русский привык и к холоду, и к жаре, и к недоеданию, и к отсутствию ясных перспектив. Рассчитывать на урожай никогда нельзя, любое следующее лето может быть холодным и дождливым, посеянные семена могут не взойти.

О культе смерти как важной части национальной матрицы ещё будет сказано далее, пока же мы только зафиксируем этот феномен. За многие столетия, начиная со времён язычества, принятие смерти как части жизни сформировалось в сердце и голове каждого нашего соотечественника.

Смерть в русской культуре часто видится как избавление, и даже как награда. Не зря же про умерших часто говорят «отмучился». То есть, смерть у нас понимают не трагически, но философски, как некий бонус, и даже как благоприятное происшествие: страдал человек, страдал, и вот — настрадался, отмучился, Бог прибрал, в лучший мир увёл.

Русская литература пронизана идеей смерти, мгновенной, но кошмарной, как у Анны Карениной, или бесконечно длящейся, но тоже кошмарной, как у героев Шаламова.

Есть у нас и другая литература — весёлая, остроумная, лёгкая: Тэффи, Зощенко, Ильф и Петров, Довлатов; но таких авторов — абсолютное меньшинство.

Культ смерти активно исповедовал Некрасов. Вот, например, фрагмент из стихотворения «Железная дорога»:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

А вот из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Яков на сосну высокую прянул,
Вожжи в вершине её укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул.
Голову в петлю — и ноги спустил!..

Никто как Бог!
Не ест, не пьёт
Меньшой сынок,
Гляди — умрёт!

2

К культу смерти также относятся и увечья — как правило, полученные в боевых действиях и повлекшие полную либо частичную утрату трудоспособности.

Инвалиды возникают в огромном количестве после каждой войны. Но если мёртвых — просто хоронят и оплакивают, то инвалидов — безногих, безруких, слепых, глухих, немых, контуженных — общество содержит за свой счёт.

В моей семье по линии отца было двое инвалидов: прапрадед Дмитрий Прохорович, 1855 года рождения, солдат Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, вернулся домой с искалечен-

ной левой рукой, висевшей вдоль тела. Однако обузой для семьи он не стал. Обходясь одной рукой, он работал в кузнице молотобойцем, шил сапоги и конскую упряжь, валил лес.

С увечьями вернулся с Великой Отечественной дед Константин Васильевич, контуженный, с частичной потерей слуха; были у него и приступы посттравматической эпилепсии, но потом сошли на нет.

Старший брат деда, Фёдор Васильевич, воевал в Первую мировую, шесть лет просидел в австрийском плену, вернулся домой только в 1922-м, с туберкулёзом лёгких, — и вскоре умер, в возрасте 28 неполных лет; не знаю, считать ли его инвалидом или нет, а также не знаю, попадают ли такие смерти (а сколько их было?..) в статистику боевых и небоевых потерь Российской империи в той войне.

К 1945 году количество инвалидов войны исчислялось миллионами. Советская система оказалась не готова к появлению такой массы увечных граждан. (Да и как к такому подготовиться?) Никто не знал, куда девать армию калек.

При этом почти все они были сравнительно молодыми мужчинами, остро переживающими свою физическую неполноценность.

В 1945 году в СССР пособия по инвалидности получали 11 миллионов человек. Это население целой Португалии!

Входят ли эти 11 миллионов одноруких и вовсе безруких, одноногих и безногих, одноглазых и вовсе лишённых зрения в статистику общих жертв Великой Отечественной войны — сам я так и не смог выяснить. Вошли ли в эту статистику, например, люди, сохранившие трудоспособность, но лишённые речи в результате ранения в гортань? Вошли ли в эту статистику люди, лишённые слуха на три четверти, как мой контуженный дед Константин?

Инвалидов, лишённых обеих ног (а зачастую и рук тоже), называли «самоварами». Бóльшую их часть содержали семьи. Меньшая часть — побиралась, просила милостыню. Скитались по вокзалам, пели песни. Собранные деньги тут же пропивали. Безногие инвалиды в военной форме, на грубых деревянных

тележках с колёсиками из гремящих шарикоподшипников, стали неотъемлемой частью послевоенного городского пейзажа. Многие имели боевые награды, медали и ордена, и никогда их не снимали. Ни один милиционер не мог ничего поделать с безногим пьяным инвалидом, увешанным медалями. Судьба этой громадной армии несчастных увечных калек до сих пор изучена лишь отчасти.

Люди без ног, люди без глаз, люди без половых органов, люди, имеющие в телах осколки, причиняющие непрерывную сильную боль, осколки, которые невозможно удалить, чтобы не нарушить жизненные функции, люди, прооперированные в прифронтовых госпиталях неудачно, люди с оторванными носами и нижними челюстями, люди со сломанными позвоночниками.

...Чтобы выжить, они продавали свои награды. Так появились в большом количестве фальшивые инвалиды войны, одноногие и однорукие, не воевавшие, но купившие боевые медали.

Появились банды профессиональных калек; случались и конфликты, когда одни безногие били ножами других безногих в борьбе за «сферы влияния».

По идее, всех этих инвалидов, отдавших здоровье ради Победы, следовало окружить почётом, заботой, обеспечить социальными благами. Но советское государство после войны было сильно ограничено в ресурсах, деньги уходили на восстановление народного хозяйства и на создание атомного оружия; инвалидам — не хватило.

Судьба этой армии калек плачевна. В 1951 году вышел Указ Верховного Совета СССР «О борьбе с нищенством и антиобщественными и паразитирующими элементами». В последующие годы инвалиды были насильно убраны с улиц городов. Речь шла не обо всех инвалидах. Повторяю, бóльшую их часть содержали семьи. Меньшая же часть — бродяги, у кого не было семей, и кто сам ушёл из семей, чтобы их не обременять, — была пристроена в наскоро созданные интернаты или выслана за 101-й километр.

Существует некая усреднённая советская официальная цифра в 20 миллионов жертв Советского Союза в Великой Отечественной войне, но не очень ясно, вошли ли в это число миллионы инвалидов. Красноармеец 1925 года рождения, призванный на службу в 1945 году, и потерявший обе ноги в Германии, и списанный подчистую, наскоро награждённый медалью «За взятие Берлина», спившийся и умерший от алкоголизма в 1950 году, совсем молодым человеком, в возрасте 25 лет, — он вошёл в общую статистику потерь?..

В послевоенном СССР не существовало никаких общественных организаций инвалидов войны.

Однорукие, одноногие, одноглазые, имевшие семью, — в большинстве как-то выбрались, вытерпели. Безрукие, безногие, слепые, одинокие, — чаще всего спивались и умирали. И когда сам Сталин умер — один из гвоздей в его гроб заколотили призраки преданных им инвалидов Великой войны. Он продал своих солдат, умиравших с его именем на устах, — и его солдаты ему этого не простили.

3

Праздники, посвящённые смерти и мертвецам, есть во многих культурах. В странах Латинской Америки 1 и 2 ноября отмечается «Dia de Muertos», «День Мёртвых», — это весёлое действо, карнавал, люди едят сладости в виде человеческих черепов. День мёртвых — старый, дохристианский праздник — тоже часть культа смерти, но от русского культа он кардинально отличается. В латиноамериканской традиции культ смерти посвящён умершим, а в русской — живым.

Культ смерти расцвёл и мощно укрепился в XX веке, когда Россия пережила один за другим восемь тяжелейших катаклизмов: Русско-японскую войну, Первую мировую войну, Гражданскую войну, голод начала двадцатых, коллективизацию, голод начала тридцатых, Большой террор, Великую Отечественную войну. Смерть гуляла по стране почти полвека, выка-

шивая миллионы людей всеми возможными способами. Трагедия превратилась в повседневность.

Культ смерти активно использовала советская пропаганда; она рекрутировала мертвецов целым отрядами и заставляла работать на себя. Появились сотни книг о войне, десятки фильмов, где смерть изображалась во всех видах: героическая смерть, глупая смерть, мучительная смерть, напрасная смерть. Девизом того времени стала строка из песни Высоцкого: «Наши мёртвые нас не оставят в беде».

После 1986 года, когда была объявлена гласность, прилавки книжных магазинов заполонили книги о сталинских репрессиях и лагерях — и правдивые, и лживые, и художественные, и документальные; русский культ смерти был перезагружен. Главным персонажем стал не солдат, погибший в битве с фашизмом, а невинный человек, расстрелянный в подвале Лубянки или умерший в лагере. Но это снова был мертвец.

Потрясшая весь мир авария на Чернобыльской АЭС открыла людям новый вид смерти: невидимую, радиоактивную.

Распад СССР сопровождался большими и малыми вооружёнными конфликтами, кровь продолжала течь рекой.

В девяностых культ смерти снова был перезагружен, появились «новые русские» — и новые мертвецы, погибшие в бандитских разборках или от пули киллера. Профессия журналиста стала смертельно опасной: погибли Дмитрий Холодов, Анна Политковская, Пол Хлебников, Владислав Листьев и многие другие.

Затем возник новый носитель смерти: чеченский боевик-ваххабит, отрезающий голову русскому солдату и фиксирующий этот процесс на видео. От подобного Россия давно отвыкла: отрезанные головы писал художник Верещагин, ещё один исповедник культа смерти, но его основные сюжеты посвящены Русско-турецкой войне 1877–1878 годов; всем казалось, что подобные зверства не повторятся; но мы ошиблись. В «независимой Ичкерии», чеченском квазигосударстве, существовав-

шем в 1996–1999 годах, работали суды шариата и были узаконены расстрелы. Они фиксировались на видео — и кадры эти охотно транслировало российское телевидение.

В новое тысячелетие Россия вступила с мощным и укоренённым культом смерти. Исламский террор нулевых годов явил нам принципиально нового персонажа культа смерти: «чёрную вдову», женщину-смертницу. Во время теракта на Дубровке один из командиров террористического отряда записал видеообращение, я его запомнил. «Мы, — сказал боевик, — так же хотим умереть, как вы хотите жить».

В 2014 году в поле зрения общества возник ещё один, принципиально новый герой: донецкий и луганский ополченец, а также множество ополченцев из России, приехавших на Донбасс защищать русский мир — и не испугавшихся смерти.

Далее на сцену вышел ещё один персонаж: профессиональный наёмник, сотрудник частной военной компании, «вагнеровец». Стали популярны шевроны, отдающие дань уважения символам смерти как обязательному атрибуту войны. Например, предназначенный для ношения на груди и стилизованный под «шеврон идентификации», но вместо положенных для такового фамилии или ведомственной принадлежности на нём вышита знаменитая фраза Евгения Пригожина «Груз 200* — мы вместе»: то есть носящий его ассоциирует себя и с живыми, и с мёртвыми бойцами своего подразделения, подчёркивая, что даже смерть не может нарушить боевое братство ЧВК «Вагнер». Среди «вагнеровцев» вообще сложился полноценный культ павших: тела погибших «музыкантов» в обязательном порядке возвращают с поля боя, руководство всегда добивается обмена своих «200-х», а гробы оборачивают в знамя ЧВК «Вагнер» — и каждый погибший как будто

---

* Термин «Груз 200» первоначально обозначал цинковые гробы с трупами солдат для воздушной перевозки. Неофициально на военном жаргоне «Груз 200» и «200-й» сейчас используются для обозначения всех погибших, вывозимых с поля боя, а также для обозначения безвозвратных потерь.

продолжает оставаться в рядах «оркестра». Также одним из самых популярных шевронов СВО стала «Адамова голова»: череп с двумя перекрещёнными костями и заключительными строчками Символа веры — «Чаю воскресения мёртвых и жизни будущего века. Аминь»; отсылающий к знамени генерала Бакланова, героя Кавказских войн 1839–1859 годов, этот символ призван напоминать бойцам о бренности земной жизни и о необходимости стяжать жизнь вечную: иными словами, не следует страшиться телесной смерти в бою, потому что воюют — ради вечной жизни.

В 2010-х появилась и стала популярной акция «Бессмертный полк»: ежегодно 9 мая по городам проходят сотни тысяч людей с портретами дедов, погибших в Великую Отечественную войну. Эта акция — очередная перезагрузка культа смерти.

В моду вошёл лозунг «Можем повторить» — выражающий суть культа смерти афористично, но не полностью. Если попытаться выразить его чуть точнее, это звучит так: «Мы не боимся смерти, мы умеем умирать, мы знаем о смерти — всё».

В 2020 году смерть пришла к нам в гости в обличье неизвестного ранее вируса. Годом позже была изобретена вакцина, людям предложили бесплатное спасение, но люди массово проигнорировали вакцинацию и продолжают её игнорировать, весело напевая песенку Шнурова: «Ведь всё равно же все умрут, без разницы, там или тут». Почему это происходит? От «темноты», от лени, от глупости? Вовсе нет. Фатализм есть то же самое исповедание культа смерти.

Презрение к смерти превращает обычного обывателя — в героя.

Культ смерти взял на вооружение писатель Лимонов, создавая партию национал-большевиков, ныне запрещённую; один из главных лозунгов нацболов — «Да, смерть!».

С началом специальной военной операции на территории Украины в 2022 году культ смерти снова перезагрузился. Шапкозакидательские лозунги типа «Можем повторить» исчезли

из употребления: настало время доказать, что наше общество действительно может повторить.

Мы видим, что древний русский культ смерти в новейшей истории не только не угас, но и получил мощную подпитку.

Иногда этот культ превращается в трагический, иногда в героический, но по сути остаётся — практическим, буквально повседневным.

14. Женщины — против. Анастасия Марковна, жена Аввакума

1

Однако культ смерти в России исповедуют только мужчины. Женщины, наоборот, восстают против культа смерти всеми силами.

Это одно из самых мощных противоречий, двигающих вперёд наше общество, в соответствии с законом диалектического развития.

Женщины в России сильнее мужчин. Женщины — сильный пол. Физически они слабее мужчин, но гораздо выносливее и терпеливее. Наконец, женщины, как правило, дальновиднее мужчин. Они лучше видят будущее, перспективу.

В большинстве семей, мне известных, лидерами являются жёны. Во-первых, они контролируют семейные бюджеты. Часто попросту отбирают у мужей заработную плату. Во-вторых, определяют стратегию развития семьи, строят планы, как ближние, так и дальние. Какую одежду покупать, где проводить отпуск, в каких университетах будут учиться дети, — все эти расчёты происходят в головах у женщин.

Я выдержал в своё время несколько дискуссий с феминистками, уверенными, что права женщин в России грубо попраны.

Но как только я задаю вопрос: «А кто в вашей семье контролирует бюджет?» — дискуссия тут же прекращается. Большинство моих прекрасных оппоненток признаются, что крепко держат в руках ключи от семейных касс. А кто контролирует деньги — тот и главный, разве нет?

При этом на словах жена, как правило, декларирует демонстративное уважение к мужу как к «главе семьи», подчёркивает это перед детьми.

Я называю это скрытым матриархатом. Российское общество на деле управляется матриархами, миллионами женщин-лидеров. Они так или иначе манипулируют своими мужьями, вынуждая их принимать нужные решения.

Бич нашего общества — неполные семьи. Муж и жена родили ребёнка, потом развелись. Ребёнок остался с матерью, она сохраняет за собой ответственность за ребёнка. Бывшие мужья присылают алименты, но не несут самой изнурительной нагрузки в воспитании детей — бытовой, то есть — не встают в семь утра, чтобы отвести ребёнка в сад или в школу, и не бегут со всех ног после рабочего дня, чтобы забрать его, не таскают ребёнка по больницам, если он заболел. А часто нет и алиментов; бывшие мужья присылают гроши или вообще ничего не присылают, отговариваясь тем, что нет работы.

Освобождение женщин, социальное равноправие женщин и мужчин — придумано не в России. Эту идею, как и множество других, мы позаимствовали с Запада.

В конце XIX века одной из библий социалистов считалась книга Августа Бебеля «Женщина и социализм», опубликованная в 1879 году. Написана она, кстати, в тюрьме: в замке Остерштайн, в Саксонии. В этой книге провозглашалась будущая и неминуемая тотальная свобода женщины.* При социализме, утверждал Бебель, женщина не будет связывать себя узами брака, она сама будет выбирать себе сексуального партнёра, она будет рожать ребёнка, если пожелает, от любого мужчины, по собственному выбору. Детей, рождённых от свободного союза,

---

* См. гл. 25 «Социалистическое воспитание», и гл. 28 «Женщина в будущем».

женщина будет передавать в специализированные государственные учреждения, ясли-интернаты; там дети должны воспитываться в коллективе, под надзором нянек и педагогов, вне семьи. Традиционная семья, где супруги связаны юридическими обязательствами, в социалистическом государстве упразднялась бы.

Далее, в соответствии с исторической традицией, идеи, рождённые теоретиками, Бебелем и другими, в Европе, на практике были осуществлены, пусть и частично, в Советской России, первой в мире социалистической стране, уникальном экспериментальном обществе, не имевшем аналогов.

В РСФСР женщина могла отдать своего ребёнка в ясли с возраста полутора лет. Её время высвобождалось. В яслях и детских садах детей кормили, прививали, лечили, закаливали, развивали физически и интеллектуально.

Но большевики пошли ещё дальше. Они решили, что женщина будет полностью освобождена от самого неблагодарного труда — кухонного. Эта идея также пришла из Европы; у Бебеля она изложена в развитии.

С середины двадцатых годов в России активно создавались фабрики-кухни, пищевые комбинаты, общественные столовые. Этот процесс замечательно описал Юрий Олеша в романе «Зависть». Социализм — это коллективное употребление пищи. Люди должны перестать питаться на индивидуальных кухнях. Еда должна производиться промышленно, по рецептуре, заранее разработанной лучшими диетологами; это будет здоровая, калорийная, свежая еда; её будут производить централизованно; так же централизованно будут утилизироваться и пищевые отходы.

Однако на практике развитие такой системы столкнулось с трудностями. Далеко не все женщины и мужчины пожелали отказаться от традиционной семьи. Россия начала XX века была аграрной, крестьянской страной. Свыше ста миллионов крестьян жили традиционным, патриархальным укладом. При этом марксистко-ленинская теория прямо указывала, что движущей силой строительства социализма является промышлен-

ный пролетариат. И Сталин, считая себя верным учеником Ленина, начал создавать такой пролетариат за счёт крестьянства, не считаясь с потерями. Индустриализация и коллективизация сопровождались грандиозными жертвами. Сталин прямо заявил: «Нам нужно 15–20 миллионов промышленных пролетариев» — и шёл к этой цели упрямо и последовательно.

И вот, так вышло, что советская женщина, юридически вроде бы полностью уравненная в правах с мужчинами, на деле оказалась вдвойне порабощена. Она работала полный день — в колхозе, в конторе, на заводе, — а после работы вынуждена была взваливать на себя семейную нагрузку: приготовление еды для мужа и детей, обстирывание, уборку. Патриархальная традиция, при которой женщина тащит на себе весь быт и домохозяйство, никуда не делась.

Колоссальную нагрузку женщины вынесли во время Великой Отечественной войны: мужчины ушли умирать за Родину, женщины остались работать и растить детей.

Тип советской женщины окончательно сформировался к началу пятидесятых годов. В народе этот тип охарактеризовали поговоркой: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Миллионы мужчин не вернулись. Женщины пошли на самые тяжёлые мужские работы. Моя бабка Анна Васильевна дошла до должности бригадира сталеваров на заводе «Электросталь». Равноправие советских женщин превратилось в каторгу.

Те, кому повезло, дождались возвращения своих мужей, героев войны, и немедленно родили от них детей. Возник послевоенный «бэби-бум», резкий всплеск рождаемости. К послевоенным детям принадлежат мой отец и моя мать, 1945 и 1946 года рождения.

Все (или почти все) женщины — даже «независимые», «железные леди», «амазонки», женщины самодостаточные, закалённые, — независимо от профессии, от условий жизни, от нагрузки — хотели, хотят и будут хотеть рожать детей.

Ибо у женщины есть привилегия, данная ей природой. Женщина, в отличие от мужчины, всегда может реализоваться — в материнстве. Эта величайшая честь женщины — честь

произвести на свет нового человека — неотъемлема. Мужчина не может, а женщина — может. Способность к деторождению возвышает женщину. Материнство даёт женщине смысл жизни, энергию, ощущение востребованности.

Сейчас эта парадигма сильно деформировалась. Рождаемость — самый, очевидно, болезненный и спорный цивилизационный вопрос. Любой историк скажет, что рождаемость велика в отсталых обществах. Чем богаче и благополучнее общество — тем ниже в нём рождаемость. В благополучной Японии — чрезвычайно низкая рождаемость. В беднейших, отсталых народах Азии и Африки женщины рожают нон-стоп.

В развитых обществах граждане «планируют семью», понимая, что ребёнка родить — мало, далее надо его «поднять», воспитать, дать образование; родители сознают социальную ответственность, долг перед детьми. В обществах менее развитых — детей производят на свет просто так.

С одной стороны, всякое государство прямо заинтересовано в увеличении количества своих граждан. Чем больше подданных — тем сильнее государство. С другой стороны, учёные давно бьют тревогу, заявляя о перенаселении планеты. Общее мнение таково: мировая цивилизация занимается воспроизводством бедных либо нищих, деклассированных, малограмотных людей, способных только на то, чтобы есть и совокупляться. Большинство выходцев из стран третьего мира не умеют ничего, кроме как пользоваться смартфоном, и мечта у них одна: перебраться в благополучную страну и добиться получения пособия по безработице. Таких — десятки миллионов, и они — балласт, лишние рты.

Однако нам в России перенаселение не грозит. Наоборот, для нормального функционирования страны нам совсем не помешали бы ещё 50 миллионов граждан, а лучше — 100 миллионов. Территория России столь велика, что если наше население вдруг увеличится на 50 миллионов — никому из нас не станет от этого тесно.

При этом верно и обратное утверждение: если население России сократится даже вдвое — в стране принципиально ни-

чего не изменится. Уцелеет и русская цивилизация, и российская государственность; территории и недра по-прежнему будут эксплуатироваться ради наполнения бюджета, и книги на русском языке будут выходить. Резкое уменьшение населения России отнюдь не будет означать гибель русской культуры. Накопленный русской культурой эгрегор столь огромен, что его хватит на несколько столетий. Этот эгрегор никак не зависит от численности населения. Точно так же маленькая, 9-миллионная Австрия сохранила блестящую культуру Австро-Венгерской империи, ныне уничтоженной.

Наша цивилизация объединена вокруг нашей культуры — а протопоп Аввакум один из тех, кто стоит при её начале; это нельзя отменить, замолчать, опровергнуть или оспорить.

2

Если перечитать «Житие протопопа Аввакума», отмечая упоминания о его жене, — обнаруживаем, что как раз с Анастасией Марковной связаны самые пронзительные строки.

Не с царём Алексеем Михайловичем. Не с патриархом Никоном. Не с воеводой Пашковым.

С женой.

Знаменитые слова «ино ещё побредём» произнёс не Аввакум, а его жена. Аввакум лишь их записал.

Жена укрепляла его, жена давала ему силы. Без Анастасии не было бы никакого Аввакума.

А вот другой, менее известный, но не менее пронзительный фрагмент «Жития»:

«Опечаляся, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и сказала мне: “что, господин, опечалился ты?” Я же ей подробно известил: “жена, что делать? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? — связали вы меня!” Она же мне говорит: “господи помилуй! что ты, Петро-

вич, говоришь? Слыхала я, — ты же читал, — апостольскую речь: «привязался ты жене, не ищи разрешения; когда отрешишься, тогда не ищи жены». Я тебя и с детьми благословляю: дерзай проповедать слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; пока бог изволит, живем вместе; а когда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, — обличай блудню еретическую!"»

Силён Христос и нас не покинуть. Так она ему сказала.

Он её любил, конечно, очень. Он ценил её.

Мастерство писателя-автобиографа заключается как раз в том, чтобы слагать рассказ не о себе — но о других, о тех, кто рядом. О тех, кто помог тебе стать собой.

Анастасия Марковна — один из величайших женских портретов в русской литературе; следующие героини, равные ей по масштабу, будут созданы только в XIX веке.

Анастасия пережила своего мужа на долгие 28 лет. Ей и сыновьям разрешили вернуться из ссылки в Мезени в 1693 году. Анастасия умерла в 1710 году. Вплоть до кончины она жила в подмосковной деревне Шаболовка при храме Живоначальной Троицы. Храм этот уцелел и ныне расположен по адресу Москва, Шаболовка, 21.

Биограф Аввакума Кирилл Кожурин утверждает, что Анастасия похоронена при храме Троицы, но могила её не сохранилась. О том же есть прямое упоминание в книге Н.Л.Дружиной «Краткое историческое описание храма Живоначальной Троицы».*

В конце 2021 года я попытался разыскать если не могилу Анастасии, то хотя бы место её захоронения. На Шаболовке, при храме Троицы, от кладбища не осталось и следа; там теперь хозяйственные постройки. Но служители храма сообщили, что на задах храма был большой овраг, поэтому кладбище было совсем маленьким, и хоронили там только священников этого же

---

* «Издательство трудов комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии». Т. IV-V. 1911 г. С. 6.

храма, и более — никого, а прочих — на кладбище расположенного неподалёку Данилова монастыря, поскольку земля, на которой возвели храм, первоначально именно этому монастырю принадлежала.

Однако в списке захороненных в некрополе Данилова монастыря имя Анастасии не значится. Нет её упоминаний и в научном труде Л.А.Беляева «Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках».

Видимо, протопопица Анастасия Марковна, чья могила исчезла, а кости лежат непонятно где, ушла к мужу, в его последнее и надёжное пристанище: в Тайный мир. Туда, где нет даже и могил.

В Тайном мире нет могил, нет физических свидетельств существования человека, — только память, и та ненадёжна: она выветривается с течением столетий. Сохранить память позволяет язык, письменная запись, хроника, но и она по прошествии времени оспаривается учёными историками. Так время смывает и письменные свидетельства. В Тайном мире нет прошлого и будущего, только длящийся настоящий момент. Пребывающий в Тайном мире — пребывает здесь и сейчас, и более нигде. У каждого из нас есть только теперь; мы живём — теперь, нынче, а жили ли вчера и будем ли завтра?..

15. Зелёное вино

По свидетельству самого Аввакума, его отец пил горькую — распространённый порок, и не только в России, и не только среди священнослужителей.

Аввакум в молодые годы тоже неумеренно пил — он сам в этом признаётся.

И надо понимать, что в микрокосме села Лопатищи никто ни от кого секретов не имел; если поп пьянствует — все знают.

Поскольку он был сильный человек, то пьянство его, вероятно, было бытовое, то есть — без запоев. С утра принял, в обед принял, вечером ещё. Всё время под газом, но функции выполнял. Запах можно зажевать.

Жена знает, что муж пьёт, но помалкивает.

Ещё совсем недавно, на рубеже веков, был жив устойчивый миф о некоем особенном русским пьянстве, миф, укоренённый и в классической нашей культуре.

Пиши: «В деревне Басове
Яким Нагой живёт,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьёт!..»

— известные строки из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», созданной в 1865–1876 годах.

Но вдруг, через полтора столетия после Некрасова, в нулевых годах XXI века, начали появляться сообщения о резком снижении уровня потребления алкоголя в России. По данным статистики, спрос упал вдвое по сравнению с показателями конца девяностых. Это видно и невооружённым глазом. Оказалось, что в странах Скандинавии или в Англии бытовой алкоголизм представляет такую же тяжёлую проблему, как и в России. Оказалось, что причины легендарного «русского пьянства» — всё же социальные, а никак не генетические; в России теперь более развито умеренное, культурное употребление алкоголя, а молодёжь часто и вовсе исповедует полный отказ от выпивки в пользу здорового образ жизни.

Мы, конечно же, не стали нацией трезвенников, но миф о беспробудном русском пьянстве как-то сам собой перестал быть актуальным. Теперь алкоголиком быть невыгодно, неинтересно, старомодно, глупо.

А что же в XVII веке, при Аввакуме?

Официальных данных мало, статистика недостаточна, но есть разнообразные упоминания в хрониках о том, что если власти в том или ином городе закрывали питейные заведения, кабаки, целовальни — это часто приводило к бунтам, беспорядкам, протестам. Бывали случаи, когда священники добивались закрытия кабаков на время Великого поста, — но ни к чему хорошему это не приводило.

На протяжении столетий на производство и продажу алкоголя в России существовала государственная монополия. Казна получала свою долю от продажи каждой чарки. Доходы эти были весомы: в начале XX века царская власть получала от реализации алкоголя пятую часть всей прибыли. Отказаться от таких барышей, кажется, было невозможно, но всё же однажды это произошло. Сухой закон в Российской империи был впервые введён в 1914 году в начале Первой мировой войны. Большевики, перехватив власть, этот закон сохранили, но ненадолго: запрет на продажу водки был снят в 1925 году, после смерти Ленина.

Иными словами, наше «русское пьянство» исторически было частью экономики, то есть — инспирировалось государ-

ством. Государство активно спаивало народ и на этом имело профит. Как только государство перестало нуждаться в доходах от продажи алкоголя — тут же русскому пьянству пришёл конец.

Нет никакого особенного «русского» пьянства, или «скандинавского» пьянства, или «американского», — а есть государственная политика.

Да, спившимися деградантами легче управлять. Но государству всё же нужны в большом количестве трезвые металлурги, трезвые инженеры, трезвые полицейские, трезвые чиновники; пьяные послушны, но трезвые — сильнее.

Итак, Аввакум Петров, священник церкви села Лопатищи, молодой человек, какое-то время пил, и мы не знаем, сколько это продолжалось: может, год, может, пять лет. Причин — тоже не знаем: пил ли он от скуки, или от раздирающих его душу сомнений, или от предчувствия будущих трагедий. Знаем зато, что в итоге он выбрал путь, исключающий алкогольную зависимость.

16. Первые конфликты и побег в Москву

В Лопатищах Аввакум исполнял свои обязанности столь усердно, что количество духовных детей, как он сам пишет, увеличилось «до семи сот и больши».

В те времена существовало понятие «покаяльной семьи»: сообщества, не равнозначного приходскому сообществу; каждый мирянин сам выбирал себе пастыря, которому исповедовался.

Откуда взялись семьсот духовных детей у 30-летнего попа Аввакума — неизвестно. В селе Лопатищи обреталось, можно предполагать, не более сотни прихожан, включая малых детей. Допустим, многие приходили из соседних сёл; но расстояния там велики, между сёлами по 20–30 вёрст, целый день хода, а потом надо идти обратно: либо рекой на лодке, либо пешком или верхом через лес. Но, предположим, слава и авторитет молодого попа были столь велики, что многие десятки его поклонников шли к нему отовсюду.

Аввакум, глубоко верующий, не мог лгать, — и если упомянул 700 духовных детей, то на порядок преувеличить не мог. Это важно понимать.

Он, безусловно, обладал силой убеждения, особенным обаянием, тем, что сейчас называют «харизмой». Его лидерские качества, вероятно, сформировались именно в период

жизни в Лопатищах. Там он понял, в чём его призвание, для чего он нужен Богу. Там он окреп и житейским умом, научился разбираться в людях.

И был он — строгим, а с врагами — безжалостным. Ругая нерадивых прихожан, за словом в карман не лез. Браниться умел в совершенстве, в том числе матом. Богатая и яркая устная речь даётся только тому, кто много читает и имеет вдобавок хорошую память. Аввакум был начитан с детства, и, можно предположить, продолжал много читать и в период пребывания в Лопатищах: всё-таки там он имел дом, постоянное пристанище. Потом, в период странствий, если и носил с собой книги, то в минимальном количестве.

Умение браниться изысканно и остроумно — также талант немногих. Из моих современников таким даром обладал только Лимонов. О сходстве этих двух — Аввакума и Лимонова — мы ещё поговорим.

Злоязычие ценно не само по себе, а лишь тогда, когда сочетается с бесстрашием. Нет доблести в том, чтобы выругать того, кто слабее. От Аввакума — доставалось всем: патриархам, епископам, придворным, боярам, воеводам. Единственный, кто избежал яростной критики Аввакума, был царь Алексей Михайлович.

Здесь же, в Лопатищах, начались и первые конфликты Аввакума с власть имущими, с «начальниками».

Фактически в России середины XVII века государственное управление осуществлялось военными силами. Страну контролировали провинциальные воеводы, собиравшие налоги (подати) и вершившие суды. Когда Аввакум употребляет слово «начальник» — имеется в виду местный воевода, наместник, государственный чиновник в военном звании, который был одновременно административным управляющим, военным комендантом, прокурором, судьёй, следователем и налоговым инспектором. Попросту говоря, на подведомственной территории воеводе подчинялись как царю.

С этими воеводами Аввакум и схлестнулся. Начались скандалы. Независимый, отважный и авторитетный молодой поп начальникам не подчинялся.

Подробности от нас ускользают. Один воевода «отнял у вдовы дочь» — зачем отнял, сколько лет было вдове, сколько было дочери? Аввакум заступился — и был жестоко избит. Другому воеводе не понравилось, как поп вёл службу; последовало ещё одно избиение, а затем и изгнание попа вместе с семьёй. Имён воевод — начальников — Аввакум не сообщает.

Летом 1647 года он отправился в Москву искать правды; ему было 26 лет. Пошёл вместе с женой и малыми детьми.

Этот его рывок нужно отдельно отметить.

Историки утверждают, что он уже в сентябре того же 1647 года возвратился в Лопатищи с царской грамотой.

В Москве, то есть, он тогда пробыл считаные дни, но — познакомился со своим будущим другом Иоанном Нероновым (впоследствии — лидером старообрядцев и ренегатом) и удостоился аудиенции у царя.

О первом хождении в Москву провинциального попа Аввакума почти ничего не известно.

Царю Алексею Михайловичу было тогда 17 лет. Год прошёл, как он официально вступил на престол. Юный царь едва примерялся к науке управления государством. Его гораздо более интересовала собственная духовная жизнь: с детства царь Алексей был глубоко верующим православным христианином, воспитанным в благочестии, получившим хорошее образование.

Тот разговор между 17-летним царём и 26-летним провинциальным священником хорошо бы восстановить, реконструировать. Двое молодых людей, один совсем юный, другой старше и опытнее, но оба идеалисты, — сошлись в кремлёвской палате, и с тех пор их заклятая дружба продлится почти 30 лет, вплоть до смерти царя; Аввакум его пережил на шесть лет.

Алексей был красивый юноша, склонный к полноте, с белым мягким телом, с круглым лицом и тёмными глазами. Взгляд — очень внимательный. С отрочества, по обычаю тех лет, лицо не брил; понемногу отрастала борода.

Россия была царством мужчин, отрастивших бороды до груди, и женщин, которые прятали свои волосы под покров.

Царь Алексей мечтал создать идеально благочестивое общество, в котором будут побеждены все грехи, иными словами — построить царство Божие на земле.

Царь Алексей трижды в день молился, каждую неделю причащался и исповедовался своему духовнику Стефану Вонифатьеву. Царь держал все посты и много читал. Он был очень умным человеком и, возможно, идеальным продуктом русской элиты того времени, образцовым русским монархом.

Несмотря на тучность, царь отлично ездил верхом и был страстным любителем соколиной охоты. Далее, царь исправно выполнял свой мужской долг — и оставил множество наследников, 16 детей от двух жён, из которых трое сыновей и одна дочь (Софья) правили державой после его смерти.

Но это произойдёт потом — а пока двое молодых парней встретились в Москве, и царь, поговорив с Аввакумом, повелел выписать ему документ, охранную грамоту или что-то в этом роде. Царь дал ему защиту; более того, вовлёк в большое дело, в строительство нового общества.

В распоряжении царя Алексея была одна из самых больших стран обитаемого мира: огромные территории и около 7 миллионов подданных. В Англии в тот же период проживало менее 5 миллионов, во Франции — около 8 миллионов.

Ещё нет ни Никона, ни реформы, ни троеперстия, ни раскола, ни сгоревших заживо. Сошлись при удивительных обстоятельствах двое молодых идеалистов — и стали навсегда единомышленниками; но при этом — противниками. Потом Аввакум будет писать царю униженные челобитные, а царь никогда его не забудет и лично поучаствует в его судьбе.

Домой, в свои уединённые Лопатищи, Аввакум вернулся, надо думать, в восторге. Он увидел, что государственная система — работает. Его встретили, внимательно выслушали, помогли. Сам царь с ним — с простым попом из глухого места — поговорил; выше некуда. Такое событие не может не вызвать подъёма чувств.

Следующее происшествие, описанное самим же Аввакумом, — разгон ватаги бродячих скоморохов. Скоморошество

было тогда запрещено как пережиток язычества, и Аввакум церемониться не стал — выгнал незваных гостей из села, избил, сломал музыкальные инструменты. При скоморохах были два дрессированных медведя; им тоже досталось. История вышла шумная, расползлись слухи.

В это время по Волге проплывал боярин Василий Шереметьев, решивший полюбопытствовать, что за поп такой бешеный живёт во вверенных ему землях. Аввакума доставили на корабль. Боярин попросил благословить своего сына. Аввакум увидел, что боярский сын — выбрит, ни бороды, ни усов, и вместо благословения набросился на юношу с обвинениями. По тем временам бритьё бороды и усов сурово осуждалось церковью, считалось латинством и признаком склонности к мужеложеству.

Недолго думая, боярин Шереметьев приказать выбросить разгневанного попа в Волгу.

Подобные конфликты стали происходить всё чаще, и в 1652 году Аввакум опять ушёл из Лопатищ, на этот раз — навсегда.

Как мы теперь поймём: чего он хотел, каковы его мотивы? Был ли он честолюбив, желал ли возвыситься? Вот, допустим, сходил он в Москву, поговорил с самим царём; неслыханное дело для рядового попа из глубокой провинции. Может, с тех пор запомнил Москву? Вернулся в своё село — но Москва была в голове, не отпускала? Может, ему мало уже было паствы в селе Лопатищи, хотел большего, амбиции съедали?

В данном случае это неважно. Если Аввакум был жрецом, он мог быть амбициозным, мог быть честолюбивым, но не это — его определяющее качество. Жрец — охотник за истиной, его цель — поиск верной формулы, обретение и насаждение верного знания. Жрец служит истине.

Если поиск знания возможен в Лопатищах — жрец остаётся в Лопатищах. Если этого мало — жрец идёт в другое место.

Жрец может любить богатство, славу, почёт, сытость — но никогда не любит покой; он может быть алкоголиком или трезвенником — неважно; жрец в первую очередь ищет вер-

ную формулу. Как лучше читать молитву? Как лучше спеть псалом?

К тому времени в Москве вовсю действовал «кружок ревнителей благочестия», в который вошёл и сам молодой царь Алексей Михайлович, и его духовник Стефан Вонифатьев, а также и новый фаворит царя, Никон, игумен Кожеозёрского монастыря, затем архимандрит Новоспасского монастыря; между прочим, уроженец Заволжья, земляк Аввакума.

В Москве молодого попа Аввакума сына Петрова — помнили; снова пригрели, дали место, но, правда, не в столице — много чести, — а в Юрьевце-Повольском (ныне Юрьевец Ивановской области); вполне себе город, на берегу Волги, торговый, развитой, но всё же не сильно ближе, чем Лопатищи, — 450 км от Москвы.

В Юрьевце Аввакум прослужил не более 2 месяцев: его снова избили и изгнали. Недовольны были и рядовые прихожане, и «коллеги», священники соседних храмов. В огромной (тысяча и более человек) толпе, пытавшейся растерзать Аввакума, были и «бабы с рычагами», то есть с палками. Аввакум утверждает, что он «унимал их от блудни», а им это не понравилось. Есть также версия, что Аввакум не делился с другими священниками деньгами, сбираемыми с паствы. Официальная же версия нападения — Аввакум слишком рьяно критиковал скверные нравы, разврат и пьянство. От смерти его спас юрьевецкий воевода, поставивший у дома Аввакума вооружённую охрану.

Здесь уже конфликт иного рода, не с власть имущими, но с обычными прихожанами. Как же надо было Аввакуму обличать разврат, чтобы его собралась линчевать толпа женщин с дубинами?

Аввакум, мягко сказать, не был дипломатом; он не искал компромисса, не испытывал никакого снисхождения к грешникам; суровый, непримиримый максималист, да вдобавок умный, образованный, хороший оратор, — такие люди неудобны, они всем мешают, от них всегда одни проблемы. Рассуждая житейски, Аввакум неправильно себя повёл: приехал в чужой город,

и вместо того, чтоб притереться, поладить с местной элитой, сходу начал яростно насаждать царство божие на земле. Ну как такого бешеного попа терпеть?

Может, всё проще: не хотел он в Юрьевец, а хотел в Москву. И сам спровоцировал своё изгнание.

Или так: в маленьких Лопатищах обстановка была более или менее благонравная, а в торговом суетном Юрьевце новоприсланный поп обнаружил столь ужасное, на его взгляд, падение нравов, что не нашёл для себя иного выхода, кроме яростного самоубийственного протеста.

Умный был, смелый, начитанный, — но что видел в свои 32 года? Сельцо Григорово на полсотни дворов, да сельцо Лопатищи, такое же. Да несколько дней провёл в Москве. Никогда не жил в городах, не знал, как встроиться в систему, как «делать дела». Два месяца в Юрьевце — его первый опыт пребывания в большом мире.

Но важно, что он не стал конформистом, не попытался адаптироваться, — а сходу оттолкнул «большой мир».

Аввакум пишет, что бежал в Москву, оставив жену, детей и домочадцев до 20 душ. Примечательное признание: он кормил двадцать человек ближней и дальней родни; целый клан за ним стоял. Были там, наверное, и приживалы-нахлебники, малые детишки и ветхие старики, были и трудоспособные, работавшие во дворе и в огороде. В любом случае, Аввакум вполне сводил концы с концами, и если бы захотел — мирно укрепился бы в Юрьевце.

В Москве Аввакума отругали за то, что бросил приход. Снова он попался на глаза царю: тот тоже выразил сожаление. В итоге в мае 1952 года его пристроили в Казанский собор. Семья и домочадцы также перебрались в Москву.

Каменный храм Казанской иконы — на углу Никольской улицы и Красной площади — стоит и поныне, но это — новодел: прежний храм был снесён в 1936-м, и восстановлен в 1991 году. Я иногда бываю в этом храме, он действующий и очень красивый.

Настоятелем Казанского собора был Иоанн (Григорий) Неронов, лидер «кружка ревнителей благочестия». Аввакум с семьёй поселился в доме Неронова. Они сошлись и подружились, хотя Неронов был много старше.

Примерно в эти же дни, 15 апреля 1952 года, умер патриарх Иосиф. Аввакум появился в столице как раз в разгар дискуссий о кандидатуре нового духовного вождя православного мира.

17. Начало раскола, его суть и развитие конфликта

Царь и его ближний круг — духовник Вонифатьев, Иоанн Неронов, недавно приближенный Никон и другие — решили перестроить церковь, с тем, чтобы приблизить её к народу, усилить её влияние на формирование общественных нравов.

Это было очень удобно: ничего принципиально не менять, не проводить экономических реформ, не тратить деньги из казны — а попытаться изменить жизнь подданных одной только усиленной пропагандой благочестия.

Если бы реформы имели девиз, он формулировался бы так: «Больше православного христианства — красивого, интересного, современного».

С этой целью решили прежде всего сделать храмовые службы более привлекательными для прихожан. Начали с переделки канонов церковного пения, поскольку храмовое пение оказывает на психику человека сильнейшее влияние. Это подтвердит любой современный психолог. Храм есть особенный мир, с особенными запахами (горячий свечной воск и ладан), особенным освещением (свечи, то есть — живое пламя, и дневной свет сверху, из «барабана»), особенными мелодичными звуками, пением и речитативом храмового пастыря. Всё вместе имеет целью психоактивное воздействие. Вдыхание дыма ладана

принципиально не отличается от поедания мухоморов или пейота: во всех случаях происходит затуманивание рассудка, расширение сознания, эйфория.

Далее перешли к другим новшествам. Важно было решить: что́ брать за образец, на какой эталон опираться? Иоанн Неронов, его младший товарищ Аввакум и некоторые другие полагали, что образцом будет древний русский уклад, восстановленный на основе отеческих преданий. Но царю и Никону это показалось сложным — они решили, что перестраивать церковь следует просто по современному греческому образцу, а заодно этим укрепить союз между двумя основными православными духовными традициями, греческой и русской; это было выгодно и политически. А главное, проще: пригласить десяток учёных греков, да и дело с концом.

О расколе написаны тома и тома. Есть исторические исследования, есть художественные романы — например, «Раскол» Владимира Личутина или уже упомянутый «Великий раскол» Даниила Мордовцева; есть даже большой телевизионный сериал хорошего режиссёра Николая Досталя. Здесь нет смысла подробно пересказывать уже известное.

По общему мнению историков, раскол — пример катастрофического процесса, начатого с вроде бы благими целями.

По мнению тех же историков, патриарх Никон преследовал личные цели: обретение власти и удовлетворение гордыни. То есть, он был царём (или лжецарём), который притворялся жрецом.

Участие настоящего царя, Алексея Михайловича Романова, также было велико. Причём этот царь — один из самых религиозных и богобоязненных в русской истории, шагу не ступавший без советов с духовниками, — парадоксально оказался повинен в развале единой церкви и в ослаблении её авторитета. Следующий великий монарх — Пётр Алексеевич — напротив, был светским лидером, и довёл реформу до логического конца: упразднения сана патриарха.

Наконец, есть версия, что главным инициатором реформы был сам царь; он имел амбициозный, далеко идущий план:

отвоевать у османов Константинополь и утвердиться на троне базилевсов.

Различия между новой, никонианской церковью — и старой, дореформенной, современному человеку покажутся несущественными. Ну какая разница, по большому счёту, двумя перстами креститься — или тремя? Сейчас о большинстве различий знают только теологи и историки церкви. Различия касались формы крестов, трактовки некоторых фрагментов священных текстов, устройства храмов, облачения духовных лиц. Всего в начале реформ Никона таких различий насчитывали 17, но за последующие десятилетия, пока реформа разгонялась и расширялась, число их увеличилось до сотни и больше.

Но были некоторые нововведения, которые и сейчас могут показаться нам важными. Например, Никон разрешил венчать православных с иноверцами (до реформы это запрещалось). Или: до Никона священники в приходе избирались демократическим путём, на общем сходе прихожан, а после реформы — приходских батюшек стали назначать административно, по указанию вышестоящей инстанции.

18. Кратчайшая и субъективная история начала книгопечатания на Руси

1

Мы живём в новую эпоху: постиндустриальное общество понемногу превратилось в новое, информационное.

Расцвет постиндустриального периода пришёлся на восьмидесятые годы XX столетия и связан с торжеством так называемой «рейганомики».

Американская экономика на протяжении более чем полувека была самой сильной в мире, и от её развития во второй половине XX века зависела и вся мировая экономика.

В восьмидесятых экономическая мощь США стала несомненной. Как говорили мне сами американцы, Рейган «объединил» и «возродил» нацию. Рейган — самый популярный президент США после Джона Кеннеди.

Рейган предложил согражданам жить в долг, то есть потреблять как можно больше; брать кредиты и займы; жить сейчас, занимая деньги у будущего. В будущем экономика станет ещё более сильной, и долги, которые мы наделаем в настоящем,

будут погашены в любом случае. Такова, в общих чертах, экономическая логика Америки восьмидесятых и девяностых.

Вдобавок в это же время США победили в холодной войне, одержали верх над Советским Союзом, и эта победа придала Америке громадный импульс к развитию.

Постиндустриальное общество — это бешеное стимулирование спроса. Основные проблемы решены. Все сыты, у всех есть жильё и автомобили. Теперь хочется большего. Вместо квартиры — дом. Вместо одной машины — две. Пришло время воздушных, электронных денег, воцарилась сложнейшая система займов, кредитов, обязательств, золотой век финансового рынка, империя форвардных и фьючерсных контрактов, деривативов, хедж-фондов, страховых компаний, инвестиционных сделок. Это время, когда потребление стало важнее производства. Произвести — мало, важнее — продать. Покупатель — главный, производителю уготована вторая роль. Неважно, каков товар, — важно, как ты его продаёшь.

Это время расцвета рекламы, пиар-технологий, массовой культуры, прямо завязанной на финансы; время развлечений, путешествий, изощрённых удовольствий.

Потом, конечно, конъюнктура изменилась. Постиндустриальное общество рухнуло в 2008 году, в момент первого кризиса на рынке американской недвижимости. Рейганомика схлопнулась, многие потеряли деньги.

К этому моменту миру уже была явлена новая перспективная модель развития: информационная. Мировая сеть, интернет. Связь всех со всеми. За минимальные деньги, за копейки, без ограничений. Доступ ко всем данным, ко всем библиотекам и архивам. Ошеломляющее половодье информации. Её свободное распространение.

Информационный коммунизм.

За 500 рублей в месяц рядовой пользователь компьютера получил возможность читать любую книгу и смотреть любой фильм, не вставая со стула.

Этот, первый этап информационной революции, люди встретили с восторгом.

Интернет, как справочная система, давал громадные возможности; перспективы захватывали дух.

Первые годы информационной революции напомнили мне Перестройку, 1986–1989 годы, провозглашённую Горбачёвым и Яковлевым «гласность», когда была опубликована вся литература, ранее запрещённая. Ещё недавно за распространение книг Солженицына можно было загреметь на допрос в КГБ, а теперь — вот оно и на всех прилавках. За тот волшебный период «гласности» я Горбачёву до сих пор благодарен. Хорошо помню душевный подъём, чувство громадных открывшихся перспектив.

И вдруг, невероятным образом, эта ситуация «гласности» повторилась, в России — начиная приблизительно с 2010 года. Только на этот раз отцами глобальной «гласности» стали Стив Джобс и Билл Гейтс.

К середине второго десятилетия XXI века первый, эйфорический, романтический этап информационной революции сменился вторым этапом.

Понемногу начали вымирать печатные издания, газеты и журналы. Новостная повестка переместилась в интернет. Мировая сеть пожирала, перемалывала, размножала большие и малые новости. Никакого контроля, никаких ограничений, никаких обязательств. Высказаться может любой.

Появились и восторжествовали социальные сети: анархическая территория свободного, бессистемного извержения сырой, непроверенной, неотфильтрованной информации.

Это — переживаемый нами сейчас, в третьем десятилетии XXI века, второй, промежуточный этап информационной революции, когда её участники и соучастники, пережив эйфорию первых лет, начали сталкиваться с очевидными недостатками «дивного нового мира».

Информация — зверь, который гуляет сам по себе.

Информация перестала быть товаром и превратилась в среду.

Разумеется, она до сих пор может быть и товаром, особенно если это касается горячих новостей, которые могут изме-

нить биржевые котировки или судьбу властей предержащих. Качество информации как товара, за который хорошо платят, никуда не делось. Но определяющим качеством информации стало её превращение в среду.

Теперь мы плаваем в информации, захлёбываемся ею; можем и утонуть.

Теперь главный товар — наше внимание и наше время.

Ещё десять лет назад читатель покупал мою книгу, прочитывал — и писал возмущённый отзыв: книга не понравилась, зря потратил деньги! Теперь тот же самый читатель бесплатно скачивает мою книгу на пиратском сайте, и претензии его таковы: зря потратил время! А мог бы вместо этого заняться чем-то иным.

Время и внимание, в отличие от денег, — ресурс невозобновляемый.

Десять лет назад, читая статью в уважаемой газете, я понимал, что статья — проверена, факты в ней — удостоверены; если журналист соврал — его уволят с волчьим билетом.

Теперь, читая вроде бы такую же статью, размещённую не в газете, но на «ресурсе», на «портале», — я не знаю, проверена ли кем-либо эта статья, и какую ответственность несёт её автор.

И вот — мы оказались на дикой, неисследованной территории, где информация — бурлящий штормовой океан. Теперь платят не тому, кто распространяет информацию, а тому, кто её потребляет.

Информация не может существовать сама по себе — это пища, которая желает, чтобы её сожрали.

Информация — агрессор, она атакует общество.

Фотография желает, чтобы её увидели. Статья желает, чтобы её прочитали.

Во времена Аввакума знания хранились в книгах, и были доступны только тем, кто умел читать.

Книжное знание не считалось товаром первой необходимости; чтение книг было уделом жрецов и царей. Книжная мудрость представлялась неочевидной, фантастической; из 100 человек 99 отлично обходились без неё.

Сами знали, от дедов, когда сеять, когда жать. Зачем книги, что́ там в них?

На кого же рассчитывали авторы церковной реформы XVII века, устраивая «книжную справу»? При чём тут вообще книги, если читать их могли только жрецы? Существование книг не влияло на жизнь народа.

2

Сходство двух процессов — европейской Реформации и раскола русского православия — очевидно, хотя между этими двумя событиями — разница более чем в сотню лет. Реформация в Европе началась в 1517 году. Раскол в русской церкви — в 1650-х годах.

Однако оба конфликта прямо связаны с производством книг. В случае Реформации — с книгопечатанием, работой станков Гутенберга. В случае с расколом — с переписыванием книг вручную.

Мартин Лютер, идеолог Реформации, никогда бы не добился своего, если бы его трактаты не печатались ультрасовременным для того времени промышленным способом.

Реформацию создал станок Гутенберга.

Библия Гутенберга была отпечатана примерно в 1456 году.

А что же первый русский книгопечатник Иван Фёдоров?

Московский Печатный двор был основан только через сто лет после того, как заработал станок Гутенберга, в 1563 году, в царствование Иоанна Грозного.

Первую книгу — «Апостол» — Фёдоров выдал в 1564 году. Всего же он издал в Москве всего две книги, после чего уехал, как сейчас бы сказали, эмигрировал, вместе со своим изобретением.

Однажды Печатный двор Фёдорова то ли пытались сжечь, то ли сожгли. Станок его то ли погиб, то ли уцелел, то ли погибла часть оборудования. Пожар возник то ли сам по себе, то ли имел место поджог, в котором обвиняли монахов-переписчиков, усмотревших в Фёдорове опасного конкурента.

Так или иначе, в 1568 году Фёдоров покинул Москву и перебрался сначала в Литву, потом во Львовский университет, и там проработал вплоть до своей смерти, печатал униатские трактаты; там и похоронен.

Но можно предположить, что история поджога типографии и бегства Фёдорова придумана позднейшими сочинителями, а на самом деле Фёдоров уехал, что называется, в «колбасную эмиграцию»; то есть в Литве, а потом во Львове ему просто предложили гораздо более высокое жалованье и лучшие условия, нежели в Москве. Но даже если Иван Фёдоров уехал за лучшей жизнью, мы за это не упрекнём русского первопечатника даже в мыслях. Мы тут никого не судим, поскольку и сами не хотим, чтоб нас кто-то судил, тем более — наши отдалённые потомки. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше.

Историю раскола будет правильно отсчитывать с момента отъезда печатника Ивана Фёдорова из Москвы, во второй половине 1560-х годов, в царствование Ивана Грозного, — и с последовавшего вслед за этим упадка книгопечатания в России.

Разгром первой русской типографии и эмиграция Фёдорова фатально сказались на развитии книжного знания России. Типография в Москве продолжила работать — но выпускала единичные издания, а подавляющее большинство книг переписывалось вручную.

Скажем, при патриархе Иосифе, в первой половине XVII века, во времена Аввакума, в России издано было типографским способом 38 наименований книг. Это, конечно, неплохо. Но к тому времени легендарный голландский издатель Христофор Плантен — только он один — выпустил в своих типографиях около 1500 изданий, в том числе молитвенников — 60 тысяч тиража. Сравнивать невозможно; видно, что Россия оказалась на задворках мировой информационной революции, отстала фатально.

Ещё раз: первопечатник Фёдоров увёз свою типографию из России в 1568 году, а реальная политическая потребность в типографских мощностях возникла только в 1652 году. 80 с лиш-

ним лет прошло — о чём тут говорить? У тех, кто помнил первопечатника Фёдорова, уже внуки выросли.

Передовая, прорывная информационная технология оказалась не востребована в России. Прискорбный факт.

«Интернет» — печатная, тиражированная книга — появился, но не появились его пользователи. Информационная революция свершилась, но в России её не заметили. Книгоиздание бушевало в Европе — но не в России.

Пока Алексей Михайлович грезил о мифическом престоле базилевсов, Голландия — образцовая и сильнейшая индустриальная страна, наподобие Америки второй половины XX века, — распространила свою власть едва не на половину земного шара.

Нам, нынешним, будет странно припомнить, что голландская акционерная торговая Ост-Индская компания, основанная в 1602 году, просуществовала вдвое дольше, чем, например, СССР (до 1798 года, то есть почти 200 лет), а её влияние на мировую историю вполне сопоставимо с влиянием СССР. Ост-Индская компания проводила самостоятельную политику и даже имела свои хорошо обученные вооружённые силы. Когда в России государь Алексей Михайлович Тишайший развлекался соколиной охотой — голландцы уже успели купить у американских индейцев остров Манхэттен, основать Нью-Амстердам (будущий Нью-Йорк), а затем и потерять его в результате конфликтов с англичанами.

Гордясь и уважая родную историю и героев её, следует понимать, что политически и экономически Россия XVII века, в правление Алексея Михайловича, во многом была страной отсталой, бедной, упустившей, казалось, шансы на соперничество с тогдашними сверхдержавами.

Соколиная охота, одна печатная книга в год, споры о единогласном церковном пении, Соляной бунт 1648 года, — нет, это не та страна, которой мы сейчас хотели бы гордиться. Это лапотная, посконная Русь, где ничего не происходило. Историки любят описывать её как чрезвычайно благочестивую и религиозную, но при этом свидетельствуют о повальном пьянстве и падении нравов.

Эта полусонная, сермяжная, угрюмая, косная, буксующая цивилизация к концу столетия породила бешеного Петра, а если бы не Пётр — появился бы другой лидер, учинивший решительные реформы и вырвавший державу из тяжких грязей.

XVII век — время Алексея Тишайшего, время Никона и Аввакума, — последний дореформенный, допетровский, последний век «тишайшей» Старой Руси, последний век прадедовской, патриархальной, дремлющей, жарко натопленной нашей родины, завёрнутой в соболя, неспешной, несуетной, заиндевевшей, звенящей колокольчиками троек, обиталище наших дальних бородатых краснокафтанных предков, наглых скоморохов, дрессированных медведей и дудочек-сопелок, крещенских гаданий и прыжков через костры, лесных татей с вырванными ноздрями, старух-повитух, бояр, стольников, дьяков и подьячих, безумных кликуш, убогих, юродивых, казацких ватаг, отвоевавших Сибирь; сусальный, милый, медленный, незлобивый, но при этом гневный, обильно кровавый, трагический последний век русской эсхатологии, когда приход Антихриста ожидался буквально со дня на день; последний век, когда религиозное сознание почти совпало с национальным.

Возможно, когда-нибудь мы ещё заскучаем, затоскуем по этому последнему веку, воспоём его; но не теперь.

3

Подробности истории раскола здесь будут изложены — максимально кратко, просто для удобства читателя и связности повествования.

«Книжную справу» возглавил Арсений Грек — экспат, хранитель патриаршей библиотеки, весьма примечательная личность; по кастовой принадлежности — типичнейший жрец, учёный, охотник за истиной, за формулами; лишённый, очевидно, всякой совести, побывавший в разных странах, трижды менявший веру, принявший однажды ислам, плут и проходимец; однако — большой мастер в своём деле: мудрец, звездочёт

и даже колдун, волхв, то есть — занимался в том числе и магией. Ему было поручено переводить греческие книги.

Арсений Грек был чрезвычайно умён — и быстро разгадал в Никоне властолюбца, нашёл к нему подход; вместе они составили типичную пару: тиран и льстец.

После возведения на патриаршество (23–25 июля 1652 года) Никон немедленно позабыл о товарищах по «кружку ревнителей благочестия», окружил себя роскошью, службы проводил с небывалой пышностью.

Поскольку истинный царь должен пребывать на сияющей вершине и быть недоступным для простолюдинов, Никон воспретил пускать бывших единомышленников в свои покои.

Аввакум, кстати, никогда не был близок к Никону: видел его воочию считаные разы, а беседы с ним имел, наверное, ещё реже. Во время последней такой «беседы» (уже после ареста) Никон лично избивал Аввакума; есть такое свидетельство.

Чтобы придать задуманной реформе солидный статус, Никон разослал по городам и монастырям доверенных людей с приказом собрать старые церковные книги и доставить в Москву для изучения. Но работа по сличению разнообразных текстов, привезённых в том числе из греческих обителей, заняла бы многие годы. А Никону, как любому авторитарному лидеру, нужен был быстрый результат. Старые книги никто и не думал сличать. Всё устроили гораздо проще: за основу новых, исправленных книг взяли греческие, отпечатанные в итальянских и французских типографиях.

Греческие христиане тогда своих типографий не имели, книги заказывали в католической Европе — а там их понемногу редактировали, искажали смысл, появлялись ошибки, опечатки, иногда несущественные, но бывали и принципиальные редактуры догматического характера.

Сам Аввакум, горько насмехаясь над Никоном, приводит его фразу (вымышленную), якобы сказанную Арсению Греку: «Печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!».

«Ревнители благочестия», в том числе и Аввакум, оказались потрясены профанацией реформы. Они, идеалисты

и серьёзные мыслители, полагали, что сличение текстов займёт годы и годы упорной кропотливой работы, они мечтали, что каждая запятая будет проверена и обсуждена. Никон же превратил этот процесс в фикцию. Ему была нужна не реформа как таковая, а слава и почёт великого реформатора.

Никон, говоря современным языком, всех «кинул», реформу — «слил». Речь идёт о масштабном предательстве. И самый страшный результат этого предательства — падение авторитета церкви. Она, представлявшаяся людям монолитной, единой, незыблемой во веки веков, вдруг зашаталась. Святые отцы в незапятнанных ризах предстали спорщиками, скандалистами, интриганами.

4

Прошёл первый год реформы. На следующее лето, 4 августа 1653 года, протопоп Иоанн Неронов, друг Аввакума и отчасти его благодетель, был обвинён в неподчинении патриарху и арестован; его избили, посадили на цепь, расстригли и сослали в дальний монастырь, в Вологду.

Аввакум, в числе других, подал царю челобитную в защиту своего единомышленника и товарища, и самонадеянно решил, что теперь он будет отправлять службу в Казанском соборе вместо Неронова. Но там были и другие попы, предложившие Аввакуму служить по очереди. Недолго думая, Аввакум отправился в дом Неронова и устроил богослужение в сенном сарае («сушиле»). Туда же последовали за ним около сотни прихожан.

Там Аввакум и был арестован.

С этого дня, с 13 августа 1653 года, и следует, наверное, отсчитывать его крестный мученический путь, растянувшийся на 29 лет и десятки тысяч километров.

Как заведено, его начали избивать прямо в момент задержания, на глазах у людей: чтобы все видели, какая участь ожидает врагов веры и порядка. Потом били регулярно, несколько раз перевозили с места на место, в телеге, закованного в цепи.

Участь преступника решили довольно скоро. 15 сентября собирались расстричь, но за Аввакума вдруг попросил сам царь, пожелавший проявить милосердие, и расстрижение отменили.

17 сентября 1653 года Аввакум был сослан вместе с семьёй в Тобольск.

Мне кажется важным, что Аввакум в течение всей своей долгой жизни пробыл в Москве всего-навсего два года, с большими перерывами. Год и четыре месяца — перед первой ссылкой в Тобольск. Три месяца — перед второй ссылкой в Мезень. Четыре месяца — под арестом, перед третьей ссылкой в Пустозёрск.

Его приблизили, подняли на верхние этажи, приглядели, — да и вышвырнули.

Точно так же поступил когда-то боярин Шереметьев: сначала позвал Аввакума на свой корабль, а потом приказал кинуть гостя в реку.

Всего в тот год в результате никоновской «чистки» лишились своего места, были расстрижены и сосланы больше десятка высокопоставленных священников, вся верхушка оппозиции. Все, кто открыто критиковал реформы и лично Никона.

Иоанн Неронов между тем оказался не лыком шит: из ссылки вскоре сбежал, обошёл несколько монастырей, включая Соловецкий, отыскал множество противников реформ, кружным путём через несколько лет вернулся в Москву — и жил там нелегально; однако был схвачен, доставлен к Никону, и… перешёл на его сторону.

Что и как там было меж ними — мы не знаем.

Ни Никон, ни Неронов не оставили после себя Книгу. А Аввакум — оставил. Ещё одно доказательство известной истины: в Истории остаётся только то, что записано.

Мало быть автором протестных прокламаций и челобитных. Мало проповедовать в узком или широком кругу. Нужно оставить Завет, буквами на бумаге. Нужно вести хронику, записывать всё, что с тобой происходит. Ни для науки, ни для памяти общества нет ничего ценнее личного свидетельства. Кровь

истории течёт не только по камням святилищ, но и по бумаге, хранящей речь очевидца.

Дневник — это Завет, который ты, молодой, оставляешь себе, старому, а потом — своим детям и внукам; ценность его становится очевидной не сразу, а только по прошествии десятилетий. Но, делая записи в дневнике, о ценности их думать не следует; это неразумно. Личная хроника нужна прежде всего её автору: она помогает в самодисциплине. Это информация, которая может и не быть никогда обнародована.

Что же до Аввакума, то он, помимо главной своей Книги, написал ещё и сотни писем, в том числе несколько челобитных царю и царице, а также десятки прокламаций, и даже с карикатурами, за что, собственно, и был приговорён к огненной смерти; но это случится ещё нескоро.

Конец первой части.

Василий Чирков
Семеон, Женихен,
Иосиф і Василий
мчн. Сибирские
Иркенские
Святые

Часть вторая

Поход по Сибири и Забайкальскому краю

1. Ссылка

В России ссылка неугодных и преступников была в первую очередь способом экономического развития, и только потом — мерой наказания. Ни в одной стране мира ссылка не применялась так широко и не приносила так много пользы, как в России.

Все правители России, начиная с Ивана Третьего и заканчивая Хрущёвым, активно ссылали провинившихся в отдалённые и малонаселенные территории — и там предоставляли сосланным частичную или полную самостоятельность.

Ссылкам подвергались все слои общества: и простолюдины, и аристократы, а также военнопленные.

После поражения шведской армии под Полтавой тысячи пленных шведских солдат были сосланы в Сибирь. Всем им было дозволено получать материальную помощь с родины. Большинство шведов обрусели, переженились на местных девушках. После окончания Северной войны пленным разрешили вернуться домой, но из 30 тысяч вернулись только 5 тысяч.

Сосланные аристократы, оказавшись на новом месте, за свой счёт строили дома, организовывали торговые и промышленные предприятия и даже вели светскую жизнь.

Сосланный в Сибирь в 1863 году и далее перебравшийся в Приморский край польский аристократ Михаил Янковский стал крупным российским естествоиспытателем, географом, биологом, он создал первую в мире плантацию женьшеня, занимался коневодством и оленеводством, книгоизданием, музей-

ным делом… Ссыльный польский вольнодумец превратился в «гения места» русского Приморья.

Сослать могли и на определённый срок, и пожизненно. Сосланному могли разрешить взять с собой семью. Сосланному могли разрешить женитьбу, а могли и не разрешить. Существовало несколько режимов ссылки, из которых самый щадящий назывался «вольное поселение».

Таким образом, ссылка использовалась не только как способ наказания, но и как способ колонизации отдалённых диких территорий.

У этой схемы был и побочный эффект. Многие тысячи умных и деятельных людей, сосланных в Сибирь, в Заполярье и на Дальний Восток, постепенно, за столетия, создали особый тип мышления, сформировали свою ноосферу, эгрегор.

Сибиряк — почти всегда вольнодумец; он критически настроен по отношению к центральной власти, он повинуется приказам из Москвы нехотя, он привык рассчитывать на собственные силы.

Казаки, первыми из европейцев заселившие Сибирь, — всегда были людьми вольными, они привыкли к свободе и самоуправлению, и считали себя отдельным сословием.

Упрямые староверы, последователи Аввакума, во множестве расселившиеся по Сибири, — тоже не были (по понятным причинам) лояльны власти, и тоже старались жить наособицу.

Сибирь — это земля каторжан, лагерников. Сибиряки это знают — и относятся к этому спокойно; в Австралии, например, считается даже почётным возводить свою родословную к первым каторжникам, переселенцам из Англии.

Так постепенно за Уралом возник особый тип русского человека: независимого, свободного, дерзкого, бунтующего, привыкшего к суровому климату, к недостатку ресурсов, к огромным расстояниям.

Эти русские ни внешне, ни по языку ничем не отличаются от европейских русских; различия видны лишь при возникновении критических ситуаций.

Эти люди — в меньшинстве. В Сибири и на Дальнем Востоке живёт около 25 миллионов человек, причём это число сокращается. Но это — колоссальная сила, важнейший угол в фундаменте русской цивилизации.

Сейчас огромные земли Восточной Сибири и Тихоокеанского побережья объединены в одну административную единицу: Дальневосточный федеральный округ. Эта территория по площади почти равна Австралии и в два раза больше Индии. Чтобы объехать её всю, от Байкала до Чукотки, от Читы до Курильских островов, — обычному человеку не хватит жизни. За десять лет путешествий мне удалось изучить не более четверти этого невероятного космоса. Но я знаю людей, поставивших перед собой такую цель, — например, писателей Василия Авченко и Михаила Тарковского: год за годом они утюжат бесконечное пространство на машинах, кораблях и самолётах, забираясь всё дальше и дальше; но даже и эти отчаянные люди освоили едва половину бескрайней Ойкумены.

2. Великий упрямец

Однажды я побывал на том месте, где когда-то въяве стоял Аввакум, — там, где из озера Байкал вытекает река Ангара.

Пересекая Байкал, Аввакум едва не утонул.

По совпадению, точно там же, только спустя 350 лет, окончил свои дни известный российский драматург Александр Вампилов: его лодка перевернулась, он смог доплыть до берега, но скончался от переохлаждения.

Аввакуму повезло: его сразу вытащили из воды.

Но прежде чем оказаться на Байкале, он проделал длинный изнурительный путь.

Отбыв из Москвы, избитый и поруганный, чудом не расстриженный, Аввакум с женой и детьми добрался до Тобольска через три месяца, в декабре 1653 года.

Возможно, отъезд Аввакума спас жизнь ему и его семье: следующим летом в Москве началась эпидемия чумы. Ситуация была столь тяжёлой, что и царь Алексей Михайлович, и патриарх Никон покинули Кремль и уехали подальше.

От чумы погибли два родных брата Аввакума. Всего же тогда вымерло 150 тысяч — каждый второй житель столицы.

Аввакум божьим попущением спасся от моровой язвы, а если бы не был сослан — наверняка бы умер, ведь общался близко со многими десятками прихожан. И не было бы тогда никакого всемирного духовного учителя русских староверов, а был бы кратко упомянутый в хрониках религиозный активист.

В Тобольске Аввакуму дали место при одной из церквей — но повторилась та же история, что и в Юрьевце. Приезжий протопоп ни с кем не ужился.

На него написали несколько доносов. Жаловались, что ходит с позолоченным посохом, как архиерей, проклинает Никона и проповедует скорый приход Антихриста.

Аввакум продолжал свою битву и не собирался останавливаться.

А может, он был просто скандалист? Таких немало во все времена.

Вряд ли. Скандалисты, как правило, люди не очень умные, поверхностные, злые и несчастные, через крик извергающие свои многочисленные комплексы. Аввакум же был счастлив как минимум в семейной жизни, имел (тогда) пятерых детей. В священстве также преуспел: в Лопатищах собрал 700 человек духовных детей, а в Москве, уйдя служить в сенной сарай, увлёк за собой более сотни прихожан. Нет, не скандалист, не крикун, — скорее, великий упрямец.

Упрямство — от слов «прямо», «прямой». Упрямец не способен к компромиссу, неуступчив. Однажды провозгласив свои принципы, он потом не отходит от них ни на йоту.

Упрямцы могут быть бытовыми, незначительными, — и тогда они просто невыносимы и скучны. Бытовой упрямец мелочен, эгоистичен, зафиксирован на себе — своё упрямство считает непреклонностью, проявлением силы характера, в любом случае — достоинством.

Но гораздо интереснее упрямцы мощные, глубокие, яростные приверженцы больших идей. Таким упрямцем был Лимонов, всю жизнь отстаивавший левацкие красные идеи, мировую справедливость во всём, — богемный мотылёк, поэт, вдруг решивший стать политиком, то есть — царём. Они с Аввакумом очень похожи: как будто один и тот же человек повторился в русском пространстве с разницей в три с половиной столетия.

Я знал Лимонова, но не близко. Никогда не набивался ему в друзья. Помню его прозрачные глаза, их фанатичный блеск. В нём чувствовался стальной стержень. Несгибаемый — это

про него. Щуплый и маленький, узкогрудый, с высоким птичьим голосом, он представлял собой тугой узел жил и нервов. Он отлично одевался, минимум дважды я видел его в смокинге, и шкура светского сноба сидела на нём как влитая.

Думаю, загадка Лимонова до сих пор не разгадана. Он бывал смешон, бывал неприятен, часто бывал неправ, — но всегда был интересен, всегда излучал лихорадочную энергию смуты. Если бы я делал фильм про Аввакума — я бы пригласил Лимонова на главную роль.

Лимонов со свойственной ему самоубийственной прямотой провозгласил себя национальным героем, далее заявил, что «путь героя — трагедия», и в соответствии с этим постулатом попытался превратить в трагедию собственную жизнь. Отчасти ему это удалось.

Он написал огромный Завет — более 70 книг; я прочитал почти все, но не помню, чтобы Лимонов хоть раз упомянул Аввакума в своих сочинениях. Лимонов прочерчивал прямую от француза де Сада к польскому немцу Ницше, от Ницше — к японцу Юкио Мисиме, и далее — к себе. Аввакума он на эту линию не ставил. Ну так за него это сделаю я.

3. Начало забайкальского похода

1

Тобольск — много дальше от Москвы, чем Лопатищи и Юрьевец. Пока доносы на Аввакума везли в Москву, пока там раздумывали над ответом, пока ответ пришел, — минуло полтора года.

Таков пример практики государственного управления России того времени: огромные расстояния не позволяли оперативно реагировать на «сигналы с мест». Это создавало своего рода бюрократическую инерцию: если недовольный писал жалобу в «центр» — он понимал, что результата надо ждать год, а за год любой конфликт может погаснуть, время всё лечит; так зачем вообще в таком случае писать жалобу?

Но зато когда государева воля стала известна в Тобольске — начальство не медлило ни одного лишнего часа. Указ насчёт Аввакума был получен 27 июня 1655 года, и повелевал отправить смутьяна ещё дальше — на край земли, в Якутск. Спустя два дня, 29 июня, протопоп был собран в путь и отбыл.

Никаких дорог в Сибири тогда не существовало, все передвижения — только по рекам.

За чей счёт везли его, кто платил жалованье кормчим, проводникам, охране? Очевидно, казна.

В Москве изгой, инакомыслящий, в кровь измордованный, — по Сибири ехал за государев кошт.

Три месяца его везли по Иртышу, по Оби, по Кети, — до Енисейска. Там остановились зимовать.

В Енисейском остроге (основанном на пять лет раньше Нью-Йорка) власть была сосредоточена в руках делового, исключительно жестокого и весьма амбициозного воеводы Афанасия Филипповича Пашкова: человека, полностью лишённого как страха, так и жалости.

Здесь же в те годы обретался ещё один крутой парень, казачий голова Пётр Бекетов.

В деле освоения Сибири у них имелись серьёзные конкуренты: атаманы якутского воеводства — Хабаров, Поярков, Бахтеяров.

Цели казачьих атаманов, землепроходцев, были понятны. Во-первых, продвижение на восток и юго-восток, обустройство новых крепостей, разведка новых земель. За это в столице атаманам давали должности, деньги и награды.

Во-вторых, обложение коренных народов налогом — ясаком, торговля с местными, отправка пушной рухляди опять же в столицу, для пополнения казны. Пушнина на протяжении столетий была важнейшей частью русского экспорта, и даже при большевиках, в первые годы советской власти, доходы от продажи пушнины превышали доходы от продажи нефти.

В-третьих, поиск месторождений металлов: свинца, меди, серебра и золота.

В-четвёртых, разведка плодородных земель, пригодных для ведения сельского хозяйства.

В-пятых, поиск надёжных и удобных путей в Китай и к Тихому океану.

Путь в Китай и на океан лежал через Амур-реку; к ней и стремились казаки-первопроходцы. Но путь на Амур, чьи воды текут не на север, к Ледовитому океану, а на восток, к океану Тихому, лежал через горные хребты великого сибирского водораздела.

Якутские воеводы опередили енисейских — первыми добрались до Амура, двигаясь по Лене и Алдану, затем посуху волоком, через Становой хребет к реке Зее, из неё — в Амур.

Однако позже енисейский голова Бекетов разведал другую дорогу: из Енисейска на восток по Ангаре — до Байкала, затем через Байкал — в реки Селенгу и Хилок, по ним — до озера Иргень. Затем — посуху, волоком через Яблоновый хребет, — на реку Ингоду, из неё в Шилку, и далее, наконец, — в Амур.

Бекетов первым прошёл новым путём, возвёл остроги и составил карты. Пашков подхватил его идею, разработал план нового похода и написал в Москву, изложив свои соображения.

Из Москвы пришёл утвердительный ответ, да вдобавок пообещали дать денег и людей; изначально речь шла о войске из 3 тысяч стрельцов.

Но очередная русско-польская война, начавшаяся в 1654 году, поломала планы Пашкова. Он не получил ни обещанных денег, ни войска, — лишь бумажку, даровавшую ему звание «первого воеводы по всей Амур-реке». Москва приказала организовывать поход своими силами. Таков ещё один типичный пример тогдашнего государственного управления: «Идея твоя, воевода, очень хорошая, экспедицию не только разрешаем, а даже приказываем её учинить, но поддержки не дадим, у самих денег нет, зато — вот тебе мандат, царёва грамотка, в случае успеха — будешь начальником новых земель, а не выйдет — полагайся на себя и на Бога».

Понятно состояние Пашкова. Не тут ли найдутся корни его запредельной жестокости? Иди, воевода, как-нибудь, своими силами присоединяй к державе новые земли, а мы тебя за это похвалим, если уцелеешь.

Но делать нечего. Пашков вылез из кожи вон, чтоб сколотить отряд, набрал добровольцев, вытряс капиталы из всех енисейских купцов, и в качестве крайней меры поднял во вверенном ему городе цены на водку.

И вот, в разгар этой нервной подготовки к большому походу, к Пашкову привезли ссыльного попа с семьёй, выгнанного аж из Москвы, а затем — из Тобольска.

Пока Аввакум зимовал в Енисейске, поражая всех детальными рассказами о злочинстве нового патриарха, о фальшивой «книжной справе» и еретическом троеперстном знамении, — вдогон ему пришёл указ, предписывающий отменить высылку опального священнослужителя в Якутск, а наоборот, зачислить его в отряд Пашкова в качестве духовного пастыря, иными словами — полкового священника, и выдать Аввакуму по этому случаю царское жалованье мукой, крупой и солью. (Одной только соли полагалось Аввакуму получить 9 пудов — 144 килограмма.)

Пашков, надо полагать, был в бешенстве. Просил у Москвы деньги, людей, оружие, хлеб, — а прислали попа с пятью детьми, да приказали кормить его досыта.

Аввакум с обидой сообщает, что царское жалованье воевода «отобрал». Но, скорее всего, Аввакум просто ничего не получил — ни крупы, ни соли. Воевода Пашков берёг провиант для предстоящей экспедиции.

Конечно, иметь в отряде известного столичного священника, знакомого с царём, было неплохо: это придавало экспедиции дополнительный политический вес, а воеводе — авторитет; но кому нужен этот вес в промороженной тайге, когда каждый кусок хлеба, каждая пуля — на счету? Когда авторитет насаждается калёным кулаком беспощадного командира? Бекетов и Хабаров, совершая свои походы, вполне обошлись без московских попов. Обошёлся бы и Пашков.

Воевода, впрочем, сделал Аввакуму решительную уступку: разрешил взять с собой семью. Из всех участников похода только двое — сам Пашков и Аввакум — взяли с собой жён и детей.

18 июля 1656 года отряд воеводы Пашкова выступил из Енисейска: 40 плоскодонных кораблей-«дощаников», 400 казаков, 70 гражданских, 100 пудов свинца, 400 вёдер водки.

Назад вернётся едва один из десяти.

2

Так вышло, что «Житие протопопа Аввакума» — первое в мировой истории художественное описание военного похода по Сибири и Забайкалью.

Аввакум создал первую литературную панораму Байкала на русском языке, с описанием удивительных скал, а также птиц, животных, «морских зайцев» (тюленей и нерп) и невиданно жирной рыбы.

Первые светские путевые записки на русском языке составил Великий князь Владимир Всеволодович Мономах, мудрец и крупнейший политический деятель, автор «Поучения Владимира Мономаха», написанного в 1099–1117 годах. В «Поучении», адресованном сыновьям, Мономах перечислил свои путешествия и военные походы (числом более 80).

Далее, известен тверской купец Афанасий Никитин, побывавший в Индии в середине XV века, автор «Хождения за три моря».

А вот первое описание Байкала и Забайкалья — сделал Аввакум. О том времени сохранились документы, известные историкам, в том числе и отчёты самого Пашкова, но рассказ Аввакума содержит то, чего нет в документах: живые подробности, детали, чувства, эмоции, личный внимательный взгляд.

Пашков брал с собой ссыльного священника, а получил — летописца, хроникёра.

Аввакум возражал Пашкову, скандалил, ругался, проклинал, мешал и даже прямо вредил, — а в итоге его увековечил.

Так и теперь: великие деятели экономики и политики — полны гордыни, и равнодушно смотрят на нищих писак, которые крутятся у них под ногами. Пройдут столетия — и люди составят мнение о великих деятелях на основании того, что создано нищими писаками.

…Минуло лето 1656 года. Через два месяца после начала похода Аввакум сочинил анонимную листовку: «воровскую составную память глухую безымянну» — и пустил в оборот меж казаками отряда Пашкова. В листовке содержался призыв

отстранить Пашкова от командования. Точные формулировки неизвестны, как и причина. Скорее всего, ссора Аввакума с воеводой началась ещё в Енисейске, и затем уже не прекращалась. Пашков, впрочем, легко установил авторство — и высек Аввакума кнутом. А поскольку протопоп попал в отряд по государевой воле, Пашков, как дисциплинированный человек, написал о происшествии отчёт и отправил в Москву.

Этот документ — «Отписка воеводы Афанасия Пашкова о наказании протопопа Аввакума кнутом за "многие неистовые речи"» — сохранился. И пусть в Москве его получили только через год, но сам факт существования «Отписки» показывает, что Пашков соблюдал в отряде какую-то видимость законности, а кроме того, побаивался Аввакума, раз решился побеспокоить самого царя.

Кроме того, «Отписка» свидетельствует, что Аввакум был отправлен именно в ссылку, и не простую, а «с бережением». То есть — не на верную смерть. Если бы Пашков имел секретный приказ ликвидировать Аввакума, он бы, очевидно, нашёл способ сделать это. Но нет: воевода с ним возился, выделял его среди прочих, щадил.

Если бы допетровская Россия была территорией тотального беззакония и крайнего жестокосердия — протопоп Аввакум был бы просто убит. В самом деле, если строптивый священник мешал царю в осуществлении грандиозных замыслов — чего же не послать лихого человечка, чтобы зарезал «оппозиционера» в тёмном углу? Во времена товарища Сталина такого Аввакума убрали бы очень быстро.

Отряд Пашкова был военным формированием и выполнял военную миссию. В наше время за подстрекательство к невыполнению приказа командования в условиях боевых действий полагается расстрел. А Аввакума всего лишь высекли кнутом.

Впоследствии Аввакум совершит ещё более возмутительный поступок: когда Пашков отправит часть отряда на разведку, Аввакум совершит молебен за неудачу разведывательной миссии. Но и тогда Пашков пощадит протопопа.

Так может быть, мы преувеличиваем жестокосердие наших предков? Может, как ни наивно это звучит, они были добрее нас? Действительно боялись Бога — в отличие от нас?

3

Если попробовать проникнуть, силой воображения, в те времена, в обиход, обычаи и нравы людей того века — становится ясно, что жестокость наших предков — вынужденная, совершённая по необходимости.

Да, жизнь человека мало стоила. Да, злодеям рубили головы топорами на площадях при стечении публики. Но это делалось не для забавы. Как ещё можно информировать общественность о наказании преступника, если нет ни газет, ни радио, ни телевидения? Кровавые экзекуции совершались не от темноты разума, а наоборот, по здравому размышлению.

Огромной ошибкой было бы полагать, что наши далёкие предки были глупее нас.

«Дикость», «отсталость», «варварство» — понятия расхожие, вроде бы не требующие пояснения. Но что за ними стоит?

«Дикий варвар» — он хороший или плохой? Он умный или глупый? С ним можно договориться — или нельзя?

Стоит ли презирать дикого варвара за его дикость?

Есть ли у дикого тёмного варвара своя этика, есть ли у него честь, достоинство? Стоит ли считаться с его мнением?

Я знал людей, которые ничего, кроме букваря, в жизни не прочитали, — но при этом обладали мощным интеллектом.

Если человек не чистит зубы, ест мясо руками и вытирает жирные пальцы об одежду, и сморкается прилюдно, — он «дикий варвар» или нет?

Обычай вытирать жирные пальцы о собственную одежду был распространён меж кочевников, носивших одежду и обувь из кожи. Кожа требует регулярной смазки жиром. Вытирая жирные пальцы о кожаную рубаху или о сапоги, человек забо-

тился о сохранности одежды и сапог. И то, и другое стоило дорого.

По представлениям китайской медицины, высморкаться — это благо, если в носу накопилась слизь — от неё следует немедленно избавиться, поэтому китайцы активно сморкаются повсюду.

Чеченцы, ингуши, дагестанцы разговаривают очень громко, зычно. В России это считается признаком бескультурья. Но на Кавказе — не считается. Если тебе нужно с одного края горного ущелья докричаться до товарища на другом краю ущелья, ты должен уметь говорить очень громко.

Историки утверждают, что в правление Алексея Михайловича Тишайшего в Москву приезжали делегации северных народов, самоеды, или лопари, которые практиковали людоедство. Причём поедали не только живых, но и мертвецов. Существует апокриф, что самоеды имели аудиенцию у патриарха Никона и заявили ему: «Вам не следует убивать и закапывать своих преступников, просто отдавайте их нам, мы будем их поедать».

Это дикость, варварство? Безусловно. Но только с точки зрения человека XXI столетия.

Известна трагедия уругвайской регбийной команды «Старые христиане». В 1972 году самолёт, перевозивший спортсменов, потерпел крушение в Андах, в труднодоступной горной местности на большой высоте. Выжившие в этой катастрофе употребляли в пищу тела своих погибших товарищей. Они были образованными, цивилизованными людьми, но ради спасения своих жизней прибегли к каннибализму. Они назвали это «соглашением с жизнью». Их никто не осудил и не проклял. Уругвай — католическая страна; но всем причастным к нарушению табу было даровано прощение.

Так где же граница, отделяющая дикость от цивилизованности?

Государь Пётр Алексеевич, развернувший Россию лицом к Западу, — величайший, гениальный реформатор; но одновременно он — крупнейший палач: по его приказу в 1698 году было казнено от 700 до 2000 стрельцов.

Так когда же закончился тёмный, дикий варвар, «ветхий» человек? Когда на смену ему пришёл новый, цивилизованный, добрый, мирный, светлый, хороший?

Никогда. Он — не пришёл.

История учит нас, что кровавая жатва может начаться в любой момент.

Вчера мы думали, что мы — не варвары, мы — «цивилизованные», презирающие отсталость и дикость, современные, образованные, учёные, модные, умные… А сегодня десятки и сотни тысяч стёрты с лица земли; так уже бывало, и так, вероятно, ещё будет.

Нравственного прогресса — не существует; есть лишь риторика, имитация, на самом же деле люди продолжают убивать, и чем дальше — тем больше.

Крупнейшие массовые убийства в истории человечества произошли — в XX веке, в новейшие времена. Уже были написаны конституции, великие романы и симфонии, отменено рабство и крепостное право…

Новое тысячелетие ознаменовалось уникальным ноу-хау, созданным в недрах администрации США: уничтожением целых государств — Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, Афганистана… Миллионы граждан этих стран погибли или были ранены, умерли от болезней, превратились в беженцев, были лишены возможности получать медицинскую помощь, образование и пенсионное обеспечение.

Есть и другие страны-кандидаты на полный снос государственности; мы знаем их.

Так кто же больший дикарь и варвар? Пётр I, казнивший тысячу стрельцов, — или вашингтонский чиновник, между утренним кофе и обеденным мартини пустивший под нож многомиллионный народ?

Поэтому думать, что мы цивилизованные, а наши пращуры — дикие, лишь потому, что они не имели конституции, — это величайшая глупость.

«Уважение к минувшему, — писал Пушкин, — вот черта, отличающая образованность от дикости».

4. Волоки

1

Иркутск, согласно официальным данным, основан в 1661 году. То есть, когда отряд Пашкова шёл к Байкалу по Ангаре, Иркутска ещё не существовало. А когда остатки отряда шли назад — Иркутск уже стоял.

Но когда я сам приехал в Иркутск, в поисках следов пребывания Аввакума, — местные краеведы рассказали мне, что в месте впадения реки Иркут в Ангару в те времена существовал укреплённый казачий пост, зимовье, основанное около 1650 года. Если принять эту версию, получается, что Аввакум был в Иркутске два раза: сначала в 1657 году, по пути в Забайкалье, потом, спустя годы, — по пути обратно.

Через год после начала похода, в начале лета 1657 года, пройдя часть Енисея и всю Ангару против течения, отряд Пашкова пересёк Байкальское море. Высадившись на восточном берегу Байкала, казацкая флотилия добралась до устья впадающей в Байкал реки Селенги, и пошла по Селенге, снова против течения, пешком по берегу, тягая дощаники бечевой, до места впадения реки Хилок, и дальше двинулись по Хилку, обмелевшему от жары, 12 недель поднимаясь вверх.

Аввакум тянул лямку наравне со всеми, и писал, что от истощения живот его посинел, а ноги распухли.

По Хилку добрались до небольшого озера Иргень, примерно в 60 километрах от нынешней Читы, и здесь встали на зимовку.

Первопроходец Бекетов несколькими годами ранее поставил тут острог, названный Иргенским, но местные тунгусы, весьма воинственные, разорили и сожгли крепость; казакам Пашкова пришлось отстраивать её заново.

Перезимовав, двинулись посуху: впереди был самый тяжёлый участок пути, «Иргенский волок»: более 100 километров через горы Яблонового хребта, через великий сибирский водораздел, в бассейн Амура.

40 кораблей, со всем грузом, тащили на себе и лошадьми.

Высота хребта в верхней точке — 1700 метров над уровнем моря.

Лошадей, конечно, изначально с собой из Енисейска не везли; скорее всего, лошади появились, когда отряд пересёк Байкал. Лошадей купили у тунгусов; но, может, не купили, а отобрали силой.

Через горы перевалили, насколько можно судить, при минусовой температуре, и весь волок прошли месяца за два или два с половиной, преодолевая за день от одной до двух вёрст; не так уж и медленно, если разобраться.

Волоки, то есть перетаскивание судов посуху, в России известны с IX века, со времён Рюрика и Вещего Олега. Так называемый путь «из варяг в греки» изначально предполагал перемещение кораблей по суше из одной реки в другую — иначе добраться из Балтийского моря до верховьев Днепра было невозможно. Путь «из варяг в греки» начинался на реках, текущих на север, к Балтике: Волхов и Западная Двина. Волоками преодолевалась Валдайская возвышенность, за которой начинались другие реки, текущие уже на юг: Волга и Днепр.

Кроме того, на многих реках были пороги или участки, непригодные для судоходства, — их тоже надо было преодолевать волоком, по берегу.

В Тверской области есть города Вышний Волочёк, Волоколамск и Торжок — города очень старые, возникшие на местах самых оживлённых волоков.

Каждый волок был важной частью торгового пути и охранялся местной властью, племенными вождями и князьями. Любому купцу гарантировали, за отдельную плату, безопасное и быстрое прохождение через тот или иной волок. В непроходимых лесах прорубали просеки, затем расчищали их от молодой поросли. Волоками в тёплый сезон кормилось всё окрестное население. Физически крепкие молодые люди объединялись в артели и по сходной цене были готовы перетащить любую ладью быстро, аккуратно и бережно. Другие артели подряжались расчищать просеки, доставлять к местам волоков пищу и сухие дрова для костров, охранять места ночёвок от диких зверей.

Переволакиваемый корабль полностью разгружали, снимали всю оснастку, включая мачту, и перетаскивали отдельно.

Вопреки расхожему мнению, на волоках не использовали катки, колёса, жировую или дегтярную смазку. Если надо перетволакивать корабль за 50 вёрст — никакого жира и дёгтя не хватит. Через днище ладьи понизу пропускали льняные, кожаные или конопляные канаты, и затем крепкие мужчины впрягались в лямки — и тащили на «раз-два-три-взяли».

Ко времени начала казацких походов в Сибирь технология волочения речных судов была в России известна много столетий и разработана детально.

Древнерусская ладья изначально строилась как небольшое судно, универсальное, лёгкое, пригодное и для речного, и для морского судоходства. В путешествии по русским рекам удобнее было идти не на одном большом корабле, а на трёх–пяти кораблях поменьше.

На волоке корабль мог повредиться — тогда его проще было бросить и пересесть на корабли уцелевшие.

Но если в европейской России волоки были «федеральными трассами», представляли собой удобный налаженный бизнес, то в Сибири казаки волокли свои дощаники собственными силами, без помощи местного населения, по безлюдной тайге,

и сами должны были и прорубать просеки, и охранять волок от нападения, и заблаговременно разжигать костры для обогрева и приготовления пищи. При этом немалую часть каравана составляли больные, раненые, искалеченные и истощённые — девать их было некуда, отправить назад, домой, — невозможно; всех везли с собой, иных несли на руках.

Воевода Пашков долго готовился к волоку через Яблоновый хребет: заново отстроил Иргенский острог, отремонтировал и просмолил корабли, запасся провиантом, купил лошадей, оставил в остроге гарнизон, оставил там же больных, и в дальнейший путь взял с собой только самых лучших и крепких.

К весне они спустились с хребта на берег реки Ингоды: то был уже бассейн Амура, восточная сторона великого сибирского водораздела.

Не медля ни дня, Пашков велел рубить плоты, и казаки, после изнурительного марша через горный перевал, в считаные дни срубили 170 плотов.

То было известное ухищрение: лес для будущих построек рубить заранее, затем вязать плоты, сплавлять вниз по течению, и в удобном месте собирать острог из готовых брёвен.

Всё подготовив, пошли вниз по течению, по Ингоде: 40 кораблей и 170 плотов. Лошадей взяли с собой.

В июне 1658 года они вышли из реки Ингоды в реку Шилку, и достигли места впадения в Шилку реки Нерча.

Здесь некогда стоял основанный Бекетовым Верхнешилкский (Нерчинский) острог. Но от него остались одни уголья: тунгусы сожгли.

Острог собрали заново.

2

От Енисейска до нынешнего Нерчинска, по извилистым сибирским рекам, — более трёх тысяч километров: как от Москвы до Мадрида. Этот путь отряд преодолел ровно за два года. Бóльшую часть пути шли против течения рек, то есть — либо на вёслах, либо бечевой.

Какой силой, выносливостью, каким упорством надо было обладать, чтобы преодолеть такое? Затеи нынешнего всемирно известного путешественника Фёдора Конюхова кажутся детской забавой по сравнению с походами сибирских казачьих ватаг.

Но дойти до Нерчи и там закрепиться — то был лишь первый, начальный пункт плана Афанасия Пашкова. Далее он собирался двинуться ниже по течению Шилки, выйти в Амур, найти остроги, поставленные якутским воеводой Хабаровым, воссоединиться с их гарнизонами, усилиться — и подчинить земли по обеим берегам великой реки.

Присланные из московского Сибирского приказа мандаты давали Пашкову полномочия на переговоры, от лица царя Алексея Михайловича, с «богдойцами» (китайцами), «никанцами» (чжурдженями) и «мунгалами» (монголами).

В наилучшем случае Пашков должен был подвести эти народы «под государеву руку»; иными словами, подчинить Китай российскому престолу — ни больше ни меньше.

Земли окрест Нерчинского острога распахали и засеяли рожью. Вниз по Шилке Пашков отправил отряд разведчиков, сам же решил отдыхать, копить силы и договариваться с местным населением.

Договор у него вышел такой: воевода ухитрился учинить расследование, найти тунгусов, виновных в поджоге первого Нерчинского острога, и казнить их.

...Хлеб не взошёл. Провиант, взятый из Енисейска, закончился. Рыбалка и охота восполняли запасы лишь в малой степени. В гарнизоне Нерчинского острога начался голод.

В те дни Аввакум явно сожалел, что его не сослали в Вологду или на Соловки. Там хотя бы имелся более или менее обустроенный быт, какое-то пропитание, скудное, но гарантированное. А Нерчинск — то был фронтир русской цивилизации, неосвоенная земля.

Сильнейшие ветра, сдувающие снежный покров, континентальные морозы. Короткое и непредсказуемое лето: когда сеять, когда жать — неясно.

Если бы в период подготовки к походу Пашкову из Москвы прислали бы хоть что-то — порох, ружья, ножи, соль, сере-

бро — то, что можно было выменять у местных племён на еду, — судьба экспедиции, возможно, сложилась бы иначе.

Первая зима в Нерчинском остроге и последующее голодное лето унесли жизни полусотни человек. Ещё столько же слегли от истощения.

Умерли и два маленьких сына Аввакума; их похоронили возле берега, но начавшееся половодье размыло одну из двух могилок, и тело ребёнка унесло в реку на глазах у несчастных отца и матери. «Не до нево было, — пишет протопоп, — и себя носить не можем».

Ели траву, сосновую кору, коренья, падаль, мертвечину. Аввакум пишет: «Что волк не доест, то мы доедим». Съели бы и лошадей, но воевода запретил под страхом смерти.

Вернулись с Амура разведчики — и принесли плохие новости: ниже по реке хозяйничают многочисленные и хорошо вооружённые отряды чжурдженей (маньчжуров). Казаки Хабарова были найдены мёртвыми, а суда их — разбиты и сожжены.

Пашков понял, что поход не удался. Его люди еле передвигали ноги, идти дальше — значило всем умереть.

Ни одного китайца он так и не увидел.

Пашков отправил гонца с «Отпиской» в Москву, изложил всё как есть. Неясно, как именно он отправлял в Москву гонцов со своими «Отписками»: в одиночку такие «почтальоны» путешествовать не могли, каждому надо было давать корабль и сопровождающих. Скорее всего, в какой-то момент Пашков отправил в Енисейск целый транспорт с ранеными и недужными, в том числе и доверенных людей с письмами в Москву.

Пашкову не повезло: впоследствии недалеко от Нерчинска нашли месторождение свинцово-серебряных руд и поставили плавильный завод. Серебра там добывали совсем мало, зато достаточно свинца, а свинец — стратегически важный ресурс, оружейный металл. Рудник и завод действовали более двухсот лет. На нерчинскую каторгу ссылали и декабристов.

Если бы казаки Пашкова нашли свинец, не говоря уж о серебре, — отряд вернулся бы не с пустыми руками, их поход имел бы результат. Но — не нашли.

Отряд Пашкова оказался блокирован в Нерчинске. Идти дальше — невозможно. Около половины отряда потеряно. Те, кто в строю, — сходят с ума от голода. Единственный выход — накопить хоть какие-то силы и возвращаться.

...На этом военная карьера Афанасия Пашкова была закончена. Он вынужден был вернуться домой без чести, не выполнив царской воли.

И действительно, в ряду легендарных сибирских землепроходцев той эпохи — Хабарова, Пояркова, Бекетова, Перфильева и других — имя Афанасия Пашкова обычно не упоминается. Зато, благодаря в том числе Аввакуму, стали широко известны злодеяния енисейского воеводы. Пашков стал землепроходцем-неудачником, антигероем истории освоения Сибири: не основал нового крепкого поселения, не разведал новые земли, только зря людей погубил.

Но один человек ухитрился навеки оправдать перед всем миром неудачную, трагическую, кровавую, бесславную экспедицию: протопоп Аввакум.

Многим сибирским землепроходцам давно поставили памятники. Их именами названы города. С Хабаровым и вовсе произошёл уникальный (возможно, единственный в своём роде) случай в топонимике: его фамилией назван город Хабаровск, а именем и отчеством — посёлок Ерофей Павлович.

Памятник же Пашкову — поставил Аввакум: памятник литературный.

3

Пересидев ещё одну тяжёлую зиму, ранней весной 1660 года, по речному льду они двинулись назад.

Здесь отчаяние измождённых людей достигло предела. Это психологически понятно: все знали, что впереди — ещё долгие вёрсты (и не один год) изнурительной борьбы за жизнь.

Кончилось долготерпение даже у верной подруги Аввакума, жены Анастасии Марковны. На льду, на бешеном ветру,

меж ними состоялся диалог, навсегда вошедший в историю: «Доколе муки сии, протопоп? — До самыя до смерти. — Добро, Петрович, ино ещё побредём».

Но они — дошли.

Вряд ли волокли с собой назад корабли; история об этом умалчивает. Поклажу везли на нартах и вьюками на лошадях, Аввакуму и его семье выделили отдельную лошадь.

Тяжелейший и трагический путь занял всю весну — до вскрытия рек. По льду они пешком вернулись из Шилки в Ингоду, затем перевалили Яблоновый хребет и спустились к Иргенскому острогу. Здесь — осели ещё на полтора года.

На этом поход отряда воеводы Афанасия Пашкова — в том виде, в каком он замышлялся, — закончился.

Пошли прахом все амбициозные планы: подчинение Китая, налаживание пути по Амуру на Тихий океан… Путь на восток оказался слишком тяжёлым, извилистым и затратным. По крайней мере, таким он был в середине XVII века.

В мае 1662 года в Иргенский острог прибыл сменщик Пашкова, боярский сын Ларион Толбузин. Он сместил воеводу Пашкова, заступил на его должность, принял командование остатками отряда и тремя острогами: Иргенским, Нерчинским, Телембинским.

Во всех трёх крепостях к моменту приезда Толбузина находились под ружьём 75 казаков. Прочие — около 400 человек — погибли от голода, болезней либо в стычках с местным населением; либо же были казнены самим воеводой Пашковым.

Потом, уже в Москве, было учинено расследование обстоятельств похода. Свидетель — Аввакум — подал царю челобитную с описанием злодеяний Пашкова, и утверждал, что погибших — до пяти сотен, то есть был потерян практически весь отряд. Ушли пятьсот — вернулись десятка три. Собственно, сам Пашков с семьёй, Аввакум с семьёй, и ещё, может быть, две дюжины раненых и больных.

5. Легенда об иргенских мучениках

1

Тогда же, в том же остроге, около 1661 года родилась легенда об иргенских мучениках. Она дошла до нас в виде апокрифа, существующего самостоятельно от «Жития» Аввакума.

Четверо казаков — Симеон, Киприан, Иосиф и Василий — совершили некий проступок, и воевода Пашков в наказание велел им заготовить «сорок бочек карасёвых язычков», то есть дал заведомо невыполнимое задание. Казаки приказ не выполнили — и Пашков их казнил.

Похоронили их не в гробах, а в двух дубовых колодах, по два мертвеца в каждую. Эти колоды впоследствии были найдены. На внутренней стороне одной из колод остался отпечаток лицевых костей покойника. Сохранились и другие останки. Церковь объявила об обретении нетленных мощей. Четверых казаков канонизировали как мучеников, то есть страдальцев за веру.

Существует отдельный святой образ, икона: «Симеон, Киприан, Иосиф, Василий и иже с ними, мученики Иргенские, Сибирские».

Фраза «…и иже с ними» означает, что, вероятно, были и другие, казнённые Пашковым в Иргенском остроге.

Есть также версия, что все четверо казнённых были паствой Аввакума, приверженцами старой веры.

Неясно, какой веры — старой или новой — придерживался сам воевода Пашков. Скорее всего, старой; перенять новую ему было просто некогда и негде. Вероятно, вся казачья ватага Пашкова в 400 сабель придерживалась старой веры. Аввакум отпускал грехи и отпевал умерших и убитых так, как считал нужным. Рядовые воины про Бога мало думали — все их усилия были направлены на физическое выживание. Они не были богомольцами, конечно.

Передав командование Лариону Толбузину, отставленный воевода Пашков собрал поезд, детей и ближних присных, взял корабли и уехал домой, в Енисейск.

Тот же боярский сын Толбузин привёз и распоряжение насчёт Аввакума: ему царь велел вернуться в Москву.

Но Пашков, когда уезжал из Иргенского острога, Аввакума с собой не взял.

Аввакум уехал только через месяц после Пашкова. Отдельным отрядом вышли. Аввакум пишет, что он ещё вёз с собой больных и раненых.

Пашков и Аввакум оба поехали в Москву — но независимо друг от друга; у обоих путь занял два года.

После отъезда Пашкова и Аввакума с их семьями в Иргенском остроге остался отряд из двух десятков ветеранов похода — тех, кто прошёл весь путь от Енисейска до Нерчинска и обратно, длиной в восемь лет.

Эти воины решили увековечить память погибших — и они построили на территории острога часовню; она простояла не менее 80 лет, упоминания о ней известны с середины XVIII века. Часовня была поставлена в память всех погибших в походе Пашкова; всех, кто шёл вперёд, имея на груди нательный крест.

Потом, когда Пашков приехал в Москву и отчитался о своём походе в Сибирском приказе, — дьяки приказа немедленно выписали продовольственную и военную помощь казакам Иргенского и Нерчинского острогов. Но когда эта помощь прибыла и насколько она велика была — сказать трудно.

Ларион Толбузин служил царю верой и правдой в забайкальских крепостях. Его сын, Алексей Ларионович, позже стал комендантом крепости Албазин, главного русского опорного пункта на Амуре, и был сражён пушечным ядром на стене крепости в сентябре 1686 года, во время обороны от китайских войск. Это случилось уже после смерти Аввакума, в период правления царевны Софьи, заключившей первый в истории договор между Россией и Китаем — Нерчинский договор.

Царевна Софья, ученица белорусского мудреца Симеона Полоцкого, неплохо разбиралась во внешней политике, и вдобавок имела надёжного советника, князя Василия Голицына; и князь, и Софья были убеждёнными западниками. Софья решила обезопасить границы державы со всех сторон света: ратифицировала мирный договор со Швецией, заключила мирный договор с Польшей (и при этом выкупила город Киев за 146 тысяч рублей); на юге, после двух тяжёлых и неудачных военных походов, добилась мира с крымско-татарским ханством; а на востоке — впервые в истории заключила мирный договор с императором Китая. Нерчинский договор не был особенно выгодным — Россия уступила все земли к юго-востоку от Амура, в том числе и часть Даурии (Забайкальского края); пришлось сдать и крепость Албазин, которая к тому времени подвергалась упорным атакам китайцев. Осада крепости Албазин изучена историками, но в литературе пока не отражена; а между тем, это был первый случай войны между Россией и Китаем.

Забайкальский край, или Даурия, позднее ещё раз отзовётся эхом в судьбе Аввакума, уже посмертной. В середине XVIII века в Даурию начнут переселять белорусских старообрядцев — и они создадут свои колонии. Их уникальный этнокультурный извод получит название «семейские». Эти люди до сих пор сохранили свой отдельный уклад, и Аввакума почитают — как святого.

2

С походом Афанасия Пашкова до сих пор не всё ясно. Фундаментального труда никто не создал. Причины этому вот какие.

В СССР, с его идеологией научного атеизма, сочинения Аввакума профессионально изучал лишь один человек, Владимир Малышев, и имя Аввакума в общем и целом замалчивалось. Соответственно, историки не брались исследовать и поход Пашкова, поскольку в таком исследовании неизбежно надо было бы цитировать «Житие протопопа Аввакума».

Вернуть имя Аввакума пытались писатели Русского Севера — Арсений Ларионов, Ксения Гемп.

У писателя Сергея Маркова в книге «Вечные следы», посвящённой сибирским землепроходцам, есть небольшая глава о походе Пашкова («В глубочайших пределах») — причём воевода там описан как муж весьма доблестный, а вот о его жестокости не сказано ни слова. Книга Маркова вышла в 1975 году. В советское время очернять героев прошлого было не принято; если покорители Сибири сделали для страны благое дело — значит, представлять их следовало как славных парней. Аввакум в этой главе книги Маркова упомянут очень кратко.

По законам тайного мира, поэт и писатель Сергей Марков, путешественник и этнограф, проживший долгую и удивительную жизнь, пересёкся с Аввакумом в одной точке (правда, с разницей в три с половиной столетия): в 1932 году по обвинению в контрреволюционной деятельности Марков был сослан на три года в село Мезень, где отбывал ссылку и Аввакум.

Когда же Советский Союз почил в бозе, историкам уже было не до воеводы Пашкова: большинство учёных срочно переключились на расследование злодеяний товарища Сталина. Даже сейчас, спустя 30 лет после распада СССР, самой выгодной и хлебной темой для историка являются сталинские репрессии.

Наконец, в наше время тема покорения Сибири считается скользкой, неполиткорректной, поскольку задевает самолюбие

коренных малых народов, в случае с Пашковым — эвенков (тунгусов).

Отлично, скажет читатель, ну и зачем, действительно, нам сейчас знать про походы казаков в Забайкалье?

А всё для того же: для восстановления справедливости, в нашем случае — исторической. Нельзя замалчивать ни одного факта. Мы должны знать про себя — всё. Мы должны иметь исчерпывающие сведения о любом моменте нашей истории. Гордиться славой предков, как заповедал нам Пушкин, необходимо. Но ещё важнее обладать всей полнотой исторического знания. Нельзя обходить острые углы, нельзя бояться щекотливых тем, нельзя быть дипломатичными. Любовь к истине — вот основа самоуважения и достоинства.

6. Снова в Москве. Триумф и новое изгнание

1

На пути в Москву Аввакум повсюду видел торжество никонианцев — новый уклад храмовой службы. Пореформенная цер-ковь стала административным, деловым, жестко упорядочен-ным предприятием. Из сферы горней, таинственной — сдвину-лась ближе к сфере мирской, практической. Облачения святых отцов стали богаче, сверкали шитьём. Службы сильно сократи-лись по времени. Приходских священников назначали сверху. Все доходы монастырей отправлялись в Москву, в Монастыр-ский приказ, и далее пополняли государственную казну. «По-каяльные семьи» были отменены: теперь человек не мог сам выбрать себе исповедника, а обязан был ходить к исповеди и прочим таинствам только к попу своего прихода.

Аввакум вернулся в Москву в конце весны 1664 года. Си-бирское хождение его продолжалось больше 10 лет.

В Сибири он потерял двоих сыновей, но родил дочь.

Покрытое расстояние, сначала — пешком или на конных повозках, затем — по извилистым сибирским рекам, сам Авва-кум определяет в 20 тысяч вёрст (более 21 тысячи километров); Христофор Колумб, открыв Америку и вернувшись домой в Лиссабон, преодолел существенно меньшую дистанцию.

По пути назад Аввакум побывал в местах, где позже появится Екатеринбург: в большой колонии староверов на озере Шарташ. Одноимённая слобода Шарташ официально основана вроде бы в 1672 году, но первые скиты там появились гораздо раньше, сразу же после начала гонений. В этих скитах Аввакум побывал и произносил там проповеди: за пятьдесят лет до основания Екатеринбурга. А когда появился и заработал в этих местах железоплавильный завод — шарташские староверы стали массово наниматься на работу, и постепенно прибрали завод к рукам, так что официальное начальство ничего не могло предпринять без согласования с лидерами старообрядческой общины. Ещё позже Екатеринбург превратился в неофициальную столицу сибирских и уральских старообрядцев. Фактически и завод, и старый Екатеринбург построены их руками, и дух старообрядчества сохранился в столице Южного Урала до сих пор.

Ко времени возвращения Аввакума из Сибири Никон уже оставил патриарший престол. Причина — прозаична: его занесло, он утратил чувство меры, оказался раздавлен непомерной спесью и амбициями. Он попытался утвердить церковную власть выше светской, обратиться в католического папу. Рассорившись со всеми боярами и с самим царём, Никон гордо удалился в самоизгнание, в им же основанный монастырь Новый Иерусалим.

Но перед тем ему удалось одержать важную победу.

В Москве было раскрыто инкогнито сосланного и нелегально вернувшегося авторитетного старообрядца Иоанна Неронова. Он постригся в монахи и принял имя Григорий.

Под угрозой отлучения от церкви, а может быть, по другим причинам, нам неведомым, Неронов после разговоров с Никоном принял его сторону, то есть — отрёкся от старой веры.

Разумеется, Никон предал этот факт огласке: в его руках оказался не просто рядовой перебежчик. Неронов считался лидером противников реформы. Сильный, суровый, решительный, смелый человек, претерпевший гонения, он больше других подходил на роль духовного вождя врагов никонианства, — но не стал им.

И когда в Москву вернулся Аввакум — его тут же провозгласили, взамен Неронова, новым лидером староверов, безо всяких дискуссий и сомнений.

В царской семье староверам благоволила царица Мария Ильинична и весь стоявший за ней могущественный клан бояр Милославских. В других богатых боярских семьях тоже нашлись те, кто не поддержал реформу. Были люди чистосердечные, искренние сторонники древлего благочестия. Но больше было других, использующих внутрицерковный конфликт для достижения практических целей.

Положение Милославских не было надёжным. Менее знатные боярские роды ждали момента, чтобы подвинуть фаворитов с выгодных должностей.

Как только Аввакум появился в Москве — его тут же задействовали в игре.

Десять лет скитаний и лишений закалили Аввакума. Теперь это был сверхчеловек, выдубленный забайкальскими ветрами, обожжённый морозами, темноликий, видевший такое, что другим и не снилось в самых страшных кошмарах. Изнеженные московские обыватели толпами стекались на проповеди Аввакума. Он вошёл в моду. Его дружбы искали сановные вельможи, их жёны и дочери. Аввакума звали на учёные дискуссии в дома царедворцев. И сам царь — ломал шапку перед батькой Аввакумом, справлялся о его здоровье.

Это была высшая точка судьбы его, времена взлёта, счастливые.

Здесь надо нам порадоваться вместе с ним, поскольку этот человек познал не только лишения, голод и смерть, но и восторг победы. И высшая справедливость тут была ему явлена. Судьба и бог дали ему краткое время торжества.

Не всем такое дают, но ему — дали.

Его предшественника, Неронова, судьба не наградила триумфом. Всю свою долгую жизнь Неронов мыкался, бился за истину, — но не познал ни славы, ни почёта, и в итоге сдался.

Патриарх Никон обрёл наслаждение вершиной власти, упивался роскошью. Но, как любой другой лжецарь, получил

лишь фальшивые почести — но не подлинное уважение народа.

Афанасий Пашков, воин, насаждал власть кулаком и шелепой, — но проиграл свою главную битву. Так тоже бывает. Есть генералы-победители, есть генералы проигравшие.

А протопоп Аввакум, недавно — мало кому известный выходец из толщи народной, самородок, обречённый на смерть, наскоро выпнутый из Москвы, неожиданно, при стечении чудесных обстоятельств, вдруг вернулся в столицу в силе и славе.

Как он, просвистанный ледяным ветром, познавший вкус мертвечины, не похож был на столичных белолицых, холёных учёных книжников, теоретиков, мастеров демагогии! С каким снисхождением смотрел он на Симеона Полоцкого и прочих звездочётов и придворных богословов!

Какие великие надежды были в нём тогда, какое воодушевление он испытывал!

Никон, сидя в своей Новоиерусалимской резиденции, только скрипел зубами от зависти. Кто такой был этот Аввакум, десять лет назад вышвырнутый в ссылку? Он должен был пропасть навсегда, исчезнуть, утонуть в Ангаре, в Байкале, в Шилке, пасть от стрелы тунгуса, умереть от голода в Нерчинске, вместе с женой и детьми, без следа и памяти! Сколько таких, смелых и принципиальных, было сослано и погублено... А этот — умудрился прошагать половину мира, битый, поломанный, умирал — не умер, погибал — не погиб, тонул — и выплыл!..

2

Законы столичной жизни всегда одинаковы. Элита пресыщена — и хочет новых забав. Бешеные старцы, богомольные безумцы — отлично освежают ощущения.

В те времена огромным спросом среди аристократов пользовались всевозможные странники и странницы, карлики и карлицы, шуты, блаженные, юродивые. Их привечали в домах

вельмож и при царском дворе. Эти люди были вместо телевизора. Они развлекали. При дворе царевен жили так называемые «дуры», забавлявшие всех своими выходками.

Известен случай, когда гетман Мазепа отыскал двух карликов и послал их в подарок юному царю Петру; они попались на глаза фавориту Софьи князю Голицыну, тот присвоил карликов себе; это стало известно Петру — и он затаил на Голицына обиду.

Аввакум тоже должен был попасть в отряд придворных диковин.

В новейшее время таким был Григорий Распутин. Рискуя быть проклятым и раскритикованным, я тем не менее могу уподобить Распутина и Аввакума. Мода на старцев, седобородых носителей божьей истины, выходцев из далёкой глубинки, всегда была, и сейчас есть. Между прочим, старчество — едва ли не официальный церковный термин.

Однако Аввакум старцем себя не объявлял. Когда вернулся в Москву — ему было 43 года. По тем временам — поживший человек, но всё же не старец.

И ему хватило ума, чтобы не стать придворным дураком.

3

Воевода Афанасий Пашков, как мы помним, был призван в Москву держать ответ за свою неудачу. Надо ли говорить, что вся вина за провал была возложена на него одного?

О том, что дьяки Сибирского приказа и лично царь подставили воеводу, повелев ему вести людей за тридевять земель, но не оказав поддержки, — речи, конечно, не шло. Не царь же виноват, в самом деле?

А протопоп Аввакум, как честный человек, свидетельствовал против воеводы. Причём Пашков, по утверждению Аввакума, пытался дать ему взятку, чтоб тот помалкивал.

Но что касается их личных отношений, бешеной многолетней вражды, ругани, избиений, — в своём «Житии» Аввакум проговорился: «то ли он меня мучил, то ли я ево — не знаю».

Униженный Пашков решил уйти в монастырь. Примечательно, что чин пострижения он попросил совершить именно Аввакума. Постриглась в монахини и жена Пашкова.

Вскоре бывшего воеводу разбил паралич; в 1664 году он скончался.

Однако род Афанасия Пашкова не только не пропал, но — расцвёл.

Сын за отца не отвечает. Потомки злодеев могут глубоко сожалеть и скорбеть о жертвах, погубленных отцами и дедами, — но не должны извиняться. Нельзя приносить извинений за действия другого человека. Тем более нельзя каяться за отцов. Если сын жертвы требует покаяния от сына палача — он перестаёт быть цивилизованным человеком и обращается в варвара, последователя обычая кровной мести.

Что было бы с нами, если бы внуки жертв, погибших в подвалах НКВД, стали мстить внукам палачей? Во что превратилось бы наше общество?

Помнить — обязаны. Сожалеть и оплакивать — можно и нужно. Но требовать покаяния, вымогать покаяние — значит выйти из поля культуры.

Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому два.

Сын Пашкова Еремей отправился служить в Киев и стал там воеводой. Внучка Пашкова вышла замуж за думного дьяка Никиту Зотова, учителя Петра I. Дом Зотова до сих пор стоит в Москве, на Кремлёвской набережной, у самого начала Большого Каменного моста. Правнук Пашкова — Егор — был денщиком Петра и губернатором Астрахани. А праправнук Пашкова — Пётр — нажил состояние на торговле водкой и выстроил себе огромный дворец напротив Кремля, сейчас это здание так и называется — «Пашков дом».

Справедливо ли распорядилась История по отношению к Афанасию Пашкову?

Аввакум подробно описал злочиние воеводы Пашкова, в назидание потомкам. Это справедливо. Теперь все мы знаем, что происходило в том походе.

Аввакум не простил Пашкову плохое руководство отрядом — и официально свидетельствовал против Пашкова. Это тоже справедливо.

Аввакум, однако, простил Пашкову все его жестокие действия, направленные против лично Аввакума, в том числе простил и смерть собственных детей, проявив великодушие и христианское милосердие. И не только простил, но дал Пашкову возможность отречься от прежней жизни — и принять новую жизнь, монашескую. И это — тоже справедливо.

За гибель нескольких сотен людей Пашков понёс очень мягкое наказание: всего лишь был отправлен в отставку. Это справедливо? И да, и нет. В нынешние времена военачальника ждал бы трибунал. Пашков выполнял приказ. Его поход был военной операцией, казаки находились на службе. Участники похода были отлично осведомлены о рисках и опасностях. Воевода взял мало провианта — но взял бы больше, если б имел возможность. Он долго собирал деньги на поход, обобрал весь город. Он обращался за помощью в Москву, но помощи — не получил... Нет, на том воображаемом трибунале ему явно было бы что сказать в свою защиту. Разбираться в этом сейчас, спустя три с половиной столетия, не учитывая всех исторических обстоятельств, подходить с современными мерками, — нельзя.

Аввакум, участник похода, претерпел муки и лишения, — но если бы не был сослан, если бы остался в Москве — вероятно, умер бы во время эпидемии чумы. Где тут искать справедливость? История не терпит сослагательного наклонения.

4

Итак, в Москве Аввакума приветили. Это добавило ему смелости — и он написал царю «писанейце», челобитную, призвал отказаться от всех церковных нововведений.

Но об этом, разумеется, уже не могло быть и речи. Аввакум, при всём своём уме, не понимал, что за десять лет, пока он скитался по Даурии, в Москве всё изменилось.

В городах, а в столицах особенно, всё быстро меняется. На то они и города, там всегда бешеная круговерть событий. Чем дальше и глуше провинция, тем медленнее происходят перемены.

Так бывалые зэки советуют новичкам-«первоходам»: когда отсидишь срок и освободишься, ни в коем случае не лезь в старые дела — ты никому не будешь нужен, без тебя научились обходиться, вернёшься — а от тебя все отвыкли давно.

В воспоминаниях Елены Боннэр «Дочки-матери» есть рассказ о том, как её мать, Руфь Боннэр, вернулась домой к дочери после восьми лет отсидки в «АЛЖИРе», Акмолинском лагере жён изменников Родины. Когда Руфь Боннэр посадили, её дочери Елене было 14 лет. Вернувшись, мать стала общаться с дочерью так, как будто той было четырнадцать, — а дочери было уже двадцать два, и она прошла войну, повидала всякое. Мать и дочь ссорились. Для матери время остановилось на восемь лет, а для дочери — летело стрелой.

То же самое случилось с Аввакумом. Он попал в ту же ловушку.

Москва 1664 года сильно отличалась от Москвы 1653 года. Никона начинали забывать — он уже шесть лет не появлялся в столице. Что касается церковных нововведений — московская элита, зависимая от милостей царя, понемногу с ними смирялась. Сам же царь держал твёрдый курс: реформа была нужна ему для осуществления мечты, для завоевания престола византийских базилевсов.

В том же 1664 году в Москве появился философ, поэт, астролог и знаток латинской мудрости Симеон Полоцкий, и понравился царю.

Повсюду укоренялось грекофильство, западничество.

Западником был входящий в силу, тогда 39-летний, стряпчий Артамон Матвеев, будущий «дядька» Петра I — и злейший враг боярского рода Милославских.

Западником был боярин Василий Голицын, тогда — 20-летний царский стольник и чашник, будущий фаворит царевны Софьи.

Передовая московская молодёжь всё чаще оглядывалась на Запад: там было интересно, там был театр, свободные нравы, табак, колониальные товары, изысканные развлечения, книги. В стране понемногу начинал формироваться фундамент для будущих реформ Петра.

Вдруг стало ясно, что Аввакум мешает повороту на Запад, которого так желала элита.

Поскольку Аввакум был златоустом, прирождённым оратором и мастером публичной дискуссии, каждое его выступление собирало толпы.

В итоге царю это надоело — и 29 августа 1664 года Аввакум вместе с семьёй был снова сослан.

Его счастливый московский период продолжался всего лишь три месяца.

Три месяца столичного успеха, от одной ссылки до другой.

У него никогда не было в Москве ни постоянного пристанища, ни опоры.

То был величайший провинциал, которого заносило в Москву лишь случайно.

Местом новой ссылки Аввакуму назначили Пустозёрск, город в Заполярье близ нынешнего Нарьян-Мара, в месте впадения в Баренцево море реки Печоры, одной из главных транспортных артерий Русского Севера.

Путь туда лежал по Северной Двине, через Вологду, Великий Устюг, Холмогоры и далее по древнему торговому пути, Печорскому тракту, через большой торговый северный порт Архангельск и через село Мезень.

7. Вторая ссылка: на Север

1

К тому времени Печорский тракт существовал два столетия и представлял собой налаженную транспортную систему, работающую круглогодично, как бизнес-проект. По северным сибирским рекам к берегу Белого моря везли рыбу, икру и пушнину. Печорский путь состоял из нескольких маршрутов, где реками, где посуху, в зависимости от сезона.

Мезень — один из древних форпостов русской цивилизации, посёлок поморов, расположенный в устье одноимённой реки, впадающей в Белое море.

От Архангельска до Мезени летом добирались морем — на кочах, поморских судах, а зимой — по «зимникам», торным санным путям. Зимники пролегали по льду рек, но если можно было сократить расстояние — вырубали в лесах просеки.

Аввакума и его семью привезли в Мезень 19 декабря 1664 года, то есть — зимним путём.

Основой сухопутной транспортной системы Русского Севера была так называемая «мезенская» порода лошадей — это очень сильные, довольно крупные и выносливые животные, с густой гривой. При хорошей погоде такая лошадь, впряжённая в сани, могла преодолевать при любом морозе до 40 кило-

метров пути. Однако потом ей требовалась замена. Путники могли брать сменных лошадей с собой, а могли менять их на ямских станциях.

Известно, что на пути от Архангельска до Мезени, это около 300 км, такие станции существовали. Но далее путь лежал по диким землям, от Мезени до Пустозёрска надо было преодолеть ещё более 500 вёрст зимника.

Две недели санного пути, от Архангельска до Мезени, при декабрьском северном морозе, измотали Аввакума, — но ещё больше измотали его семью, а с ним ехало 12 человек: жена, дети и родственники, вдобавок охрана, несколько стрельцов. Это был огромный поезд из примерно 15 саней, включая поклажу, еду и вещи сосланных.

В маленькой Мезени, когда они туда прибыли, для них просто не нашли лошадей для продолжения пути.

Москва далеко, а зима близко.

Опять же, ссыльного везли за счёт казны, а сколько выделила казна — мы не знаем.

Аристократов и дворян обычно отправляли в ссылку за их собственный счёт, но Аввакум не был дворянином и не имел доходов; где он брал еду для себя и своей семьи? Чем он платил за обогрев на постоялых дворах и ямских станциях? Откуда взялись деньги на прокорм 12 домочадцев? Можно предположить, что в начале путешествия у Аввакума были какие-то сбережения. Московские симпатизанты наверняка снабдили его деньгами на дорогу. Но ни в одной строке своего «Жития» он не сообщает, откуда брались средства к его пропитанию.

Когда он отправился в путь, Анастасия была беременна своим последним ребёнком. Он родился уже в Мезени; сына назвали Афанасием.

Кое-как обосновавшись, Аввакум написал царю, попросил отменить приговор. Челобитную повезли в Москву, а пока сосланный протопоп с оравой родственников зажил в селе Мезень.

Так прошло полтора года. За это время к Аввакуму приехали два его старших сына, Иван и Прокопий. Иван приехал с женой и дочерью, внучкой Аввакума.

Кроме сыновей, приехали в Мезень и последователи Аввакума. Историки упоминают двоих: юродивый Фёдор и некий Лука Лаврентьевич. Эти двое, а также старшие сыновья, служили Аввакуму как апостолы, обеспечивали связь с большой землёй, доставку писем. Безусловно, ему присылали и деньги: иначе как бы он полтора года содержал в поморском селе полтора десятка домочадцев? Их распихали по чужим избам, платили за постой, а харчи на русском Севере обходятся дорого.

Теперь Аввакум — настоящий духовный учитель; за ним следуют ученики, готовые отдать жизнь за батьку. Так потом и произошло.

2

В январе 1666 года в Мезень прибыл стрелецкий отряд. Приказано было Аввакума единолично, без семьи, немедленно вернуть в Москву.

1 марта он приезжает в столицу — в последний раз.

То была великая и тщательная подготовка к большому Вселенскому Собору. Всю зиму того года в Москву свозили его участников, не менее сотни человек, — от иноземных мыслителей до своих смутьянов.

Собор устроил царь Алексей Михайлович. Грандиозный «саммит» греческих, греко-латинских и русских иерархов должен был всецело одобрить реформу, провозгласить сближение, дружбу русской и греческой церквей; но при этом также надо было красиво и без скандалов осудить Никона, низложить его — и выбрать нового предстоятеля.

Никона обвиняли прежде всего в перегибах. Его ведущая роль в реформе не оспаривалась, но и не считалась условием для снисхождения.

Патриарх не может быть выше царя. Патриарх — не католический папа, власть держит царь, и если патриарх дерзнёт быть наравне с царём, или, не дай бог, выше царя — такого патриарха православная церковь наказывает и изгоняет.

Впрочем, для Алексея Михайловича низложение Никона было второстепенной задачей. Главное — провозгласить успех реформы и союз церквей, примирение церквей, и желание сближения с Западом. Эту функцию Собор — выполнил.

Латинство, смягчение нравов уже было повсюду. Когда-то Аввакум избивал скоморохов и их дрессированных медведей — а теперь московские вельможи устраивали театральные представления в своих домах.

Чтобы подвести под обвинения, предъявляемые Никону, доказательную базу, царь повелел доставить со всех концов страны самых известных старообрядцев, Аввакума — в первую очередь. Свидетели должны были подтвердить самодурство Никона, его жестокость и самоуправство, его претензии на высшую власть.

В отсутствие патриарха его обязанности выполнял местоблюститель, Павел, митрополит Крутицкий и Сарский, — идеологический враг Никона, значительный церковный деятель того времени, образованный и благочестивый пастырь, друг Симеона Полоцкого, свободно читавший по-гречески. Павлу царь поручил провести предварительные собеседования, «установочный инструктаж».

Аввакума доставили в Москву — тайно, и каждые несколько дней перевозили из одного монастыря в другой.

Митрополит Павел встретился с Аввакумом и попытался уговорить вести себя на Соборе мирно. Вероятно, пообещал что-то от лица царя. Например, перевод из Мезени в Вологду или на Соловки. Аввакум должен был появиться перед царём и иерархами, коротко подтвердить факты самоуправства и жестокости патриарха Никона, а затем удалиться, никого не оскорбляя и не устраивая скандалов.

Аввакум наотрез отказался — да в таких выражениях, что митрополит Павел приказал на всякий случай вообще увезти смутьяна из Москвы.

8. Последняя опала

Спустя несколько дней Аввакума доставили в Пафнутьев монастырь, что близ города Боровск Калужской области. Там посадили на цепь, и держали на цепи 10 недель.

Келья Аввакума в Боровском монастыре сохранилась, сейчас её может осмотреть любой желающий. Гости приезжали сюда и в советское время, когда имя Аввакума понемногу стало возвращаться в культурное пространство.

Вот запись из дневника писателя Юрия Нагибина:

«13 июня 1980 г. В прошлое воскресенье ездили в Пафнутьев монастырь под Боровском, где томился протопоп Аввакум. Я был в его камере, которую некогда так картинно описал. Потрясённый моим появлением, создатель и хранитель музея Алексей Алексеевич Антипов сказал, что помнит мой рассказ кусками наизусть и всегда читает экскурсантам, которые только что в обморок не падают. Одно моё высказывание приколото возле кельи, как плакат. Видать, у Аввакума не было клаустрофобии: в камере нельзя распрямиться даже человеку небольшого роста. Как гнулся и горбился здесь рослый протопоп! Неподалеку отсюда кончили свою жизнь боярыни-сёстры Морозова и Урусова. Они похоронены в Боровске, но их могилы снесли, когда обводили садиком новое здание райкома, а плиты увезли в Калугу. [...] Сильное впечатление произвёл договор, заключённый мастерами-каменщиками с монастырём. Они наращивали два яруса колокольни нарышкинского стиля. Это смесь обязательств

с требованиями, но насколько же первые превосходят вторых — и сколько в них рабочей, цеховой чести, достоинства, уверенности в своих силах! Они берут за работу 110 рублей, но не сразу, а поэтапно. Называют день окончания работы — 7 июля, и ежели не сдадут всё в величайшем порядке, красоте и прочности, то платят монастырю 200 рублей. Оговаривают дотошно всё: как и когда перевезут их рухлишко от Ивана Великого, а равно и рабочий инструмент в монастырь, какой материал им потребуется и в каком количестве, упоминаются, естественно, и два ведра вина перед началом работы. Зато, если потом будут замечены в употреблении зелий или хождении в город по непотребному делу, подлежат большому штрафу или вовсе увольнению. Сравнить этих мастеров с нынешней пьянью. Вот, оказывается, каким был этот народ и рабочая честь его — я и представить себе не мог. Душа плавилась, когда я параграф за параграфом перечитывал этот удивительный документ. А подписаться смогли лишь четверо или пятеро, за остальных "руку приложил"... Без грамоты и науки, а как строили! Крепко пришлось поработать, чтобы лишить такой народ достоинства и умения».

Горько сетует Нагибин, наблюдая пьянство и деградацию народа в последние годы существования социализма, — но мы уже знаем, что употребление алкоголя в России стимулировало само государство для увеличения доходов казны. Не было никакого «генетически предрасположенного русского пьянства», а были — государственные «бизнес-проекты».

...Март и апрель Аввакум сидел в Боровском монастыре.

12 мая его привезли в Москву и судили. 13 мая — расстригли и предали анафеме. В ответ Аввакум проклял судей.

Узнав об этом, царица Мария Ильинична устроила царю Алексею Михайловичу такой скандал, что тот уехал из Кремля.

Аввакуму отре́зали бороду, снова заковали в цепи и перевезли в Угрешский монастырь. Оттуда 5 сентября его вернули в Боровск, там он пробыл ещё 9 месяцев, до 30 апреля 1667 года, после чего его снова привезли в Москву.

Почти четыре месяца, под охраной целого отряда стрельцов, Аввакума тайно перевозили из одного московского мона-

стыря в другой. Причина понятна: «сарафанное радио» — работало, и куда бы ни доставляли непримиримого протопопа — к месту его заточения тут же во множестве прибывали его сторонники, в том числе богатые бояре и боярыни; они подкупали охрану, добиваясь встречи с Аввакумом, передавали одежду, еду, бумагу и чернила, приносили письма и забирали ответные послания.

Помимо единомышленников, приходили и неприятели. В кельях Аввакума перебывали все представители московской элиты: и вновь избранный патриарх Иоаким, и боярин Артамон Матвеев, и Симеон Полоцкий, и крутицкий митрополит Павел, и десятки других.

Кто являлся по воле царя, кто по просьбе царицы Марии Ильиничны, а кто и по своей инициативе. Каждому хотелось попытаться уговорить Аввакума.

Уже было ясно: тот, кто сумеет сломить волю главного «диссидента» страны, будет осыпан великими милостями и царя, и царицы. Каждый умник с деньгами и амбициями считал своим долгом посетить заточенного упрямца и попытать удачу.

Это был настоящий мышиный цирк. Посетители выстраивались в очередь. Аввакум распознавал каждого ходатая с одного взгляда. Половину визитёров он сразу выгонял, самых сановных и вельможных — удостаивал беседой, но потом тоже выгонял.

Ни увещевания, ни угрозы не возымели результата. Лучшие переговорщики, дипломаты, философы, аристократы — уходили ни с чем.

Вселенский Собор кое-как провели. Никону предъявили многочисленные обвинения, в том числе в самовольном оставлении патриаршей кафедры и в оскорблении царя, лишили сана, извергли из священства — и сослали в Вологду. Его место занял патриарх Иоаким, впоследствии сыгравший важнейшую роль при воцарении малолетнего Петра Алексеевича и низвержении царевны Софьи.

17 июня 1667 года Аввакума привели на заседание Вселенского Собора, и там судили повторно, уже в более авторитет-

ном составе, с участием патриархов-иностранцев и переводчиков. Всего судей было 40 человек. Разбирательство закончилось грандиозным скандалом: не выдержав брани Аввакума, патриархи набросились на него и стали бить. Такой вот вышел высокий церковный суд.

Наконец, 26 августа царь принял политическое решение: удалить строптивого смутьяна как можно дальше от Москвы.

Просто уничтожить его, удавить, отравить уже было нельзя: за Аввакума стояла царица Мария Ильинична, а за ней — Милославские, и ещё несколько мощных боярских семей.

Вышел указ о повторной ссылке Аввакума в Пустозёрск. Наказанию подлежали и другие лидеры старообрядцев: священники Лазарь и Фёдор, а также старец инок Епифаний.

27 августа в Москве на Болотной площади священнику Лазарю и иноку Епифанию отре́зали языки.

Казнь — «вырезание», «отрезание», «вырывание», «отсечение», «усекновение» языка — происходила следующим образом: палач, действуя либо в одиночку, либо с помощником (в зависимости от сноровки), зажимал жертве рот, железными клещами вытаскивал язык на всю длину и отрезал его ножом, стараясь отсечь как можно бо́льшую часть.

В языке множество кровеносных сосудов, и отрезание его сопровождалось обильным кровотечением. Наказанный буквально обливался кровью от подбородка до колен. Кровотечение могло продолжаться сутки и дольше; всё это время казнённый мучился от боли, не мог ни пить, ни есть.

Отрезанный язык палач, для пущего эффекта, мог швырнуть в толпу (должны же быть и у палачей свои забавы). Но обычно язык бросали тут же, на окровавленные доски эшафота, и потом сметали с эшафота в грязь, и там его пожирали собаки.

Бродячие животные, кошки и собаки, а также, разумеется, и крысы, плодились тогда совершенно свободно, с ними никто не боролся. Но, правда, их никогда не было слишком много, потому что в городах отсутствовали пищевые отходы: люди практически всё съедали сами, а в голодные годы (они бывали регу-

лярно) ели и собак, и кошек, и ворон, и галок, и голубей. Из собачьих шкур вдобавок делали одежду и шапки. В любом случае, можно не сомневаться, что каждая кровавая казнь привлекала животных, они охотно лизали кровь казнённых и подъедали человеческие останки. Сюда же можно добавить и ворон, также способных поедать животную плоть. Голуби — тоже плотоядные птицы.

То есть, каждая публичная казнь в Москве — а они происходили почти ежедневно — сопровождалась не только криками возбуждённой толпы зевак, но и нашествием кошек, собак, крыс, вороньих и голубиных стай.

Профессия палачей (или катов, или заплечных мастеров) сформировалась в России именно во времена Аввакума, примерно к середине XVII века, и оплачивалась из расчёта 4 рубля в год.

В более ранние времена функции палачей выполняли воины, дружинники из боярской или княжеской личной охраны, затем — стрельцы. Если казнили важного преступника, врага какого-либо князя, — приговор исполнял кто-то из его приближённых, желая доказать свою преданность.

Иногда казни были «изысканными» — для их исполнения требовалась сноровка.

Великого князя Василия II Тёмного в 1446 году казнили ослеплением, то есть — жизни не лишили, но отняли зрение: закапали в глазницы расплавленное олово. Такое изощрение ещё поди придумай.

Профессиональный воин старался не обагрять свой клинок без чести — поэтому обычных преступников, простолюдинов, убийц и разбойников казнили бескровно, повешением, и затем оставляли висеть для всеобщего обозрения.

Повесить — значило унизить, лишить человека смертного достоинства сгибнуть через пролитие крови. Как известно, повешенный человек долго агонизирует — и в агонии извергает физиологические жидкости, так что казнь повешением всегда считалась унизительной, гадкой.

В поздние времена изобрели несколько более «гуманную» технологию: человек с петлёй на шее сбрасывался с высоты

двух метров, что гарантировало перелом шейных позвонков и, соответственно, совсем кратковременную агонию. Таким образом, например, были казнены декабристы в 1826 году.

С середины XVII века палачей в России набирали из числа добровольцев — и такие всегда находились, несмотря на то, что палачей не допускали к причастию. В католической традиции палач считался воином, а в православной — грешником, убивающим за деньги.

При отсутствии штатного палача приговор мог исполнить профессиональный воин по приказу командира. Так случится потом со сподвижниками Аввакума в Пустозёрске.

31 августа 1667 года четверых наказанных повезли из Москвы в ссылку в Пустозёрск.

Аввакум, по его собственному признанию, горько сожалел о том, что его пощадили. Он бы, наверное, хотел, чтоб ему тоже отрезали язык, как его собратьям. Он чувствовал себя виноватым, «блатным», — за него заступились, его пожалели пока. Но когда его единомышленникам отреза́ли языки — это было сигналом и самому Аввакуму: будешь продолжать в том же духе — отрежем и тебе. Аввакум, человек сердечной жизни, сразу понял это.

Лазарю и Епифанию вы́резали языки для демонстрации будущей судьбы самого Аввакума.

Теперь он не просто сослан, теперь он — уголовный преступник, расстриженный, проклятый.

…В Москву он больше никогда не вернётся; начиналась последняя, и самая важная, часть его судьбы.

Конец второй части.

Великий князь Московский
1662
1989
А. Бурлов

Часть третья

Пустозёрское сидение

1. Пытки и казни

Чёрное, грязное, кровавое Средневековье люди представляют в том числе и как эпоху жесточайших пыток и изощрённых казней.

Любой историк с удовольствием расскажет публике о зверствах тёмных времён человечества. Такие рассказы всегда востребованы: они щекочут нервы. С другой стороны — успокаивают: посетив музей средневековых пыток и послушав экскурсовода, обыватель вздыхает с облегчением. Хорошо, что я живу сейчас, а не тогда, думает он. Хорошо, что ныне у нас есть конституции, законы, права человека и прочие приятные штуки!

Сейчас история средневековых пыток и казней — это бизнес, и даже фетиш, подогреваемый субкультурой БДСМ (христианская традиция умаляет телесное начало, сводя секс к необходимой процедуре, но вдруг парадоксально опыт средневековых пыток трансформировался в экстремальные сексуальные практики).

Однако пыточные технологии, серьёзные и эффективные, существуют и теперь, и развиваются так же, как и любые другие технологии. Профессия палача — жива. Сейчас достаточно сделать человеку укол, ввести в кровь мизерную дозу препарата, чтобы доставить невыносимые страдания. Любой оперативник или следователь умеет вести дознание с применением пытки голодом, холодом, бессонницей, изнурением. До сих пор в России существуют «пресс-хаты»: особые камеры тюрем и след-

ственных изоляторов, где подозреваемый находится в окружении нескольких злобных и жестоких соседей. Для начала они могут «создать душняк» — запугивают, издеваются, инициируют бытовые неудобства, а если этого недостаточно — начинают отбирать еду, избивать; наконец, насилуют или даже убивают.

Что касается избиений арестантов тюремными надзирателями — они узаконены. Администрация любой тюрьмы официально имеет право применять к содержащимся под стражей методы физического воздействия. Так везде: и в России, и в США, и в Китае. Помимо официального применения силы, практикуются и теневые методы наказания. В американских тюрьмах Абу-Грейб и Гуантанамо большинство заключённых находится без предъявления обвинений (попадая туда без всякого суда — и, соответственно, без срока заключения), информация о них засекречена, а пытки и издевательства там — в порядке вещей: от «стандартных» избиений и сексуального насилия до более изощрённых в виде многодневного лишения сна при помощи громкой музыки или травли собаками.

Единственное отличие средневековых пыток от современных заключается в том, что сейчас пытки и жестокие казни окружены завесой секретности, а в Средние века — проводились публично. Этому есть рациональное объяснение. Современное государство манипулирует гражданами, запугивает их — посредством СМИ. Пример такого открытого, откровенного запугивания мы наблюдали в апреле и мае 2020 года в Москве, в разгар ковидного кризиса. А во времена Аввакума не существовало ни газет, ни телевидения, и публичные казни использовались как средство манипуляции, психологического давления на подвластные толпы.

Когда старообрядцев начали сжигать на площадях — это были прежде всего пропагандистские акции, наглядные и вдобавок сравнительно дешёвые. Тем более что сжигали, для большего эффекта, обычно сразу нескольких; бывало, жгли и десятками.

Перед сожжением приверженцев старой веры всевозможными способами пытали, иногда долгими месяцами, а то и года-

ми, особенно если речь шла о священниках известных и авторитетных. Никонианской инквизиции было выгодно иметь как можно больше перебежчиков, таких как Иоанн (Григорий) Неронов, и использовать их в своих целях. В 1666–1667 годах Неронов несколько раз посещал Аввакума в разных монастырях Москвы, уговаривал уступить. Работала известная технология «злой следователь – добрый следователь». Инквизиторам нужны были не только палачи, но и предатели-переговорщики с хорошо подвешенным языком. А Неронов, как и сам Аввакум, был талантливым проповедником, златоустом.

Помимо известных пыток — подвешивания на дыбе (виске), отрезания языков и отрубания конечностей — применялись и изощрённые: например, избиение говяжьими жилами или шелепой — специальной дубинкой с плоским расширяющимся концом.

Самой распространённой пыткой считалось избиение кнутом — оно доставляло страдания, но сохраняло жизнь, и даже не сильно калечило пытаемого; по этому поводу была сложена палаческая поговорка: «Кнут не ангел, души не вынет, а правду скажет».

Однако француз Фуа де ла Нёвилль, побывавший в 1689 году в Москве и написавший через десять лет на родине книгу об этом путешествии («Любопытное и новое известие о Московии», 1698 г.), описывает наказание кнутом как страшное: «Удары начинают наносить ниже шеи, от плеча до плеча; палач бьёт с такой силой, что вырывает с каждым ударом кусок кожи толщиной с сам кнут и длиной во всю спину. Большинство после этого умирают или остаются искалеченными».

А вот рассказ каторжника, битого кнутом, в «Записках из мёртвого дома», написанных Достоевским под впечатлением от заключения в Омском остроге, — четыре года (1850–1854) он провёл на каторге, будучи сослан туда по делу петрашевцев:

«Тимошка* раздел, положил, кричит: “Поддержись, ожгу!” — ждут: что будет? Как он мне влепит раз, — хотел

---

* Палач.

было я крикнуть, раскрыл было рот, а крику-то во мне и нет. Голос, значит, остановился. Как влепит два, ну, веришь иль не веришь, я уж и не слыхал, как два просчитали. А как очнулся, слышу, считают: семнадцатый. Так меня, братцы, раза четыре потом с кобылы снимали, по получасу отдыхал: водой обливали. Гляжу на всех выпуча глаза да и думаю: "Тут же помру..."»

«Кобыла» тут — это деревянный станок или бревно, к которому привязывали наказываемого.

Казнили не только через сожжение, но и четвертованием — отрубанием головы, рук и ног, а также колесованием: ломали руки и ноги, затем привязывали спиной к тележному колесу и поднимали на столбе, и в таком виде оставляли, пока несчастный не испускал дух; тело затем не убирали, и мёртвую плоть исклёвывали птицы.

Четвертование широко применялось и в Европе, причём было более жестоким: например, в Англии в те же времена осуждённого за государственную измену сначала вешали, но в разгар агонии верёвку перерезáли, и преступнику, ещё живому, вспарывали живот, и только потом отсекали голову и разрубали тело. Посмотреть на это действо сходились огромные толпы, для зрителей строили специальные трибуны, а люди побогаче покупали себе места у окон ближестоящих домов; места на балконах стоили дороже.

Наконец, страшным наказанием считалось сидение в каменном мешке, в «каменной каюте», или «молчательной келье». Такие кельи имелись во многих монастырях; обычно туда помещали вероотступников и еретиков. Узника замуровывали, оставляя лишь отверстие для передачи пищи и воды, и он мог сидеть там десятки лет, не видя солнечного света и постепенно лишаясь рассудка. Часто кельи были такими маленькими, что узник не мог выпрямиться в полный рост ни стоя, ни лёжа, и спал в полусогнутом состоянии. Некоторым надевали на шеи «рогатки» — деревянные либо железные обручи и колодки. Имея на себе рогатку, узник мог спать только в сидячем положении.

Аввакума и его товарищей приговорили к сидению в земляной тюрьме, или «яме»: вкопанном в грунт крытом деревянном срубе.

Русский термин «сгноить», то есть насильственно подвергнуть гниению заживо, как раз и означает сидение в «яме».

Практика такой казни попала в Россию, скорее всего, из Греции, а оттуда — из Персии. В Греции эта казнь называлась «скафизм», и заключалась в том, что казнимого помещали в деревянный ящик, выставляли на жаркое солнце и поили молоком и мёдом, чтоб вызвать понос. Телесные выделения оставались внутри ящика, в них обильно заводились мухи и черви, которые постепенно поедали и плоть казнимого. В других случаях к телу преступника накрепко привязывали разлагающийся труп, и черви сначала поедали мёртвые ткани, а затем принимались за живые.

Как видим, греко-персидская технология была изощрённой и дорогостоящей. В России, разумеется, казнимых никто не поил молоком и мёдом. Если у персов узник умирал через две-три недели, то в России смерть растягивалась на годы.

«Яму» обычно выкапывали на территории тюремного острога, и круглосуточно охраняли, чтобы сочувствующие не могли передать узнику еду или одежду. Стены укрепляли брёвнами. Земляной пол в яме даже в тёплое время года был сырым, а с наступлением осени покрывался водой. Пол могли застелить досками, но не обязательно. Яма выкапывалась ниже глубины промерзания, то есть вода на полу не превращалась в лёд и зимой. Бревенчатые стены ямы и пол, если он был, покрывались плесенью, в них заводились мокрицы, а летом — в большом количестве комары и мухи. Продукты жизнедеятельности узника из ямы могли удалять, а могли и не удалять, — это как начальство скажет. Обычно узник проводил бóльшую часть года по щиколотку в воде, смешанной с собственными нечистотами. Верхнюю одежду отбирали, оставляли только рубаху; она быстро истлевала. Узнику могли дать скамью или доску, на ней он спал. Кроме того, на узника могли надеть кандалы и приковать цепью. Железные обручи кандалов постепенно сдирали кожу

до голого мяса, и любое движение причиняло сильную боль. Но в этом случае узник — если был круглосуточно прикован — быстро умирал от сепсиса, от заражения крови.

Облепленный мухами, комарами и вшами, узник быстро покрывался язвами, заболевал пневмонией, туберкулёзом, цингой, ревматизмом, терял зрение, лишался зубов, то есть — сгнивал заживо, как изнутри, так и снаружи, в прямом смысле слова. Чтобы прекратить мучения узника, его достаточно было лишить пищи — и человек умирал от голода.

2. Повторная казнь соузников Аввакума

12 декабря 1667 года Аввакума, Лазаря, Епифания и Фёдора привезли к месту отбывания наказания, в Пустозёрск.

Подробности их сидения там изложены, например, в обстоятельной монографии известного историка русского севера Н.А.Окладникова «Пустозёрские страдальцы».

Арестантов сначала расселили по обычным избам. Так они, в приличных условиях, прожили первые полтора года, до лета 1669-го, ожидая, пока им построят ямы. Причём местные мастера поголовно отказывались участвовать в возведении узилищ, справедливо полагая, что в таком случае станут пособниками мучителей. Никто не желал быть причастным к измывательствам над страстотерпцем, уже известным тогда на всю Россию. Наоборот, весь город был за Аввакума. Формально он и его друзья находились под стражей, на деле же — были окружены уважением, не испытывали, надо полагать, недостатка в пище, а главное — имели в распоряжении бумагу и писчие принадлежности. Аввакум, превосходно владевший письменной речью, стал сочинять прокламации, обращённые против никонианства. Эти прокламации он передавал сочувствующим. Там же, в Пустозёрске, их размножали, переписывая от руки, и посылали на «большую землю». Обратно поступали письма от единомышленников: Аввакум был отлично осведомлён о происходящем в стране.

Но так или иначе, ямы были построены: четыре отдельных сруба, высотой около 1,5 метров, половина — ниже уровня земли. Надземная часть снаружи также была обвалована землёй. Четыре землянки стояли рядом и были обнесены общей деревянной оградой, с охраняемыми воротами.

Деревянная крыша. Пол накрыт досками. Единственное отверстие, маленькое, но достаточное, чтобы человек пролез: дверь, она же и окно.

Внутри был сложен каменный очажок, и для обогрева узникам выдавали дрова, Аввакум сам об этом пишет. Дрова покупались «мирскими деньгами», то есть за счёт города. Дым выходил в то же единственное отверстие, и Аввакум травился дымом, падал на пол в беспамятстве.

Нужду справлял в углу. Экскременты потом брал на лопату и просовывал в то же отверстие, их забирали.

Из записей Аввакума и исторических исследований ясно, что сначала четыре узника сидели в одной землянке все вместе. Возможно, изначально была построена общая землянка, на четверых. Вчетвером сидеть всяко веселее, чем по одному. Они совместно молились, а главное — продолжали писать и передавать свои сочинения на волю.

Но так продолжалось недолго, меньше года. Соузник Аввакума Лазарь отважился отправить письмо с критикой реформ самому царю — и царь в ответ приказал учинить новую расправу.

14 апреля 1670 года состоялось беспрецедентное событие, редчайшее даже для того времени: повторная казнь. Провёл её специально приехавший в Пустозёрск стрелецкий командир, полуголова Иван Елагин.

Для начала Елагин, по пути к месту назначения, остановился в Мезени, учинил расследование — и повесил двоих последователей и связников Аввакума: юродивого Фёдора и Луку Лаврентьевича.

Далее тот же Елагин допросил с пристрастием и старших сыновей Аввакума, Ивана и Прокопия. Под угрозой казни оба старших сына отреклись от веры своего отца. Елагин пощадил

их, но приказал посадить в яму, как и их мать Анастасию Марковну. Младшие дочери Аввакума остались на свободе.

Далее Елагин отправился собственно в Пустозёрск. После трёх дней допросов и увещеваний — готовы ли креститься тремя перстами? — и решительного отказа, Лазарю, Епифанию и Фёдору Иванову вторично отре́зали языки. Кроме того, Лазарю отрубили кисть руки по запястье, Фёдору — половину ладони, Епифанию — четыре пальца.

Кому и сколько отрезать и отрубить — Елагин не сам придумал, а имел точные предписания на то от начальства; вполне возможно, что и от самого царя, то есть Тишайший нашёл время, чтобы подумать и решить: этому — руку, этому — пальцы.

По окончании казни Лазарю отдали его собственную отрубленную кисть.

Аввакума, однако, опять не тронули. Это привело его в такое бешенство, что он разделся донага и выкинул всю одежду из темницы.

Затем отменили и совместное сидение: всех четверых расселили по отдельным землянкам.

Но когда стрелецкий начальник Елагин уехал, всё вернулось на круги своя. Четверо сидельцев по ночам вылезали из своих ям, чтобы проводить время вместе.

К этому времени относится курьёзный эпизод. Аввакум пишет, что дважды отрезанный язык Лазаря чудесным образом вырос снова: «…через два года и опять другой язык вырос, чудно, с первый же величиною, лишь маленько тупенек». Но Аввакум Петрович ошибся. Современная медицина совершенно точно знает, что язык человека не может регенерировать, то есть заново отрасти. Многие органы способны восстанавливаться (например, печень), но вот язык — нет. На месте отрезанного, удалённого языка со временем образуется новая ткань — рубец. Этот вот самый рубец во рту своего товарища Аввакум и принял за «другой язык».

Как общались люди с дважды вырезанными языками — нам неведомо. Зато мы знаем, что именно по настоянию Епифа-

ния, которого протопоп называл своим духовным отцом, Аввакум через два года, в 1672-м, начал писать своё «Житие».

Сам он утверждает, что писал «лучинкой». Любой желающий может провести эксперимент и попробовать это проделать. Тонкий уголёк острого конца лучины быстро крошится, им едва можно начертать две-три буквы, затем лучину надо снова поджигать и тушить.

Лучина — щепа — обычно щепется топором из длинного ровного берёзового полена. Кто-то, значит, изготавливал такие лучины сотнями, и снабжал ими сидельцев?

Возможно, Аввакум всё же получал с воли перо и чернила, а про «лучинку» упомянул для отвода глаз, чтобы не подставлять тех, кто ему помогал.

Все сочинения, написанные Аввакумом в период пустозёрского сидения, изучены и опубликованы. «Житие» писалось три года — но, помимо «Жития», были написаны «Книга бесед», «Книга толкований», десятки прокламаций, писем, челобитных. Сохранилась даже собственноручно начертанная им карикатура. Сочинения оставили и соузники Аввакума.

Фактически речь идёт о создании нелегального «издательства», скрытно работавшего на протяжении десятилетия, а то и больше, в чудовищных условиях. Рукописи передавались на волю, далее тиражировались от руки.

Каждая рукопись обретала культовый статус. Списки с посланий Аввакума продавали нелегально, из-под полы. Более того, появились фальсификаторы, писавшие от себя, но выдававшие свои прокламации за тексты Аввакума.

Протестное движение ширилось. Не только Никон, но и сам царь оказался под огнём презрительной критики.

За годы сидения на патриаршем престоле Никон провёл масштабную чистку, сменив всё церковное руководство. Вновь назначенные епископы, в свою очередь, стали смещать неугодных им приходских священников и назначать новых. В большом количестве появились разозлённые отставленные попы, лишившиеся источников существования. Против реформы выступили и монахи сотен монастырей.

Народ отлично разглядел фальшивую суть реформы, затеянной не ради общего блага, а исключительно ради борьбы за власть.

Люди очень не любят, когда их грубо обманывают. Люди не любят пустых напыщенных речей, справедливо полагая, что сладкие словеса маскируют неблаговидные поступки.

Роскошь — удел царей земных. Если церковь — за народ, то она должна и жить, как народ, то есть — в самоограничении. А никонианское священство расхаживало в золочёных ризах, беря пример с самого патриарха. Выбирая между золотым крестом и деревянным, честный человек всегда выбирает деревянный.

3. Смерть Тишайшего

В 1669 году скончалась царица Мария Ильинична, урождённая Милославская, противница никонианской реформы, защищавшая от царского гнева и Аввакума, и боярыню Морозову, и других лидеров старой веры. Со смертью царицы произошло и ослабление партии Милославских, также противников никонианства. С этого времени репрессии против старообрядцев резко усилились. Боярыню Морозову, вместе с сестрой, пытали, затем сослали в Боровск и в тюремном остроге посадили, как и Аввакума, в яму.

Постепенно Боровск превратился в один из центров сопротивления никонианству. В город стекались тысячи паломников, желая увидеть Морозову или хотя бы прикоснуться к стенам её тюрьмы.

Царь оказался в трудном положении: теперь даже публичная казнь не принесла бы нужного эффекта. Наоборот, расправа превратила бы Морозову в мученицу. Возможно, толпа вообще не позволила бы палачам сделать своё дело. Отдать приказ тайно умертвить боярыню царь не посмел, однако содержали узницу в суровых условиях, на хлебе и воде.

А чтобы усмирить народ — на центральной площади Боровска учинили публичную казнь: 8 октября 1675 года сожгли одновременно 14 староверов. Расправа получила широкую огласку; узнал о ней и Аввакум.

Спустя три недели после того, как боровский костёр отгорел, боярыня Морозова умерла от голода.

Волна расправ покатилась по стране. В Казани было сожжено 30 старообрядцев. Но в большинстве случаев речь идёт о единичных фактах. Сам Аввакум в «Житии» пишет: «...наших в Москве жарили и пекли», и далее называет несколько имён. То есть каждая огненная казнь всё же считалась из ряда вон выходящим событием. Речь не идёт о десятках тысяч костров, как некоторые думают.

Самым известным случаем преследования старообрядцев стало «Соловецкое сидение».

Ещё в 1657 году прислали в Соловецкий монастырь из Москвы служебные книги по новому образцу — но монахи запечатали их в палате, и десять лет продолжали проводить богослужения по старым книгам. В 1667 году на Вселенском Соборе подвергли анафеме древние богослужебные чины и тех, кто их держится, и назначили нового настоятеля, который должен был провести в Соловецком монастыре реформу, — но монахи, разумеется, его изгнали. И тогда в мае 1668-го для подавления бунта и наказания соловецкой братии царь Алексей Михайлович отправил на Соловки большой отряд стрельцов.

Надо понимать, что Соловки того времени — это не просто монашеская обитель, но и важный форпост (пригодившийся, например, в Русско-шведской войне 1656–1658 годов). Поэтому монастырь был хорошо укреплён и обладал съестными припасами на случай блокады, стены его были неприступны, а монахи владели воинскими навыками. Соловецкий монастырь был военной крепостью — а в итоге стал твердыней старой веры.

При появлении стрелецкого войска монахи закрыли ворота, а посланному переговорщику ответили, что «по новым книгам петь и служить отнюдь не хотят». Осада монастыря продолжалась целых восемь лет — то «мирная» и с уговорами, то с активными боевыми действиями; монастырь обстреливали из пушек и неоднократно, но безуспешно штурмовали. За это время несколько сотен монахов умерли от голода и ранений.

Овладеть монастырём царские войска смогли лишь после того, как нашёлся предатель — чернец-перебежчик показал тайный ход и помог атакующим открыть ворота. Множество соловецких сидельцев были казнены различными способами — заморожены заживо, повешены, четвертованы, забиты до смерти; прочие были высланы в Кольский и Пустозёрский остроги.

В общей сложности число задокументированных случаев убийств и казней сторонников старой веры в России в XVII столетии — около тысячи. Для сравнения, во Франции, 24 августа 1572 года, за одну только ночь («Варфоломеевскую ночь») католики вырезали до 30 тысяч гугенотов.

За избиение соловецкой братии царь Алексей Михайлович заплатил жизнью. В те же дни, когда крупнейший в России монастырь был разгромлен, царь заболел, и через неделю — умер.

Алексей Михайлович Тишайший правил Россией более трёх десятилетий, и своё царствование ознаменовал двумя большими историческими победами — воссоединением Украины с Россией и активной экспансией в Сибирь, — а также одним большим историческим поражением: церковным расколом.

Укрепив русскую цивилизацию внешне, территориально, — внутренне, идеологически и духовно он ослабил её.

Тишайший — последний сильный, большой русский царь старого времени. На нём закончилась сусальная, лапотная, Христа ради богомольная Русь.

Главную свою мечту — восшествие на византийский престол — Алексей Михайлович так и не исполнил. (Была ли эта мечта — ещё вопрос. Но предположим, что была.)

Он царствовал, но не правил. Решению государственных вопросов уделял не более двух часов в день. В остальное время — молился, совершал паломничества, обедал и ужинал, беседовал с духовниками, читал, развлекался соколиной охотой. Оставил после себя многочисленное потомство (16 детей), в том числе — от второй жены Натальи Нарышкиной — будущего великого реформатора Петра Алексеевича.

Однако Пётр пошёл не в отца, а в мать.

Портреты Тишайшего показывают нам щекастого, круглолицего мужчину с печальным, задумчивым, неуверенным взглядом. Такому человеку не хочется подчиняться. Скорее, возникает желание сказать ему что-то хорошее, развеселить анекдотом или дать совет.

Его сын Пётр родился в 1672 году; в тот же год протопоп Аввакум, сидя в пустозёрской яме, в утлом лучинном свете приступил к написанию «Жития».

Своей книгой Аввакум увековечил всё царствование Тишайшего, а если взглянуть шире — и конец допетровской Руси, её последние времена, ознаменованные чумой, кострами никонианской инквизиции, соляными бунтами, солнечным затмением и концом света — всеми ожидаемым, но не состоявшимся.

Тут становится ясно, что именно раскол предвосхитил появление Петра. Раскол — создал Петра. Церковь распалась, вера зашаталась, не на что было опереться. Треснул самый фундамент. Петру пришлось с нуля закладывать новый.

Одновременно правление Алексея Тишайшего — время торжества «западников»: католиков, латинян, униатов, агентов влияния западноевропейской цивилизации. Воздействие осуществлялось как напрямую, так и опосредованно, через учёных греков, сильно зависимых от католической Европы.

Слабый отряд не может выжить сам по себе — и, чтобы победить, заключает союз с сильным отрядом. Так и греческая церковь, слабая, если не ничтожная, в политическом и финансовом отношении, активно маневрировала, ища союза то на западе, то на востоке, пытаясь выжить путём многочисленных компромиссов.

Табак, опиум и карточные игры были завезены в Россию ещё до рождения Петра, учёными греками-экспатами.

С Запада в Россию поступали тогда и поступают сейчас промышленные технологии; в этом Запад силён. Но технологии продаются не просто за золото — в нагрузку к ним обязательно следуют идеологии.

4. Подробности сидения

Обладатели тюремного опыта знают, что надзиратели — тоже люди, у них всегда есть симпатии и антипатии. К маньяку, террористу, насильнику, к губителю детей — не будет никакого снисхождения. К политическим же арестантам, наоборот, отношение — мягкое.

Ещё мягче оно становится, если арестанты готовы платить за облегчение своей участи. Получаемые от арестантов либо от их родственников и друзей «с воли» подношения — важный источник дохода надзирателя. Он полагает такую ситуацию справедливой: ведь он работает в клоаке.

Тюремный надзиратель — тоже воин: он вооружён, он на службе, подчиняется приказам, у него есть форма. Но добыть честь и славу на такой работе — невозможно.

Однако общество без тюремных надзирателей существовать не может: кто-то должен охранять хороших людей от злодеев.

Тюрьма деформирует и арестанта, и надзирателя — в одинаковой степени. В тюрьме они сидят оба. И тот, и другой пропитываются миазмами гниения.

Можно не сомневаться, что пустозёрские узники пользовались благожелательным отношением охраны, подогреваемым взятками с воли и собственной личной симпатией.

Почти 13 лет Аввакум и его товарищи пробыли за полярным кругом в ямах ниже уровня земли. Тундряной холод — особенный, он поднимается снизу, как будто из царства мёрт-

вых. В тундре пахнет земляной стужей, вечной мерзлотой. Погружённый в эту аидову юдоль, человек способен прожить считаные недели. Аввакум же просуществовал 13 лет, написав сотни страниц. Такое возможно только при лояльном, сочувственном отношении надзирателей.

Это тот случай, когда коррупция послужила на благо нашей общей истории.

Но не будем судить людей, которых мы не знаем, и которые жили три с половиной столетия назад. Может быть, они помогали Аввакуму чистосердечно.

Когда боярыня Феодосия Морозова прибыла в боровскую тюрьму, первые месяцы охрана тоже позволяла передавать ей еду и одежду; но потом это стало известно в Москве, охрану сменили, прежних надзирателей сурово наказали, новые были неподкупны — и Морозова с того времени прожила едва полтора года.

Аввакум же продержался в Заполярье — 13 лет. Конечно, ему помогали.

Никто их нас не способен выжить сам по себе; мы можем уцелеть только с помощью тех, кто нас любит. Не в одиночку, но вместе.

…Уже давно умерла царица Мария Ильинична, заступница старообрядцев, уже царь женился вторично, на Нарышкиной, и теперь род Нарышкиных процвёл, а род Милославских утратил политический вес; но то было — в Москве, а в Пустозёрске четвёрку сидельцев, и прежде всего самого Аввакума, берегли все. Никто не желал записываться в губители гения.

Сохранились свидетельства и отдельные имена доброжелателей Аввакума. Н.Окладников сообщает, что по ночам охрана выводила сидельцев даже за территорию острога, и они встречались и отогревались в доме жителя Пустозёрска по имени Алексей. А другой доброволец, некий Поликарп, специально курсировал между Пустозёрском и «большой землёй», доставляя Аввакуму еду, одежду и письма. В монографии Окладникова есть отдельная глава: «О тех, кто помогал пустозёрским узникам».

Так была устроена русская система наказания в XVII веке, так она устроена и сейчас: всегда можно облегчить свою участь — где хитростью, где рублём, а иногда и силой авторитета.

Известен случай, описанный Лимоновым в одной из книг, и подтверждённый им в разговоре со мной летом 2006 года: пребывая в Лефортовском следственном изоляторе, Лимонов добился приёма у начальника изолятора, полковника Подреза (помню фамилию, поскольку и сам я сидел в Лефортово при том же полковнике), и попросил, чтобы его, Лимонова, днём выводили из камеры, где он сидел вдвоём с соседом, и помещали в соседнюю камеру, пустую, чтобы там, в тишине, Лимонов мог спокойно работать. И начальник изолятора Подрез, как ни странно, согласился.

В итоге Лимонов написал в Лефортово несколько отличных книг; их тут же опубликовали издатели Илья Кормильцев, ныне покойный, а также Константин и Ольга Тублины, ныне здравствующие.

История повторяется, да.

5. Ветер перемен. Воцарение Фёдора

Философ Иван Ильин утверждал, что монархия — честнее демократии, поскольку лидер, избранный демократическим путём, всегда озабочен выполнением своих предвыборных обещаний и раздачей новых обещаний, чтобы переизбраться на новый срок, то есть — сохранить власть. А монарх, получивший власть по праву рождения, не озабочен проблемами удержания власти — и, следовательно, может целиком сосредоточиться на деятельности во благо своей страны. Тут Ильин, конечно, ошибся. Монарх действует не в одиночку, он окружён придворными — а вот они как раз и озабочены изнурительной битвой за власть, за доступ к трону.

Кроме того, огромную проблему для монархии представляет вопрос престолонаследия, и в случае с царём Алексеем Михайловичем это сыграло важную роль в истории России.

Первая жена царя, Мария Милославская, родила за 21 год 13 детей, из них — пятерых мальчиков. Все пятеро оказались чрезвычайно слабосильными. Первенец, Дмитрий, прожил год, второй — Алексей — пятнадцать лет. Третий — Фёдор — успел даже поцарствовать шесть лет, но в 20-летнем возрасте также умер; четвёртый, Симеон, умер четырёхлетним; наконец, последний, Иван, прожил дольше всех, 29 лет, и был формально

соправителем Петра I, но на деле — полупарализованным, слабовидящим инвалидом.

Из восьми дочерей царя Алексея и царицы Марии две — Анна и Евдокия (младшая) — также умерли детьми, другие же дотянули до старости. То есть по женской линии потомство Алексея и Марии было гораздо крепче и здоровее, чем по мужской. Но царю дочери были не нужны: царям требуются сильные и умные сыновья.

Наиболее известная из дочерей Алексея Тишайшего — царевна Софья; она даже правила страной целых 8 лет, пока её братья были малолетними, и конфликтовала с молодым Петром Алексеевичем.

Вся страна знала, что царица не может родить царю здорового наследника, — и это, конечно, воспринималось как ещё одно доказательство близкого конца света. В те времена, как и сейчас, люди хотели уверенно смотреть в будущее — а какое тут будущее, если у царя нет сильного, крепкого сына?..

Изнурённая непрерывными родами и попытками подарить мужу здоровых сыновей, царица Мария Ильинична умерла в марте 1669 года, в возрасте 44 лет, родив последнего ребёнка, дочь Евдокию (младшую), которая прожила всего два дня. Такая вот тяжёлая судьба выпала на долю царицы Марии: сама женщина сильная, она смогла дать жизнь шестерым сильным дочерям — и ни единому сыну.

Далее — в точности как у Пушкина: «Год прошёл, как сон пустой, царь женился на другой». В 1671 году друг царя боярин Артамон Матвеев устроил брак Алексея Михайловича со своей родственницей, 19-летней Натальей Нарышкиной. В придворном кругу произошла ротация: Нарышкины и Матвеевы «отодвинули» Милославских.

Молодая царица рожала три года подряд: сначала Петра, потом Наталью, потом Феодору.

Через пять лет после второй женитьбы царь Алексей Михайлович умер.

Наследником престола был заблаговременно объявлен пятнадцатилетний Фёдор Алексеевич, третий сын от первой

жены; его венчали на царство 28 июня 1676 года. Он был болен цингой, почти не мог ходить, с места на место его переносили на руках.

По матери он был Милославский — и при дворе снова произошла рокировка: Милославские отобрали у Нарышкиных и Матвеевых главенствующие позиции обратно.

Артамон Матвеев и вовсе был сослан, вместе с семьёй, — тоже в Пустозёрск, где пробыл четыре года. Но, разумеется, не сидел в яме, как Авввакум, а жил с полным комфортом.

Безусловно, Матвеев и Аввакум встречались в Пустозёрске. Энергичный Матвеев вынашивал планы политического реванша — и мог пытаться превратить Аввакума в своего друга. Но пока что в Москве Матвеевых оттёрли от больших дел.

То было время, когда, при определённых условиях, никонианскую реформу могли остановить. Пятнадцатилетний царь Фёдор, хоть и учил грамоту под руководством западника и сторонника реформ Симеона Полоцкого, но находился под влиянием своей родной тётки, царевны Ирины Михайловны, а она стояла за старую веру.

Пост начальника приказа Большой казны, то есть управителя всеми финансами России, занял боярин Иван Михайлович Милославский, а другой приказ — Челобитный — возглавил убеждённый старовер Фёдор Соковнин.

Аввакум почувствовал ветер перемен — и отправил письмо новому царю Фёдору Алексеевичу, попросил помиловать его и отпустить на волю.

Поколебавшись, царь Фёдор приказал перевести пустозёрских сидельцев в монастыри Архангельска и Вологды, но вскоре передумал — и отменил своё решение.

Как обычно, при слабосильном и малолетнем царе борьба придворных партий резко обострилась. Фактически страной управляла царевна Ирина, но реформаторы тоже были сильны: за них играл и учитель царя Симеон Полоцкий, и патриарх Иоаким, и представители многих знатных боярских родов, недовольные очередным возвышением Милославских. Вопросы веры в этих политических интригах играли второстепенную

роль: если ты мой враг и ты — за старую веру, то я, значит, буду за новую.

В результате Милославские упустили свой исторический шанс: в 1679 году царевна Ирина умерла, царь Фёдор приблизил к себе Симеона Полоцкого, а через год женился на Агафье Грушецкой, девушке польского происхождения. Царица Агафья осталась в истории как сторонница польской моды, склонявшая придворных к тому, чтобы стричь усы и бороды. Сама она носила «польскую шапочку» — женский головной убор, частично открывающий волосы. Другого вклада в культуру Агафья не сделала, просто не успела: через год после свадьбы родила первенца, Илью Фёдоровича, и умерла от родильной горячки, а вскоре умер и младенец.

Так или иначе, на рубеже 1670–1680-х годов, благодаря усилиям Симеона Полоцкого и влиянию на царя его польской жены, возобновилась вестернизация русского общества, а надежды на возвращение старой веры рухнули.

6. Первый тюремный писатель

В том же 1679 году произошло невероятное событие: за десять лет землянка Аввакума полностью обветшала и почти разрушилась.

Сгнить должен был узник — но сгнила его тюрьма; а узник продолжал жить и действовать. В философском и метафизическом смысле это, конечно, оглушительный факт. Тюремный сиделец пережил собственную тюрьму!

Темница сгнила не только и не столько из-за вечной мерзлоты — она сгнила, потому что узник презрел её, преодолел её. Темница сгнила, потому что в ней больше не было никакого смысла: даже запертый — узник остался свободным.

Человек глубоко верующий, прошедший через десятки лет опыта молитвенного труда, — защищён своей верой. Такую же защиту имеет человек действующий, всецело поглощённый работой, направленной на достижение конкретных целей. Аввакум был — и верующий, и действующий.

Тюрьма его не сломала, а сломалась сама. Сидение в яме не ослабило Аввакума, а укрепило.

Писателя или поэта бессмысленно сажать в тюрьму. Ограничить его творческую свободу невозможно в принципе. Писателя можно только убить. Писатель одинаково опасен и на воле, и в тюрьме.

В некоторых случаях тюрьма, наоборот, оказывается даже более комфортным для писателя местом. Лимонов — парадоксов друг — называл годы своего тюремного сидения «лучшим временем в жизни».

Даже отобрав у писателя бумагу и чернила, его нельзя остановить — он будет сочинять в уме и запоминать, либо царапать на стенах своей камеры. Так действовал Даниил Андреев, придумавший бóльшую часть «Розы мира» в период тюремного заточения во Владимирском централе и затвердивший куски текста наизусть, а потом, после освобождения, сумевший их воспроизвести по памяти.

По словам Солженицына, он в годы сидения в лагере заучивал наизусть огромные фрагменты своих текстов; а когда освободился, почти всё вспомнил и восстановил на бумаге.

Творческая свобода для писателя важнее физической. По существу, он вовсе лишён физической свободы, даже если пребывает на воле: книга подчиняет его целиком.

В случае с другими артистами и людьми творчества всё не так однозначно. Архитектор, скульптор, музыкант, кинорежиссёр не могут творить в тюремной камере. Писатель или поэт — могут.

Писатель тюремной традиции — тот, кто познал весь круг унизительных мытарств: следствие, суд, приговор, этапирование к месту заключения — в тюрьму, в лагерь, в ссылку.

Писатель тюремной традиции пишет в тюрьме, но не обязательно — про тюрьму; и не обязательно он пишет художественные произведения — это могут быть и статьи, и работы философские, социологические, публицистические. В этом смысле тюремными писателями были и Ленин, и Сталин.

Русская тюремная литературная традиция наиболее мощная — но не уникальная. В тюрьме придумывали или писали свои книги Оскар Уайльд, де Сад, Луи Фердинанд Селин, Жан Жене. В тюрьме написаны тетради Антонио Грамши. В тюрьме немецкий политик и философ Август Бебель написал уже упомянутую нами культовую книгу «Женщина и социализм», имевшую громадное влияние на умы молодёжи в начале XX века.

После Аввакума — Сухово-Кобылин, затем Достоевский и Чернышевский. В следующем, XX веке, число резко увеличивается: Солженицын, Шаламов, Даниил Андреев, Лев Гумилёв, Евгения Гинзбург, Бродский, Алешковский, в XXI веке — Лимонов. Не так много — но и не мало, и имена — сплошь блестящие, отборные.

Оба брата Катаевы — старший, Валентин, будущий автор «Сына полка», и младший, Евгений, впоследствии под псевдонимом Петров вместе с Ильфом создавший «12 стульев», — в начале двадцатых отсидели полгода в подвале одесского ЧК по обвинению в заговоре, и чудом избежали расстрела. Эти события старший брат потом частично изложит в повести «Уже написан Вертер».

Александр Грин, автор повести «Алые паруса», состоял в партии эсеров, сидел в тюрьме строгого режима, в том числе в одиночной камере, совершил две попытки побега, был приговорён к ссылке в Тобольскую губернию, но бежал и оттуда.

Классик советской литературы Юрий Домбровский был четырежды судим, приговорён к ссылкам и различным срокам сталинской каторги.

Ещё имена: писатель Борис Ширяев, писатель Анатолий Рыбаков, поэт Ярослав Смеляков.

Поэт-песенник Михаил Танич отсидел при Сталине 6 лет за антисоветскую агитацию, а в девяностых, на склоне лет, организовал группу «Лесоповал», исполнявшую песни в стиле тюремно-лагерного шансона.

Довлатов ухитрился побывать с обеих сторон решётки: служил срочную службу надзирателем и зафиксировал этот опыт в повести «Зона», затем, много позже, провёл месяц в Каляевской тюрьме в Петербурге.

Поэт Юрий Галансков, известный больше не своими стихами, а диссидентской деятельностью, получил 7 лет строгого режима и умер в тюремной больнице.

Известный поэт Игорь Губерман отсидел срок и написал книгу «Прогулки вокруг барака».

Особняком стоят судьбы литераторов, попавших под каток советской карательной психиатрии. Их — многие десятки, наиболее известные имена — поэты Леонид Губанов и Александр Есенин-Вольпин (сын Сергея Есенина). Некоторые литераторы, например, Михаил Нарица или Виктор Рафальский, оставили свидетельства о пребывании в психиатрических больницах.

Из каждого правила есть исключения. В нашем случае — это Антон Павлович Чехов, описавший сахалинскую каторгу конца XIX века.

Всякому любителю истории сталинских лагерей будет полезно изучить документальную повесть Чехова, чтобы сравнить: что́ за люди сидели и в каких условиях. Чехов создал уникальный труд; теперь благодарные островитяне учредили в Южно-Сахалинске единственный в своём роде музей конкретной книги.

Вот показательная цитата из повести Чехова «Остров Сахалин»:

«Один корреспондент пишет, что вначале он трусил чуть не каждого куста, а при встречах на дороге и тропинках с арестантом ощупывал под пальто револьвер, потом успокоился, придя к заключению, что "каторга в общем — стадо баранов, трусливых, ленивых, полуголодных и заискивающих". Чтобы думать, что русские арестанты не убивают и не грабят встречного только из трусости и лени, надо быть очень плохого мнения о человеке вообще или не знать человека».

«Остров Сахалин» — вне сомнения, классика русской тюремной литературной традиции, притом что сам Чехов осуждён не был и опыта заключения не имел. В этом смысле Чехов — фигура, до сих пор до конца не разгаданная, то есть тоже — безусловно принадлежащая тайному миру.

Фундамент же русской тюремной литературы заложили — Аввакум и Достоевский. На этом фундаменте в XX веке, уже в русле сложившейся традиции, возник огромный корпус сильных текстов. Он был скреплён кровью: десятки писателей и поэтов — Николай Гумилёв, Осип Мандельштам, Исаак Ба-

бель, Борис Пильняк и многие другие — были расстреляны либо сгинули в лагерях. Репрессиям подверглись тысячи литераторов, литературоведов, философов, публицистов. Многие — выжили, выдержали давление и оставили полноценные литературные свидетельства.

Сталин умер в 1953 году. XX съезд, осудивший культ личности, был проведён в 1956 году. А первое литературное свидетельство о лагерной системе было опубликовано в СССР лишь в ноябре 1962 года, то есть — через девять с половиной лет после смерти Сталина. Целых девять лет советское руководство собиралось с духом, чтобы открыть правду.

Первой ласточкой широкой публичной десталинизации был не Солженицын, а поэт Евтушенко. Его стихотворение «Наследники Сталина» было напечатано в «Правде» в октябре 1962 года, за месяц до публикации рассказа «Один день Ивана Денисовича».

И стихотворение, и повесть были опубликованы с личного разрешения Хрущёва, искавшего себе славы борца с культом личности.

Однако на этой трудной ниве есть ещё один первопроходец, и это не Евтушенко и не Солженицын, а Виктор Некрасов. Его повесть «Кира Георгиевна» вышла в «Новом мире» Твардовского в 1961 году, в июньском номере. В отличие от молодого наглеца Евтушенко и дебютанта в литературе, рязанского учителя Солженицына, Некрасов в то время уже был известным писателем — автором романа «В окопах Сталинграда» и лауреатом Сталинской премии. В повести «Кира Георгиевна» Некрасов коротко, но прямо описал арест в 1937 году первого мужа своей героини, и его возвращение спустя 20 лет. Упоминаются слова и выражения «север», «Магадан», «Колыма», «зека», «барак», «гражданин начальник», «просидел полжизни», «зазря посадили». Сюжет: вернувшийся некстати бывший муж совершенно не нужен своей жене (Кире Георгиевне), никак не вписывается в её новую благополучную жизнь; он сам это понимает — и уезжает. Он встречается с друзьями по лагерю — они

не в обиде на советскую власть, они считают, что отсидели справедливо, «за дело». Они ни в коем случае не враги социализма. Отсидели, вышли, теперь хотят жить заново. Умная, лаконичная психологическая повесть, первый советский литературный портрет отсидевшего лагерника, первый подход, пока осторожный, к огромной проблематике. «Кира Георгиевна» не стала сенсацией, но, с подачи Твардовского, заявила тему. Дорога была проторена, дверь — открыта; вышедший следом «Один день Ивана Денисовича» пошёл по тропе, уже пробитой.

Рассказ Солженицына ознаменовал бурный ренессанс тюремной прозы, сложенной по лекалам Аввакума: более или менее рядовой гражданин оказывается под ударом государственно-административной системы и испытывает на своей шкуре всю её циничную безжалостность.

И вроде бы эта традиция — описания мучений, страданий, мытарств, смертей, всевозможных несправедливостей — должна была восторжествовать. У Твардовского в «Новом мире» лежала уже и подборка «Колымских рассказов» Шаламова. Но тут заиграли политические резоны. В октябре 1962 года разразился Карибский кризис, поставивший СССР и США на грань ядерной войны. Атомного пожара удалось избежать с большим трудом. Коллеги по Политбюро поспешили сместить Хрущёва. С его уходом десталинизация была свёрнута, публикация сенсационных тюремно-лагерных свидетельств — прекращена. Солженицына напечатали, но Шаламова — не успели.

«Оттепель» закончилась, примерно с 1965 года гайки стали вновь завинчивать, и русская тюремная литература на время пришла в упадок.

А вот «поводы» для тюремной литературы — никуда не делись. В феврале 1964 года арестовали поэта Иосифа Бродского; он был сослан в Архангельскую область.

В ссылке Бродский пробыл полтора года, будучи молодым и полным сил человеком 25 лет. (Между прочим, Бродский, как и Лимонов, говорил, что ссылка была одним из лучших периодов его жизни.) Из ссылки он вернулся в ореоле мученика, го-

нимого властями; потом он напишет знаменитое «Я входил вместо дикого зверя в клетку, выжигал свой срок и кликуху гвоздём в бараке».

Отбыв в эмиграцию, поэт сохранил ореол пострадавшего, но при этом, парадоксально, антисоветчиком не сделался, и публично не произнёс ни единого плохого слова про Советский Союз. Известен его афоризм: «Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы».

Зато Солженицын стал профессиональной жертвой и самым известным антисоветчиком. Ему удалось выгодно продвинуть статус «русского тюремного писателя» на западный рынок, превратить в бренд, в ходовой товар, и на этом всемирно прославиться.

Впрочем, западная общественность узнала о существовании сталинских лагерей вовсе не от Солженицына, а гораздо раньше.

Ещё в середине тридцатых в Англии и США вышли книги советского учёного-ихтиолога Владимира Чернавина, специалиста по вылову рыбы в северных водах. В 1930 году Чернавин был арестован, сидел на Соловках, затем в Кандалакше, — и оттуда сумел сбежать в Финляндию, причём вместе с семьёй; перебрался в Англию, работал в Британском музее, и опубликовал несколько книг воспоминаний, гневно разоблачающих большевистскую систему. Книги Чернавина имели ходкие названия — например, «Я говорю от лица всех молчащих советских заключённых».

И сам Солженицын в книге «Бодался телёнок с дубом» («Четвёртое дополнение» от 1974 года) прямо признаётся: «Сейчас тут, на Западе, узнаю́: с двадцатых годов до 40 книг об Архипелаге, начиная с Соловков, были напечатаны здесь, переведены, оглашены — и потеряны, канули в беззвучие, никого не убедя, даже не разбудя. По человеческому свойству сытости и самодовольства: всё было сказано — и всё прошло мимо ушей».

Из этого мы можем сделать вывод, что лагерные разоблачения самого Солженицына прогремели не потому, что были

исключительными по материалу и качеству изложения, — а потому, что появились в нужный момент, оказались востребованы политической конъюнктурой.

Одновременно и сам писатель принял отважное решение сменить касту: из племени художников, отверженных, — попытался перейти в племя жрецов, проповедников, учёных, знаменитых, привечаемых, высокооплачиваемых. За свой переход он дорого заплатил: отдал свой дар, разменял на славу «пророка в своём отечестве» — а таких, мы знаем, не бывает.

Советская тюремно-лагерная литература началась «Иваном Денисовичем» — но им же и закончилась. Далее на протяжении 24 лет, с 1962 года до 1986-го, тюремно-лагерная тема пребывала под спудом; тюрьмы, лагеря, зоны упоминались сквозь зубы, редко. Скажем, в романе Василия Ардаматского «Суд», вышедшем в 1980 году, есть две страницы, посвящённые тюрьме и её нравам.

Замалчивание тюремно-лагерной темы сопровождалось серьёзными достижениями в деле установления тотальной социалистической законности. История человечества не знает более декриминализированного и безопасного общества, нежели СССР семидесятых годов. Организованный преступный мир, разумеется, уцелел (он непобедим), но сильно сдал позиции. Официально преступность в СССР считалась полностью изжитой, ликвидированной. А нет преступности — нет, значит, и тюрем, и выпускать книги о тюрьмах незачем.

Михаил Горбачёв начал свою реформаторскую деятельность с лозунгов «ускорения» и «гласности». Цензура резко смягчилась. С 1987 года на советских читателей обрушился целый вал литературы, ранее запрещённой, — в том числе и тюремной.

С того времени и до настоящего момента нам доступна любая информация о любом периоде истории русской тюремной, каторжной, лагерной системы.

Два главных тюремных классика русской литературы XX века — Солженицын и Шаламов — придерживались диаметрально противоположных взглядов на тюремно-лагерный

опыт. Солженицын полагал, что тюрьма закаляет, укрепляет дух, что опыт сидения в узилище делает человека сильнее. Шаламов же, наоборот, считал такой опыт разрушительным, растлевающим. Известны многие язвительные высказывания Шаламова в адрес Солженицына: сидел мало, сидел в щадящих условиях, поспешил обменять тюремный опыт на славу и деньги. Чью сторону занять в этом споре — каждый решит сам.

Протопопа Аввакума тюрьма не растлила. И хотя в «Житии» и в письмах он подробно описывает тяжелейшие условия, в которых пришлось ему провести долгие годы, — всё же его книги направлены не против тюрьмы, в них нет пафоса, обличающего карательную «систему». Задача Аввакума была шире и больше, чем просто социальная критика: он пытался спасти церковь, остановить раскол, предотвратить разрушение дома божьего. И то, что его воззвания доносились не из тёплой горницы, а из смрадной ледяной норы, придавало словам протопопа огромный вес.

Слово, доносящееся из-под земли, мы слышим лучше, чем крик площадного глашатая. Так уж мы устроены: нам важно слышать и звон пропаганды, и стон из-под глыб.

7. Конец Никона

Поссорившись с царём Алексеем, патриарх Никон в 1658 году уехал из Москвы в недавно построенный под Москвой (по его же, Никона, инициативе) Ново-Иерусалимский монастырь. Долго, целых семь лет, сидел он там, ожидая, что царь простит его и снова призовёт к себе, — но не дождался.

После того, как на Вселенском Соборе его низложили и извергли из священства, Никон стал простым монахом. Ему приказали покинуть Ново-Иерусалимский монастырь и отправили в ссылку — в Вологду, в Ферапонтов Белозёрский монастырь. Подробности его 10-летнего пребывания там описаны в монографии И.Бриллиантова «Ферпапонтов Белозёрский монастырь» (1899).

«В 1673 году, — сообщает Бриллиантов, — наличность монастырской казны доходила до 4 рублей 9 алтын и 2 денег и даже до одного рубля 19 алтын. Такая скудость казны объясняется неисправностью как обедневших крестьян-плательщиков, по целым годам не вносивших оброков, так и других должников, не плативших долгов по своим кабалам (долговым распискам). В иные месяцы расход превышал приход, и монастырский казначей вынужден был занимать деньги на текущие расходы у патриарха Никона. (...) В 1666 году, по приезде в Ферапонтов патриарха Никона, братия в челобитной государю так жаловалась на бедность монастыря: "монастырь у нас бедный и скудный и погорел без остатку и келейным покоем и стесненье великое

и хлебу недорода — вызяб весь, а крестьян твоего жалованья за монастырём 321 двор, и то в разных городах". В письмах Никона государю постоянно встречаются указания на скудость обители: "Жизнь в Ферапонтовом монастыре скудная, — пишет Никон, — вотчинка за ним небольшая и крестьянишки обнищали до конца". Самое пребывание в Ферапонтове опального патриарха, который содержался, правда, при пособии окрестных монастырей, невольно вовлекало монастырь в лишние расходы, служившие большим бременем для оскудевшей обители».

В 1676 году, после смерти царя Алексея, Никон добился перевода в Кирилло-Белозёрский монастырь.

Какие же средства требовались для содержания сосланного Никона, если их приходилось собирать по всем вологодским монастырям?

Вот цитата из другого документа, приводится по тексту книги К.Кожурина:

«...велено давать ему, Никону, из белозёрских монастырей запасов в год: 15 вёдр вина церковного, 10 вёдр романеи, 10 ренского, 10 пуд патоки на мёд, 30 пуд мёду-сырцу, 20 вёдр малины на мед, 10 вёдр вишен на мёд, 30 вёдр уксусу, 50 осетров, 20 белуг, 400 теш межукосных, 70 стерлядей свежих, 150 щук, 200 язей, 50 лещей, 1000 окуней, 1000 карасей, 30 пуд икры, 300 пучков вязиги, 20000 кочней капусты, 20 вёдр огурцов, 5 вёдр рыжиков, 50 вёдр масла конопляного, 5 вёдр масла орехового, 50 пуд масла коровья, 50 вёдр сметаны, 10000 яиц, 30 пуд сыров, 300 лимонов, полпуда сахару головного, пуд пшена сорочинского, 10 фунтов перцу, 10 фунтов инбирю, 5 четвертей луку, 10 четвертей чесноку, 10 четвертей грибов, 10 ч. репы, 5 ч. свёклы, 500 редек, 3 ч. хрену, 100 пуд соли, 60 четвертей муки ржаной, 20 ч. пшеничной, 50 ч. овса, 30 ч. муки овсяной, 30 ч. ячменю, 50 ч. солоду ржаного, 30 ячного, 10 овсяного, 15 ч. круп гречневых, 50 ч. овсяных, 3 ч. проса, 12 ч. гороху».

Этот перечень производит не менее сильное впечатление, чем описания лишений, которым подвергался Аввакум.

30 пудов одной только икры в год: 480 кг. Больше килограмма икры в день пожирал этот человек! — вряд ли в одиночку,

иначе умер бы от непосильных трудов. Вероятно, со стола Никона кормилась вся монастырская братия.

25 вёдер вина. «Казённое ведро» — официальная мера жидкостей в те времена, одна сороковая от бочки, 12,3 литра. 307 литров вина в год.

50 вёдер сметаны — более 600 литров в год.

Если староверов в России морили голодом, то Никона явно пытались уморить обжорством. Жестоко, бесчеловечно пытали его икрой, сметаной, осетриной. Но Никон держался стойко, проявляя терпение, упорство и выдержку.

Обратим внимание: в списке совсем нет мяса, зато рыба перечислена самая разнообразная. Человека пытали стерлядью и карасями. О, жуткое, беспросветное русское Средневековье, время немыслимых страданий!

Кто же из этих двоих достоин звания духовного лидера? Аввакум или Никон? Один ел мертвечину в Забайкалье и заживо гнил в Заполярье. Другой заедал икру сметаной. Будем выбирать.

...Юный царь Фёдор к Никону благоволил, и однажды по совету Симеона Полоцкого решил его реабилитировать. В 1681 году Никону разрешили вернуться из ссылки к себе в Новый Иерусалим.

Но туда Никон не доехал — умер по пути, в почтенном возрасте 76 лет.

Аввакум его пережил.

Пытка икрой и вином оказалась эффективней пытки голодом.

Они были идеологическими противниками — но не нужно считать их прямыми антагонистами, двойниками, доппельгангерами. Никон был много старше Аввакума, и достиг заоблачных высот власти. Аввакум в церковной иерархии стоял на три или четыре ступени ниже Никона: Никон был маршалом, Аввакум — капитаном. Они встречались считаные разы. Для Никона протопоп Аввакум был одним из сотен надоедливых провинциальных смутьянов, которых следовало безжалостно устранять со своего пути. В жизни Никона бешеный протопоп

занимал мало места. Не нужно думать, что Никон с утра до ночи размышлял, как бы ему угомонить вредного пустозёрского узника.

Никон жил в мечтах о сане великого византийского патриарха, главы всех православных церквей. Никон алчно предощущал мировое господство, безмерную власть и столь же безмерную роскошь, и богатство его трапезы прямо свидетельствует об этом. Он собирался стать живым богом на земле, и от этого желания не отступился: даже будучи сосланным, пытался сохранить образ жизни живого бога. Что ему был Аввакум, погружённый в гнилую землянку на краю света?

Никона сослали, но его реформа продолжалась, дело его жизни ширилось, и он, накачивая себя в Белозёрских обителях вином и закусывая мёдом, щукой и лимонами, понимал, что сумел повернуть ход истории. Отсталая, по его мнению, русская церковь резко сблизилась с греческой и униатской церквями, и за их счёт усилилась политически и обогатилась интеллектуально, стала более современной, крепче встроилась в государственную систему, вывела Россию с просёлка на торную дорогу мирового исторического процесса. Так считали реформаторы церкви.

Но Никон хотел не просто запустить процесс модернизации — он хотел его возглавить, и непременно получить все положенные преференции, прежде всего — славу, величие.

Даже изгнанный, он хотел оставаться огромным, великим, сияющим, не русским — но византийцем.

А Аввакум византийцем быть не желал, оставался русским до мозга костей, голодным, сирым, но живым и действующим, упорным тружеником, царапающим буковки на клочках бумаги.

И в итоге тот, подземный, гниющий обитатель ледяной землянки — победил, а сияющий роскошный «живой бог» — проиграл.

К концу столетия «византийский проект» был закрыт. Новый государь Пётр Алексеевич попробовал воевать с Турцией, но затем решил прорубать окно в Европу через Балтику.

Золотой престол базилевсов Петра не интересовал. Ему нужны были ценности нового времени: инженерные технологии, корабли, торговля.

Наконец, Петру нужна была абсолютная единоличная самодержавная власть. Статус духовного лидера Пётр просто отменил, сан патриарха — вообще ликвидировал. В России утвердился просвещённый абсолютизм, не сдерживаемый соображениями веры и религии.

Два видных участника той старой истории — бояре Артамон Матвеев и Иван Милославский, враги меж собой, — оба закончили свои дни трагически и фантастически.

Матвеев, дальний родственник матери Петра, просидел в Пустозёрске, по соседству с Авваумом, до 1680 года. Когда в 1682 году слабосильный царь Фёдор умер, не оставив наследника, возник конфликт, кто из его малолетних братьев будет далее править: Иван Алексеевич, рождённый от первой жены Милославской, или Пётр Алексеевич, рождённый от второй жены Нарышкиной. Матвеев приехал в Москву, пытался утихомирить бунт стрельцов, стоявших за Милославских, и был изрублен стрельцами на Красном крыльце Грановитой палаты в Кремле, на глазах у всей царской семьи, в том числе и девятилетнего Петра.

С того дня Пётр Алексеевич сохранил ненависть и к стрелецкому войску, подстрекаемому Милославскими, и ко всему прежнему укладу старой России, и впоследствии — строго по Фрейду, сражаясь с детскими страхами, — уничтожил и стрельцов, и весь прежний уклад жизни.

Царский казначей Иван Милославский пережил своего недруга Матвеева и умер своей смертью в 1685 году, и был упокоен с миром. Но спустя десять с лишним лет, в 1697 году, когда Пётр уже стал мужчиной и лидером страны, вскрылся заговор стрелецкого полковника Циклера, умышлявшего убить царя. На допросах подозреваемые назвали зачинщиком заговора боярина Ивана Милославского, к тому времени — уже давно похороненного. И тогда государь Пётр Алексеевич высочайше повелел извлечь труп боярина Милославского из земли. Сгнив-

шие останки положили на сани, запряжённые свиньями, и провезли через всю Москву. В селе Преображенском поставили деревянный эшафот, труп Милославского поместили под настилом. Сверху — рубили головы осуждённым заговорщикам, а кровь — стекала вниз, на разложившиеся останки их предводителя. Далее тела казнённых, включая и гроб с телом Милославского, перевезли в столицу и выставили на всеобщее обозрение.

Протопоп Аввакум этих событий не застал. Он пережил и царя Алексея, и Никона, но покинул сей мир раньше, чем начались решительные петровские преобразования.

Аввакум ушёл в один год с последним старым царём, слабосильным Фёдором Алексеевичем, в год воцарения юного Петра.

1682-й — год конца старой страны, к тому времени уже устоявшейся, насчитывавшей восемь столетий записанной истории, знавшей и многие века язычества, и крещение при Владимире Святославиче, и встроение в мировую политику при Владимире Мономахе, и разворот на Восток при Александре Невском, и избавление от ордынского ига при Иване Великом, и усиление при Иване Грозном, и катастрофу польского вторжения, и воцарение нового монархического дома Романовых. Шатаясь, клонясь, бедуя, изнемогая, Россия продолжала не только существовать, но и усиливаться, расширяться на Восток и на Запад, прирастать землями; жила, дышала, уцелевала.

Но во времена Аввакума Россия отставала от Запада технологически минимум на двести лет.

Россия фатально опоздала к колониальному дележу планеты: не захватила дальних плацдармов ни в Индии, ни в Азии, ни в Африке, ни в Америке. России досталась лишь холодная Сибирь. Но, как потом выяснилось, этого было более чем достаточно: до сих пор, спустя три с половиной столетия, Россия держится за счёт природных богатств, добываемых в Сибири.

В будущем значение Сибири и Тихоокеанского побережья будет только возрастать. Подчинив себе весь северо-восточный угол Евразийского материка, необъятные земли и побережья двух океанов, Россия надолго, на многие столетия вперёд, за-

столбила себе ведущую роль в мировой политике. Контроль над одним только северным океаном значит много больше, чем торговля газом. Чем дальше в будущее — тем больше будет значить для нас Сибирь и Тихоокеанский контур. Сейчас эти земли — промороженные, отдалённые — осваивать трудно, убыточно; но так будет не всегда. Однажды, через 50 лет или через 150 лет, они превратятся в клондайк; мы до этого не доживём, но доживут наши внуки.

Так и Аввакум — ухитрился, сидя в землянке, на краю света, дотянуть до конца старой истории и начала новой.

...Пётр Алексеевич, скорее всего, про Аввакума вообще ничего не знал, или знал, но понаслышке. Связи между этими двумя персоналиями нет.

Пётр застал лишь кровавый эпилог битвы староверов и никонианцев, вылившийся в политическое противостояние Милославских и Матвеевых-Нарышкиных.

Растерзанием Артамона Матвеева и закончилась первая фаза истории раскола. Начавшись как идейное противостояние, как битва мыслителей, как мощный и глубокий процесс, раскол выродился в политическую драку двух придворных кланов. О духе, о церкви, о вере — речи уже не шло: только практическая сиюминутность.

8. Самосожжения. Геноцид русских

1

Недоброжелатели старообрядцев часто говорят, что протопоп Аввакум призывал своих сторонников к самосожжениям, «гарям». Это не так. Аввакум знал о самосожжениях, не осуждал их, — но и в огонь шагать никому не предлагал.

Вот его слова: «...и плакав о благоверии, не дождався еретическаго осуждения, сами во огнь дерзнувше, да цело и непорочно соблюдут правоверие. И сожегше своя телеса, душа же в руце Божии предаша...»

Староверы шли в огонь только под угрозой прямой физической расправы, когда уже не было другого выхода. Это нельзя считать актом мракобесия, религиозного фанатизма. Старовер учинял «гарь», когда в двери его дома уже стучала стража.

В 1682 году церковный Собор постановил предавать староверов «градскому суду», светскому, а не церковному; то есть старовер считался не просто вероотступником, еретиком, сектантом, — но уголовным преступником, таким же, как убийца или вор, со всеми вытекающими последствиями.

К концу 1660-х годов технология расправы над старообрядцами была такова: сначала под пыткой человека склоняли к отказу от своих убеждений, потом, если это не приносило результата,

забивали в рот кляп и насильственно причащали, волокли в храм и заставляли стоять службы, проводимые по новому канону и чину (так поступили, например, с боярыней Морозовой), а если несчастный и далее упорствовал — его сжигали, причём пепел не предавали земле, а развеивали. Так зачем староверу, хорошо знавшему, что его ожидает, добровольно сдаваться в руки палачей?

Богословы много спорили, как относиться к «гарям». Ведь самоубийство в христианстве — тяжкий грех, самоубийца прямиком следует в ад. Официальная новая церковь предала анафеме всех, кто добровольно шёл в огонь. Сами же староверы полагали, что принимают смерть мученическую, ради Христа, и греха в этом нет. Аввакум придерживался того же мнения. Не призывал людей идти в огонь, но и не осуждал их выбора.

Известны случаи, когда в огонь шагали одновременно до двух тысяч человек. Всего в массовых самосожжениях погибло около 10 тысяч приверженцев старой веры.

Огненные самоубийства продолжались на протяжении всего следующего столетия. Владислав Ходасевич в биографии Гавриила Державина пишет, что тот, будучи губернатором Олонецкой губернии, «…побывал во многих скитнях раскольников-беспоповцев, видел замечательные свидетельства разврата, обмана и беззакония, так же, как прямой веры и великого подвижничества. Тут, между прочим, Державин издал секретное распоряжение "о недопущении раскольников сжигать самих себя, как часто то они из бесноверия чинили"». А было это — в 1785 году; сто лет прошло после гибели Аввакума.

С точки зрения современного человека массовое уничтожение людей по религиозному признаку — это геноцид. С точки зрения современной морали, массовое самоубийство по причине религиозного характера — мракобесие.

Из песни слова не выкинешь: в XVII веке на территории России имел место геноцид, физическое истребление инакомыслящих.

Похожие, и более массовые, случаи происходили и в других странах; про Варфоломеевскую ночь мы уже упоминали.

Но настоящие фабрики смерти человек разумный создал гораздо позже. Самые страшные костры пылали не в дикие, тёмные и грязные Средние века, а в XX столетии, во времена конституций, демократий и всеобщей грамотности.

Человечество бурно развивалось технологически, изобретало философские системы и лекарства, строило университеты и библиотеки — но при этом деградировало нравственно.

Сейчас много спорят про «геноцид русских» в XX веке, про миллионы жертв, про большевиков и коммунистов, погубивших нацию. Был ли такой геноцид?

Некоторые историки, или демагоги, считающие себя историками, очень любят об этом поговорить применительно к Октябрьской революции, Гражданской войне, насильственной сталинской коллективизации и сталинским же репрессиям. Действительно, в ходе этих событий были физически уничтожены миллионы: одни расстреляны, другие убиты во время боевых действий, третьи доведены до смерти голодом, холодом, пытками и непосильным трудом.

Знаем ли мы точные цифры человеческих потерь? Нет, и узна́ем нескоро. Нужно понимать, что история XX века оставила огромное множество документов, фото-, кино- и видеосвидетельств, письменных и устных рассказов очевидцев; период, наиболее изученный исторической наукой. Но часть архивов до сих пор закрыта, документы — засекречены, их изучение — дело будущего. Поэтому даже самый всеобъемлющий и фундаментальный труд по истории прошлого столетия, включая историю СССР, не может являться исчерпывающим и окончательным: в любой момент, при рассекречивании той или иной папки в том или ином архиве, могут всплыть неопровержимые свидетельства, способные в корне изменить любой вроде бы очевидный научный постулат. Точные цифры человеческих потерь у разных историков могут разниться на порядок, и часто служат предметом спекуляций, в том числе и политических.

Но вернёмся к так называемому «геноциду русских».

Автор термина «геноцид» — юрист Рафаэль Лемкин (1900–1959), польский еврей, родившийся на территории со-

временной Белоруссии и проживший бóльшую часть жизни в США. Термин был введён Лемкиным в 1933 году в связи с расследованием массового уничтожения армян в Турции. Официально в международной практике термин «геноцид» используется только с 9 декабря 1948 года — даты принятия ООН «Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него». Разработку и принятие этой конвенции также инициировал Лемкин. Согласно конвенции, геноцид определяется как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую».

В России в ходе Октябрьской революции и Гражданской войны было целенаправленно уничтожено огромное множество представителей старой родовой аристократии (во главе с царём) и крупной буржуазии, а также их прямых пособников. Уничтожалось и духовенство; большевики утверждали, что церковь обслуживала интересы правящего класса. Но такое уничтожение происходило в рамках классовой борьбы — а классовая борьба не попадает под определение геноцида.

Действительно, если некий человек, аристократ, дворянин-помещик или владелец завода, систематически, на протяжении десятилетий, силой и хитростью заставляет вас работать на себя, отбирает результаты вашего труда, обращается с вами и вашими детьми как со скотом, не даёт вам возможности получить элементарное образование; если его детей успешно лечат от болезней, а ваши дети от тех же болезней умирают в муках; если такой человек не только принуждает вас к непосильному труду, но и силой гонит вас с оружием в руках проливать кровь за свои интересы; если этот человек не только сам так действует, но и приучает к такому своих наследников; если он убеждён в своей правоте, потому что так же действовали и его предки, — убийство такого человека может расцениваться как акт возмездия. И если таких людей было убито, например, сто тысяч — стало быть, имело место сто тысяч актов возмездия, актов торжества справедливости, совершённых теми, кого несправедливость довела до исступления и ненависти.

Сравнивать геноцид и классовую борьбу невозможно, ибо геноцид всегда несправедлив, а в основе классовой борьбы лежит как раз понятие справедливости. Поэтому ни о каком геноциде, устроенном большевиками и коммунистами, не может быть и речи.

Когда говорят о жестокости сталинской репрессивной машины, обычно забывают о принципах классовой борьбы. Сначала уничтожали эксплуататора, того, кто грабит честного труженика, силой и обманом отбирает у него результаты труда. Затем уничтожали прочих врагов: пособников эксплуататора и всех, кто мешает вести классовую борьбу. Эта система изначально, с первых лет революции, была кровавой, чудовищной, однако, несмотря на реки крови, количество коммунистов, то есть людей, готовых вести классовую борьбу в том числе и с оружием в руках, всё время увеличивалось: в страшном 1937-м их было более 1 млн 900 тысяч, а через четыре года, в 1941 году, — уже более 3 млн 800 тысяч. При этом членство в партии было буквально опасным для жизни, поскольку чистки проводились в первую очередь именно среди членов ВКП(б). Во времена Большого террора менее чем за два года руками Ежова из партии и органов НКВД было вычищено более 600 тысяч человек, но на их место немедленно заступили новые люди. Если мы начнём думать, что все они были глупы и наивны, искали себе тёплого сытого местечка, «не знали» о масштабах репрессий, находились под воздействием пропаганды, — мы сами превратимся в наивных глупцов.

Было ли справедливым массовое уничтожение староверов в России во времена Аввакума? Нет. Они ни в чём не были виноваты, их не за что было наказывать. Хотя юридически, с точки зрения законов того времени, они считались уголовными преступниками. Закон не имеет к справедливости прямого отношения. В XVII веке людей сжигали на законных основаниях — сейчас это называется геноцидом.

Справедливость нельзя отменить, справедливость — сильнее закона и дороже жизни.

2

Массовое уничтожение классовых врагов требует большого количества исполнителей, то есть палачей. А палачом может быть далеко не каждый человек, эта профессия весьма специфическая. Как только классовая борьба в России приобрела массовый характер — в силовые органы (ЧК, ОГПУ, НКВД) устремились садисты, психопаты, маньяки, упыри, животные в человеческом обличии. Ужасно звучит, но и в упырях имелась потребность, их тоже рекрутировали в систему. И среди этой прослойки профессиональных душегубов также проводились чистки: одних палачей устраняли, на их место набирали других. Сталин мог себе это позволить, в его руках был огромный человеческий ресурс; всякие нашлись. Так классовая борьба стимулировала появление особого отряда хладнокровных, квалифицированных убийц, лишённых нравственного начала; у них были родители, жёны и дети, друзья, и эта специфическая социальная группа отравляла общественную атмосферу, распространяя цинизм и равнодушие, пренебрежение к состраданию; палачи пахли смертью, и этот запах пропитывал всю систему, дискредитируя её. В результате эффект от колоссальных и несомненных достижений советского социализма оказался навсегда омрачён трупным запахом.

Однако и европейский капитализм несёт на себе тот же сладковатый душок мертвечины. Благополучие европейского обывателя — голландского, бельгийского, английского, французского — щедро оплачено смертями миллионов индусов, конголезцев, алжирцев, вьетнамцев, китайцев и так далее.

Разница здесь принципиальная: колониализм губил чужих, других, людей «второго сорта», «недочеловеков», живущих где-то очень далеко, — а Россия, строя социализм, приносила в жертву собственных детей.

Есть ли разница между смертью «чужого», живущего за тысячи километров от вас, имеющего другой цвет кожи, говорящего на другом языке, — и смертью «своего», такого же, соседа, товарища, коллеги? Психологи скажут, что есть,

и огромная. С убийством «чужого» легче смириться. Всегда можно сказать себе: он дикарь, он через год всё равно умер бы от холеры, он иноверец, и вообще, существует ли он на самом деле, я ведь про него только в газетах читал? Наоборот, убийство «своего», единоплеменника, единоверца, товарища, коллеги — переживается болезненно, это шок, травматический опыт, меняющий вас полностью.

Одно дело, когда за ваше богатство отдана жизнь индуса, которого вы никогда в глаза не видели, и не слышали его предсмертного вопля. И совсем другое дело, когда тот же вопль издаёт ваш сосед, вдруг оказавшийся «врагом народа». В первом случае вы не видите старуху с косой — во втором случае она проходит мимо, и хлопает вас по плечу, и подмигивает.

Так европейские народы, построившие своё благополучие на колониальных грабежах, избегли травматического опыта, — а народы России такой опыт приобрели, и стали мудрее, и познали истинную цену комфорта и изобилия.

Погублены миллионы — но сотни миллионов обрели страшный опыт. Он вошёл в кровь и остался навсегда.

В этом смысле русская цивилизация в XX веке мощно укрепилась духовно. Ни разгром большевиками православной церкви, ни уничтожение — тоже большевиками — значительной части интеллектуальной элиты, ни разоблачения сталинских преступлений в 1956 году, ни крах социалистического проекта в 1989 году, — не умаляют трансцедентного опыта смерти, преодолённого, тщательно и всесторонне осмысленного, отрефлексированного, описанного в тысячах книг.

Колониальные войны обогатили европейскую цивилизацию материально, но не снабдили европейца травматическим опытом; европеец так и не познал настоящую цену своего богатства — и остался в плену самообмана: он до сих пор свято убеждён, что нажил своё добро упорным честным трудом. Поэтому русский турист, приезжая во Францию или Голландию, смотрит на местных с превосходством, а местные в ответ смотрят на него с испугом, потому что он угрюм и не улыбается. А он не угрюм, он просто больше знает о том, чего стоит этот пряничный уют.

3

Сталин руками своих верных наркомов — Ягоды, Ежова и Берии — создал хорошо налаженную систему лагерей.

Во времена строительства Беломорканала численность зэков составляла около 600 тысяч. Наибольшей численности система достигла после окончания Великой Отечественной войны: 2,5 миллиона в лагерях.

Подавляющее число зэков — работали: рыли каналы, строили здания, добывали золото. Огромная часть существовала в скотских, крайне жестоких условиях и была доведена до смерти или полной потери здоровья. Другую, не менее многочисленную группу составляли профессиональные преступники, уголовники, «блатари»; они умели избегать тяжёлой работы, подкупали администрацию, отнимали у рядовых зэков — «мужиков» — еду и одежду, благополучно досиживали свои сроки и возвращались по домам.

Цифры никогда не лгут.

В год смерти Сталина население СССР составляло 188 миллионов, в лагерях сидело 2,5 миллиона, то есть примерно 1,3% от всего населения.

В «свободной демократической» России на пике либеральных реформ, в 1996 году, когда я сам сидел в следственном изоляторе, население составляло 148 миллионов, а сидело по колониям и тюрьмам более 1,5 млн, то есть приблизительно 1%. Для справки, лидером по количеству обитателей тюрем давным-давно являются США. Сейчас на 332 миллиона населения там сидит 2,2 миллиона, или 0,66%. Цифры — одного порядка.

Есть ли принципиальная разница между сталинской пенитенциарной системой, 2,5 миллиона, — и современной американской, 2,2 миллиона? Конечно, есть. При Сталине советские зэки тяжело работали и умирали от истощения, а их современные а́мериканские собратья отлично себя чувствуют, хорошо питаются. Но это — внутреннее дело самих американцев; они богаты и могут себе позволить тратить на содержание своих тюрем по 80 миллиардов долларов в год. Сталин такого расто-

чительства позволить себе не мог; наоборот, его зэки, обращённые в рабов, приносили стране пользу и прибыль.

А что же современная Россия? С её, как кричат отовсюду, полицейским и судебным произволом, засильем силовиков? Сейчас у нас сидят за решёткой и колючей проволокой 550 тысяч человек; никогда за всю историю Российской Федерации так мало не сидело.

Эти выкладки — очень приблизительные, но зато наглядные. И, конечно, они не отменяют преступлений сталинского периода, когда в результате «Большого террора», чисток и процветавшего доносительства были погублены десятки тысяч талантливейших учёных, гениальных подвижников и светил мирового масштаба, инженеров, военных и деятелей культуры. Но это — наше и только наше, внутреннее дело, боль России и её многонационального народа; за эти тяжёлые ошибки мы расплатились сами, и каждый, кто пытается принудить нас к какому-то специальному «покаянию», есть лицемер и демагог.

За преступления Сталина расплачивались следующие поколения советских людей; в том числе — мое поколение, видевшее мясо на столе два раза в месяц.

Но кто же выиграл, кто оказался прямым бенефициаром Октябрьской революции и сталинских репрессий? Советский народ построил справедливое общество, но так и не сумел решить продовольственную проблему; что же это за выгода, если людям было нечего есть? Да, русская цивилизация приобрела бесценный травматический опыт, но потеряла десятки тысяч лучших своих сынов, половину интеллектуальной элиты; может, это пиррова победа?

Вот что надо обязательно помнить. Уничтожение русских аристократов и русской буржуазии в результате Октябрьской революции смертельно напугало всю остальную мировую буржуазию. Дабы не допустить повторения русской революции, буржуазия во всём мире немедленно пошла на решительные уступки пролетариату. Был сокращён рабочий день, увеличены заработные платы, улучшены социальные условия жизни и быта. Женщины получили равные права с мужчинами. Был

сокращён и затем ликвидирован детский труд. Укрепились и стали мощной силой профсоюзы. Лидеры рабочего движения в капиталистических странах стали угрожать истеблишменту своих стран повторением русской революции. Хозяева фабрик и заводов, скрипя зубами, соглашались на новые и новые реформы, — лишь бы не оказаться в кровавой мясорубке.

Главную выгоду от Октябрьской революции получили пролетарии всех стран, десятки миллионов промышленных рабочих Западной Европы и США. Кровь расстрелянных русских фабрикантов превратилась в лишний кусок хлеба на столе американского литейщика. Это должен помнить каждый западный интеллектуал, чей прадед был промышленным рабочим, стоял у конвейера, у станка, сидел за рычагами машины.

Октябрьская революция сделала мир более справедливым. Огромные массы тружеников получили доступ к социальным благам, к образованию и здравоохранению.

4

Почему здесь так часто упоминается Сталин?
Потому что Аввакум принадлежит к традиции тюремной литературы. А разговор о русской тюрьме неизбежно приводит к Сталину и его лагерям.

Однако при Сталине наказания были слишком суровыми; а чрезмерная суровость, разумеется, несправедлива. Сейчас дают условные сроки за преступления, которые при Сталине награждались пятью годами лагерей. Не говоря уже о политических заключённых, которых сейчас в России единицы, а при Сталине, за весь период его правления, их было более 2 миллионов. Наконец, смертные казни, — их сейчас и вовсе нет у нас, а Сталин, руками верного Ежова, в 1937–1938 гг. чистил свою партию по графику, по разнарядкам, по планам: от 500 до нескольких тысяч с каждой республиканской партийной организации. Кого не расстреливали, тех сажали на срок до 25 лет. Условия в сталинских лагерях описаны подробно разными сви-

детелями; то была система, топчущая и тела, и души, и личности людей, причём с обеих сторон решётки: в зверей превращались и зэки, и тюремщики.

В 1937 году Сталин, пребывая на пороге старости, предчувствуя неизбежную большую войну и подготавливаясь к ней, близко подошёл к черте, отделяющей его от лидеров Третьего рейха, которые тоже убивали хладнокровно, рационально, по продуманной технологии, и тоже были полностью уверены, что действуют во благо своих политических систем. К счастью (если здесь применимо это слово), смертельный конвейер наркома Ежова просуществовал меньше двух лет и поглотил менее 700 тысяч человек; а Берия, сменивший Ежова, был далеко не столь кровожаден.

После смерти Сталина новые лидеры резко смягчили режим и нашли в себе смелость осудить преступления бывшего вождя, ещё вчера — фактически обожествлённого. Количество сидящих по тюрьмам стало стремительно сокращаться, а мощный контроль за обществом со стороны идеологических органов, милиции и КГБ привёл к тому, что в 1979 году на 262 миллиона населения СССР в тюрьмах и лагерях находилось 915 тысяч осуждённых преступников, или всего лишь 0,33% от общего количества населения.

Пройдёт десятилетие — и в новой, «демократической» перестроечной России количество арестантов и зэков возрастёт почти вдвое.

Сталин сделал советскому обществу жестокую прививку от легкомыслия. Огромные массы рядовых граждан до сих пор уважают Сталина, считая его чрезмерно жестоким, но в целом справедливым властителем, который «простой народ» не наказывал, а наказывал «начальников», «расхитителей», «вредных элементов», а бездельников — заставлял работать.

Между прочим, за тунеядство, то есть злостное уклонение от работы, в СССР полагался срок в один год тюрьмы. Это справедливо? Конечно. Но сажали по статье за тунеядство очень мало, и не лентяев из хороших семей, а профессиональных нищих, побирушек. Это как раз несправедливо.

Здесь — корень уважения, которым до сих пор пользуется Сталин в России. Да, тиран — но справедливый тиран.

И только русское крестьянство никогда ничего хорошего не скажет про Сталина, потому что главным, самым страшным его просчётом является вовсе не репрессивная политика, а сплошная коллективизация и провальные реформы в области сельского хозяйства. Большевики и коммунисты укрепили страну, превратили её в сверхдержаву, — но накормить свой народ так и не смогли.

9. Конец Аввакума

1

6 января 1681 года, в праздник Крещения, московские староверы умудрились устроить шумную, скандальную протестную акцию.

В празднике, с выходом на лёд Москвы-реки, участвовал и сам царь Фёдор, и придворные, и бояре, и церковные иерархи, и стрелецкие командиры. Поглядеть на помпезное парадное шествие собрался весь город. Берега реки возле стен Кремля усеяли огромные толпы. Воспользовавшись этим, несколько смельчаков пробрались в Кремль, в Успенский и Архангельские соборы, и вымазали дёгтем гробницы упокоенных там русских царей. Далее, старовер Герасим Шапочник залез на колокольню Ивана Великого и стал кидать в собравшуюся толпу «свитки», то есть листовки, с карикатурами на патриарха Иоакима и других предстоятелей официальной церкви. Карикатуры нарисовал сам Аввакум. Одна такая карикатура сохранилась до наших дней.

Чья была идея — неясно. Может, самого Аввакума. Академик А.М.Панченко в книге «Русская культура в канун петровских реформ» предположил, что Аввакум не только подал идею, но и разработал план акции.

А может, наоборот, в среду староверов был внедрён провокатор, организовавший публичное богохульное действо,

чтоб разозлить царя и сподвигнуть его к расправе над Аввакумом.

Через год, 14 апреля 1682-го, Аввакума и его соузников Лазаря, Епифания и Фёдора сожгли заживо, привязав к столбам, вкопанным внутри деревянного сруба.

История сохранила имя исполнителя казни: стрелецкий капитан Иван Лешуков.

Перед смертью Аввакум предсказал скорый уход из жизни царя Фёдора, и предсказание в точности сбылось: через две недели после пустозёрской казни царь Фёдор скоропостижно скончался, в возрасте 20 лет.

Первая жена царя Фёдора, Агафья Грушецкая, к тому времени также умерла, в возрасте 18 лет. Умер и единственный их сын и наследник престола, прожив всего девять дней. Незадолго до смерти царь Фёдор женился второй раз, но от второй жены Марфы Апраксиной детей не имел.

После скандалов и придворных интриг, вылившихся в бунт стрельцов и кровавую расправу над боярином Матвеевым и боярами Нарышкиными, на царство венчали сразу двоих юных монархов, братьев по отцу: 15-летнего Ивана Алексеевича, по матери — Милославского, и 10-летнего Петра Алексеевича, по матери — Нарышкина.

С этого времени отсчитывается новая история России. В этой истории Аввакум принимал участие уже не во плоти, а как символ яростного сопротивления никонианству.

Приверженцы старой веры начали почитать его как святого ещё при жизни, а после смерти — канонизировали как священномученика и исповедника.

О судьбе детей Аввакума известно немногое. Как уже упоминалось, старшие — Иван и Прокопий — отреклись от старой веры в Мезени в 1670 году под угрозой казни; скорее всего, именно мать посоветовала сыновьям уступить, тем более что старший Иван уже имел семью, жену и дочь.

Впоследствии Иван перебрался в Подмосковье и жил вместе с матерью при храме Троицы на Шаболовке. Будучи уже

стариком, Иван Аввакумович попал под следствие за пропаганду старообрядчества, его этапировали в Петербург и посадили в Петропавловскую крепость; там он просидел три года и в 1720 году там же умер, в возрасте 76 лет, то есть частично повторил судьбу отца: сгинул за веру в узилище.

2

Что такое был раскол?
Зачем одних людей жгли заживо, а другие шагали в огонь добровольно?

Как так вышло, что никонианская инквизиция сожгла тысячу староверов, — а в ответ на это десять тысяч староверов сожгли себя сами?

Ну, смирились бы, чего там. Ну, сложили бы персты тройным образом, щепотью, неужели ради этого стоило идти на смерть? Зачем такая ненависть одних к другим, откуда такие страсти?

Любой разумный человек скажет, что реформы — необходимы: ведь всё меняется, жизнь движется вперёд, некоторые традиции должны отмереть, уступить место новым традициям. Надо не только держаться за старое, но и принимать новое, разве не так? Разве не следует нам подстраиваться под живое развитие мировой цивилизации?

Так, да не так.

Есть истины неотменяемые, аксиомы. Дважды два — четыре. Люди родятся от союза мужчины и женщины. Нельзя употреблять в пищу человека. Нельзя ложиться с собственной матерью и дочерью. Некоторые истины зафиксированы в виде научных формул, другие — в виде этических табу. Любая этическая, нравственная, научная, философская система строится на сумме аксиом, правил, доказанных тысячу раз всевозможными способами; правил, которые невозможно отменить.

Эти непреложные фундаментальные истины человек ищет повсюду. Думая и сомневаясь, он нуждается в твёрдой опоре. Совершая тот или иной поступок, человек желает знать, что он прав. Он ищет истину в Ветхом Завете, в Новом Завете, в Коране, в теории естественного отбора, в теории классовых противоречий. Истина не принадлежит субъективному сознанию, она внеположна ему. Закон существует вне носителя. Вы подчиняетесь закону всемирного тяготения независимо от того, знаете ли вы о существовании этого закона. Закон был до людей и будет существовать после них. Этот закон можно принять или игнорировать — но от этого он не изменится.

Век Аввакума — последний век старой России. Развиваясь, русская цивилизация накопила внутри себя множество противоречий. Европа стремилась вперёд семимильными шагами, богатела на захвате колоний, деньги лились рекой. Россия же оказалась на задворках этого процесса.

Немыслимо разбогатевшая (также на колониальных грабежах) католическая церковь строила типографии и университеты, вкладывала огромные ресурсы в продвижение на северо-восток материка. Многие тысячи богословов разрабатывали детальные, тщательные планы экспансии в земли славян. Плацдармом для экспансии стала сильная, активная католическая Польша. Османы, захватившие Константинополь и разгромившие греческую православную церковь, оказали католическим папам огромную услугу: теперь, чтобы объединить всех христиан планеты под властью Ватикана, следовало подчинить только Россию.

Но Россия — не Европа. Здесь оливы не растут. Здесь активная экономическая деятельность возможна лишь полгода в год. Русский крестьянин, чтобы выжить и накормить свою семью, должен прикладывать вдвое больше усилий, чем французский крестьянин.

В России не только тяжёлый климат, но и огромные расстояния. Гонец из Рима до Парижа доезжал за три дня, а гонец

из Москвы в Тобольск ехал три месяца. Управлять огромной Россией — втрое, впятеро труднее, чем Испанией, Италией или Францией. Контролировать из Москвы чиновника, работающего в Пустозёрске, гораздо сложнее, чем контролировать из Варшавы чиновника, работающего в Кракове.

В результате в России сложился экономический уклад, радикально отличный от европейского, гораздо более аскетичный. Цена куска хлеба была много выше. Одновременно сложился и особенный административный порядок, когда центр вынужден был предоставлять руководству на местах больше полномочий. Управитель енисейского острога Афанасий Пашков в своём городе был — царь и бог; он понимал, что по каждому мелкому вопросу совета из Кремля просить не надо, и текущие проблемы следует решать самостоятельно.

Этому укладу полностью соответствовало и русское православное вероисповедание, основанное на демократическом выборе приходских священников, а следовательно — на полнейшем к ним доверии, а также на экономической самостоятельности церковных общин и монастырей. До Москвы — далеко; если в храме прохудилась крыша, можно, конечно, попросить из центра помощи, но помощь приедет в лучшем случае года через два, а может, и вовсе не приедет, а крышу надо чинить — завтра, и средства искать — среди прихожан, а они сами едва сводят концы с концами.

Насаждать в таких условиях католический способ церковного управления, основанный на быстром обмене информацией, на строгой централизации, на изобилии ресурсов, — было ошибкой.

Униаты, латинцы, греки, в большом количестве приехавшие в Россию в царствование Алексея Михайловича Тишайшего, возможно, преследовали благие цели. Им казалось, что они несут свет в тёмные земли, транслируют знание, передовой опыт. Но они абсолютно ничего не понимали в том, как распространять это передовое знание на необъятных территориях.

Им казалось, что если они распространят знание среди обитателей Кремля, — то буквально через месяц это знание разойдётся во все уголки страны. Ведь в Риме и Париже было именно так. Сегодня папа издал буллу — а через считаные дни её читают в Бордо, в Падуе и в Венеции. Но в России так не получилось.

Московская инициатива доезжала до Архангельска за полгода, а отчёт о её реализации поступал обратно ещё через полгода. Далее, столичные рекомендации по устранению недостатков опять ехали полгода, а ответ прибывал ещё через полгода. В результате европейским умникам казалось, что в России «ничего не происходит», что русские — ленивы и всё делают очень медленно.

Наконец, реформаторам русской церкви не повезло с лидером. Никон мог бы стать русским Лютером, но Никон провёл реформу — и сам же её дискредитировал. В истории он остался как профанатор, самодур, пьяница, любитель роскоши.

Книгу — личный свой Завет — Никон не оставил. Претендуя на огромную роль, он должен был, обязан был — создать свою Книгу, объяснить мотивы, резоны, изложить доводы, выступить как настоящий мыслитель, подвижник, окормить свою паству Глаголом, — но нет, нет.

У Никона было полтора десятилетия опалы и ссылки, чтобы оставить Завет. Он мог бы сам не писать, но диктовать слугам хотя бы по десять строк в день — и тогда родил бы толстый том, внушительное теоретическое наследие.

Но он этого не сделал — и в этом фатально проиграл Аввакуму. Заживо гниющий протопоп, сидя в норе и черкая угольком по бересте, вчистую переиграл лидера русской церкви.

Но у Истории свои законы. Новая, никонианская церковь, централизованная, дисциплинированная, подстроившаяся под государство, — укрепилась, а старая, аввакумова, демократическая, независимая, — была отодвинута в сторону.

Староверы десятками тысяч бежали в леса, в отдалённые уголки страны, а потом и ещё дальше, за пределы России. Они основали поселения повсюду, в том числе в Южной Америке,

обособились, создали автономные общины, мало связанные с внешним миром.

Об истории расселения русских староверов по планете написаны подробные исследования и сняты фильмы.

В результате бегства староверов и их расселения возникла уникальная, малая, но чрезвычайно оригинальная цивилизация. К ней частично принадлежу и я сам.

10. Посмертие и правда Истории

1

Жизнь заканчивается смертью.
После смерти — остаётся память.
Если человек не содеял ничего примечательного — его память хранит его ближайшее окружение, дети и друзья, потом — внуки.

Но правнуки — уже забывают. А следующие поколения — совсем ничего не помнят. Человек исчезает без следа.

Если он не родил детей — он исчезает ещё быстрее.

Кладбища заполнены старыми могилами. На покосившихся надгробиях — полустёртые имена тех, кто жил и действовал когда-то, а теперь забыт навсегда.

Но если человек содеял многие большие дела — память о нём остаётся надолго. Человек сильный и энергичный — совершает великие деяния, становится царём, императором, королём, духовным лидером, создаёт государства, одерживает грандиозные победы. Тогда ему ставят памятники, славят его, гордятся им. Поступки его записываются в хрониках.

Но проходят столетия — и новые учёные мужи, вооружившись новыми идеями и методами, начинают оспаривать записанное в хрониках, сомневаться, критиковать. Человек содеял

многое, но следующие поколения вдруг решают, что он всё сделал неправильно, во вред обществу, и тогда его имя вычёркивается отовсюду, вымарывается. Его история переписывается либо стирается.

Бывает и сложнее. Человек действовал, его деяния записали и прославили, затем политическая обстановка изменилась, и его имя вычеркнули, вроде бы стёрли, — но затем обстановка изменилась ещё раз, и про того, кто вчера был специально забыт, стёрт, вымаран — снова вспомнили, и снова возвеличили.

Эта игра с памятью и с историей длится веками. Но в конце концов стирается — почти всё.

Бывает иначе. Был человек, многое сделал, о нём записали в хронике, — а хроника вдруг оказалась утрачена, сгорела в пожаре. Так погибла Александрийская библиотека, 400 тысяч свитков папируса. Кто знает, какая память сгорела дотла в том огне?

Записанная память — свиток, летопись, хроника, рукопись, книга, монография, диссертация — превращается в материальный факт, в предмет, в оружие, в аргумент, в источник дохода. Архивы и библиотеки становятся тщательно оберегаемыми сокровищницами, арсеналами.

Неизбежно возникают фальсификаторы, махинаторы, фантазёры, легкомысленные беллетристы, профессиональные переписыватели истории, изготовители изощрённых подделок.

До сих пор спорят о подлинности текста арабского писателя Ахмеда ибн Фадлана, вроде бы совершившего путешествие в земли восточных славян в начале X века.

До сих пор неясно, подделана ли «Велесова книга», обнаруженная Юрием Миролюбовым, и если подделана — то каким образом; не могла же столь сложная штука появиться на пустом месте. И вроде бы доказано, что подделана, но пока доказывали — возник целый культ её последователей. И теперь сам этот культ есть отдельное событие, свершившийся факт истории. А обнаруженный и вроде бы научно доказанный факт фальсификации — тоже отдельное событие, которое оспаривается последователями культа.

Порой вокруг имени давно умершего деятеля возникают столь яростные дискуссии, что они сами по себе становятся фактом истории.

Иосиф Сталин управлял Россией 29 лет. Его имя не стёрли, но «урезали», упоминали редко и вынужденно, и так было 33 года, до 1986-го, затем вокруг имени Сталина возникли бешеные дискуссии, затем эти дискусси всем надоели; прошло 30 лет — и снова вспомнили. И уже точно понятно, что потом, спустя десять или тридцать лет, ещё будут вспоминать.

Протопоп Аввакум вроде был надёжно стёрт, вычеркнут из истории: на 179 лет, от дня смерти до дня первой публикации его книги. Да и потом — поговорили и забыли ещё на сто лет, до времён безбожного Советского Союза.

2

Протопоп Аввакум Петров вряд ли мог прозреть свой посмертный путь, растянувшийся на три с половиной столетия.

Его книга — бессмертна. Но она представляет собой скорее антирекламу прошлого России. Прочтёт человек и скажет: да, гордиться-то и нечем. Страшное было время, страшные люди, жестокие варвары, и весь этот раскол — просто конфликт садистов с фанатиками. Надо эту книгу убрать подальше и детям не показывать.

И ведь не только власти предержащие выставлены в этой книге полузверьми — но и сам народ тоже описан без симпатии. Священник пошёл «унимать баб от блудни» — а бабы в ответ собрались толпой и избили священника. Вот вам и очерк нравов.

А другой читатель, настроенный критически и много повидавший, скажет: а может, автор водит читателя за нос? Не врёт напрямую, не унижается до лжи, но так, слегка себя приукрашивает, выставляет героем, а своих противников, наоборот, описывает одной чёрной краской. Они ему больно сделали, а он им — отомстил своим памфлетом, и вся его книга — не что

иное, как акт мщения. Книга его — пристрастная, написана не для потомков, а для современников, и использована как орудие в борьбе.

Но тот, кто так подумает и скажет, — ошибётся.

Нам нужна — вся правда: и удобная, и неудобная. Нам нужна вся правда о каждом дне прошедшего времени. Эту правду следует искать везде, во всех свидетельствах: и пристрастных, и беспристрастных. И этот поиск следует осуществлять всеми способами, и вести его — всегда.

Замалчивая, искажая неудобную правду, или, что ещё хуже, вымарывая её, человек сам себя обкрадывает, но также обкрадывает и следующие поколения.

Замолчать или исказить правду — можно. Но тогда потомки — а они тоже будут искать, как мы ищем, — однажды обнаружат замолчанную, искажённую правду, и не будут уважать своих предков, допустивших умолчание или искажение.

Правда имеет двойственную природу — она одновременно и могущественна, и беззащитна.

Могущество её — в том, что она всегда востребована. Её используют как оружие. Правда — убивает.

Беззащитность — в том, что она опирается на память, которая ненадёжна.

Аввакум писал «Житие» не как свидетельство, обращённое к потомкам. Его книга есть памфлет, оружие против никонианцев, она была обращена к современникам. Вся ли правда там изложена? Нет, не вся. Но автор и цели такой не ставил. Искажена ли правда? Вряд ли. Искажение есть ложь, а лгать Аввакум не умел. Написана ли его книга ради мести обидчикам? Нет. Христианин не мстит, а прощает; тем более священник.

Точно так же, например, «Архипелаг ГУЛАГ» писался в первую очередь как памфлет, адресованный современникам. Эта книга была создана как оружие в борьбе против коммунизма, а уж потом как историческое свидетельство, и в итоге — не стала свидетельством: исследователи нашли в ней множество искажений и преувеличений. Вдобавок чтение автобиографии Солженицына — «Бодался телёнок с дубом» — являет

нам и другую правду: бесконечную гордыню и тщеславие автора. Огонь и воду прошёл, но не устоял перед пением медных труб.

Однако и он полагал себя свидетелем и хранителем правды (неудобной для того времени), правда была — его мечом.

Описывая правду на бумаге, фиксируя её — человек создаёт оружие, куёт меч. Искажённая правда, полуправда — меч тупой, гнущийся. Зачем мастеру изготавливать ненадёжный меч?

Аввакум, царапая угольком по обрывкам бумаги, создал меч огромный, обоюдоострый, двуручный. Его книга — это и литературное произведение, революционное для его эпохи; и политический памфлет; и очерк нравов; и, наконец, гимн стойкости и упорству, то есть величию и могуществу человека. Теперь этот меч каждый может примерить по руке и попробовать хотя бы поднять.

Да, пристрастный памфлет — но за его написание заплачено огненной смертью; значит, памфлет был хорош, ударил в больное место неприятеля.

Да, нравы были грубые, времена тяжёлые. Но тяжёлые времена создают сильных людей. Очень тяжёлые времена — создают героев и титанов.

Да, правда неудобная — но она нам нужна всякая, любая, полная.

Сказано: не мир принёс я вам, но меч.

Изучая историю, мы не видим там мира, а только звон мечей. Неудобная правда, но от неё не отвернуться.

11. Сколько русских на планете

Есть народы, компактно проживающие.
Есть народы рассеянные: евреи и армяне. Ирландцев, видимо, также следует отнести к рассеянным: за пределами Ирландии их проживает много больше, чем в самой Ирландии.

А есть народы расселённые — не следует путать их с рассеянными.

Наиболее расселённый на планете суперэтнос — это китайцы. Более 30 миллионов их проживает вне государственных границ Китая, в основном в Юго-Восточной Азии, в Индонезии, Таиланде и т.п. При этом в самом Китае численность населения — 1 млрд 440 млн. То есть за пределами Китая расселились меньше 3% всех китайцев.

На втором месте — русские. За пределами границ России живут около 20 миллионов человек, относящихся к русскому суперэтносу. Из них на Украине — до 8 млн, в США и Канаде — до 5 млн, в Казахстане — около 3,5 млн, в Германии — более 2 млн. В процентном отношении к населению самой России за её границами проживает приблизительно каждый седьмой человек, полагающий себя русским по языковому и культурному, то есть — этническому признаку.

Расселение русских — «распространенье по планете», как пел Высоцкий, — происходило иногда добровольно, иногда принудительно, иногда — в результате образования новых

границ, когда человек, не двигаясь с места, вдруг обнаруживал себя отрезанным от собственного отечества.

Однако русские, как народ многочисленный и сильный, никогда специально не заявляли о своём особом статусе расселённого (или разделённого, как чаще говорят) народа.

...Беречь свою культуру, свою родную речь обязан каждый образованный человек. На каком языке ты думаешь — к той культуре ты и принадлежишь. Язык, речь — основная сигнальная система, универсальный мыслительный, понятийный код.

Но правило это не общее: существуют люди, владеющие несколькими языками, подолгу живущие в разных странах и умеющие думать на нескольких языках. Анастасия Толстая, принадлежащая к роду Льва Толстого и выросшая в Великобритании, сказала мне, что думает в основном на русском языке, но если, например, видит свою сестру, выросшую вместе с ней, — тут же начинает думать на английском, и этот переход — совершенно непроизвольный. Эдуард Лимонов утверждал, что думает на трёх языках: смеси русского, английского и французского. В одном из романов Аксёнова описывается армянин, живший в СССР и потом уехавший в США, — армянский язык этот человек выучил во второй половине жизни, а русский с тех пор называл «комсомольским жаргоном» и стремился забыть. Наконец, сюда можно отнести и людей, рождённых от смешанных браков и изначально выросших в двуязычной, двухкультурной среде.

Поэтому есть и другое правило: человек сам выбирает, к какой культуре ему принадлежать и на каком языке думать и разговаривать; человек сам выбирает, принадлежать ли ему к одной культуре, или к двум, или к нескольким.

Для объединения этих правил в единую систему Лев Николаевич Гумилёв и утвердил, в рамках пассионарной теории этногенеза, понятие «суперэтноса»: культурной общности, объединённой едиными политическими и экономическими целями. Единые экономические и политические устремления невозможны без наличия одного, общего на всех, языка, в нашем случае — русского. Гумилёв, правда, вводил ещё один

объединяющий признак — «ландшафтный», но тут он ошибался: общность может возникать, как в России или в США, на территориях с разным климатом и разными географическими, климатическими особенностями, с совершенно разным ландшафтом: житель Сочи, просыпаясь и глядя в окно, видит один ландшафт, а житель Горно-Алтайска или Саратова — совсем другой.

Суперэтносы чрезвычайно подвижны. Каждый отдельный этнос примыкает к суперэтносу, пока ему это выгодно, и отделяется, когда это выгодно. Скажем, в середине XIX века не существовало ни развитой азербайджанской культуры и науки, ни самого азербайджанского государства; в Закавказье, включая Баку, азербайджанцев называли «азербайджанскими тюрками» и «татарами». Азербайджанский этнос начал бурно укрепляться в начале XX века, подпитываясь от турецкого и в меньшей степени от иранского (персидского), и продолжил укрепляться, ещё более активно, при советской власти, с полного одобрения Москвы, которой нужна была бакинская нефть. Азербайджанский этнос формировался внутри русского суперэтноса, но затем от него успешно отделился. Сейчас Азербайджан — независимое государство, хитро лавирующее между Россией и Турцией.

Точно такую же картину мы наблюдаем и на Украине: её этнос укрепился сначала за счёт соседнего польского этноса, а затем за счёт русского суперэтноса. Львовский университет создали польские иезуиты, а не жители Львова. Турбины «General Electric», установленные на Днепрогэс в 1930 году, были куплены отнюдь не на средства ивано-франковских крестьян.

История знает лишь один мотив для принятия решений: прямую выгоду. В политике нет ни друзей, ни родственников. Все союзы — всегда временные. Чем громче провозглашается тот или иной «вечный» союз, тем больше вероятность его скорого разрыва.

12. Конец старой истории и начало новой

1

Пушкин сказал: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Горькие, красивые слова — однако они вложены в уста Сальери, который готовится прикончить Моцарта.

Профессиональные драматурги знают, что зритель лучше запоминает удачные афоризмы, если их произносит отрицательный герой. Хрестоматийный пример — афоризмы булгаковского Воланда. Наиболее известный — «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут». Звучит звонко, но, увы, это фраза гордеца, а гордыня — грех. И вдобавок сказанное Воландом — неправда: гораздо чаще никто не приходит и ничего не предлагает, не даёт.

Приходят с предложениями — только к самым ярким и талантливым, таким, как Булгаков, но их — меньшинство.

К Аввакуму никто не приходил и ничего не предлагал, он всегда сам проявлял инициативу. А когда действительно «пришли и предложили» примкнуть к реформаторам — это очень быстро закончилось для него катастрофой.

Четверть века он мыкал горе, и принял мученическую смерть. Не обрёл «правды на земле», но вот «правду выше» —

обрёл: иначе бы сейчас, спустя четыре века, о нём не писали бы книг.

Аввакум, безусловно, принял свою смерть хладнокровно и с достоинством. Во-первых, он был к ней готов, во-вторых, как верующий человек, её не боялся. В-третьих — понимал, что огненное погребение его окончательно обессмертит.

Смерть — не конец жизни, а её венец. Именно неизбежность смерти придаёт жизни ценность.

Мы любим каждое мгновение жизни именно потому, что знаем: жизнь — конечна. Это знание заставляет нас спешить, стараться успеть как можно больше, всё узнать и всё увидеть, везде побывать, оставить после себя след.

Аввакуму — удалось.

2

В истории раскола и биографии Аввакума есть много мистических совпадений и таинственных случаев.

Идеолог реформы Никон и главный враг реформы Аввакум родились — практически в соседних деревнях.

Жестокий воевода Афанасий Пашков долгими годами мучил Аввакума и подвергал избиениям — но перед смертью принял монашеский постриг именно от руки Аввакума.

Царь Алексей Михайлович заслужил прозвище «Тишайший», и не мыслил себя вне православной церкви, — но именно он едва не развалил её.

Он же, царь Алексей, умер через несколько дней после кровавого погрома Соловецкого монастыря.

Его сын, царь Фёдор, умер спустя несколько дней после казни протопопа Аввакума.

Такое количество совпадений доказывает, что кризис старой России был предопределён в тайном мире. Старая Россия к середине XVII века энергетически иссякла, и могла бы вовсе прекратить своё существование, как до неё погибли Римская империя и Византийская, — мощнейшие и, казалось, вечные.

Гибель империй продолжилась и далее, в новые времена. Погибла великая Британская колониальная империя. Погибла амбициозная Австро-Венгерская империя. Наконец, погибла и Российская империя, но с ней произошёл уникальный в мировой истории случай: большевики, пусть и ценой больших жертв, модернизировали страну, укрепили — и вернули ей статус сверхдержавы.

Но критически настроенный читатель спросит: а зачем нам империя, зачем статус сверхдержавы, зачем нам устаревшие амбиции, зачем нам величие — если у наших стариков такие скудные пенсии? А не лучше ли отказаться от сомнительного, эфемерного величия в обмен на прибавку к зарплате?

Во-первых, величие не бывает сомнительным: оно либо есть, либо его нет. Величие страны придаёт масштаб действиям каждого отдельного гражданина. Россия — велика, сильна и влияет на судьбу мировой цивилизации. Таким образом я, рядовой её гражданин, также некоторым образом влияю на ход мировой истории; и мне это нравится.

Австро-венгерская империя была могущественной и блистательной. Сейчас Австрия и Венгрия — маленькие страны. Теперь учителя истории говорят маленьким венграм и австрийцам: дети, когда-то мы были могучей державой, но теперь перестали ею быть, теперь мы маленькие, но зато у нас приятно и уютно. Но как же так вышло? — спрашивают дети. Ну вот так, отвечает учитель, по сумме исторических причин. По крайней мере, мы теперь ни с кем не воюем.

Ещё меньше повезло Югославии. Всего лишь 50 лет назад эта сильная федеративная республика контролировала Балканы и весь юг Европы. Маршал Тито, руководивший Югославией, осмелился поссориться с самим Сталиным. И югославский социализм был лучше советского. В Югославии не проводили сплошную коллективизацию, не уничтожали кулаков, сохранили в сельском хозяйстве элементы частной собственности, и югославы были сыты. После смерти Сталина в Югославию для изучения её опыта немедленно выехал член Политбюро

Анастас Микоян, и существовала вероятность, что и советское сельское хозяйство будет реформировано по югославскому образцу. Но после развала СССР Югославия, при непосредственном и активном участии Запада, была разделена на несколько миниатюрных государств — и затем ввергнута в череду кровопролитных междоусобных войн.

Так реализуется принцип «разделяй и властвуй». Крупная страна, в которой разные народы и этнические группы живут более или менее мирно, однажды распиливается на несколько маленьких стран, а все геополитические выгоды от распиливания этой большой страны достаются другим странам, которые не дали себя распилить.

Вот зачем России нужно её величие, её армия, её атомные подводные лодки и ракеты. Чтобы её не постигла судьба Югославии. Чтобы мы не стали народом официантов, таксистов, батраков и чернорабочих.

Не так давно по историческим меркам, всего 80 лет назад, в самом центре просвещённой Западной Европы возникла идеология национал-социализма, и создатели этой идеологии быстро пришли к выводу, что славяне, включая русских, поляков, украинцев и белорусов, являются дикарями, существами второго сорта, и подлежат порабощению и частичному уничтожению.

Евреев убивали индустриальным, промышленным способом, — а русские, украинцы и белорусы уничтожались просто так; их считали скотами и не обращали на них внимания. В результате русских, украинцев, поляков и белорусов погибло много больше, чем евреев: более 15 млн человек только мирного населения, без учёта военных потерь.

Евреев уничтожали с составлением циркуляров, планов и тщательных отчётов, — а славян губили походя. Для нациста казнь еврея была доблестью, а казнь славянина — бытовым происшествием.

А есть ли у нас, внуков и правнуков тех славян, гарантия того, что подобное не повторится вновь? Кто даст нам такую

гарантию? Если это случилось однажды, то может и повториться, через 10 лет или через 50 лет. Говоря юридическим языком, прецедент создан. Где, откуда, из чьих уст прозвучали твёрдые заверения, что рецидив невозможен?

Вот зачем нам нужны танковые дивизии и подводные ракетоносцы. Богатый, сильный, умный западный мир не дал нам гарантий: ни Германия, ни Великобритания, ни США не обещали сохранять вечные добрососедские отношения.

Вот зачем России её «амбиции». Вовсе не для того, чтобы надувать щёки. Вовсе не для того, чтобы оболванивать граждан грубым казённым патриотизмом, а под эту сурдинку обчищать их карманы. (Хотя и это тоже имеет место.)

В основе риторики величия, или «имперской» риторики, находится элементарное представление о защите, о безопасности.

Россия подвергалась нашествиям захватчиков множество раз. Если Россия — отсталая страна с окраины цивилизованного мира, то зачем они приходили? Если у нас тут ничего нет, кроме льда и снега? А если шли, с разных сторон, на протяжении столетий, — то, значит, могут прийти и снова.

Сейчас молодые люди часто говорят, что русская общественная мысль обращена в прошлое, что мы гордимся славой былых побед, а сегодняшний день не обсуждаем.

Это не так. Во-первых, чтобы понять сегодняшний день, надо его прожить. Во-вторых, понимание исторических закономерностей не только желательно, но и необходимо. Если в XIX веке Россия пережила два масштабных вторжения, и в XX веке пережила два ещё более масштабных вторжения, — разве не логично будет думать, что и в нынешнем веке подобные вторжения также вероятны? Особенно учитывая колоссальные природные ресурсы, которыми мы обладаем.

Поэтому замшелое, по мнению многих прогрессистов, «имперское величие» в своей основе имеет понятное представление о безопасности народов России и их сильных древних культур.

Последнее вторжение цивилизованной демократической Европы в пределы России обошлось нашим народам более чем в 20 миллионов мертвецов. Это в четыре раза больше, чем погубил Сталин, если основываться на самых радикальных подсчётах самых отважных борцов с тиранией, и минимум в два раза больше, чем унёс Холокост.

Но про Холокост знает весь мир, и за его отрицание во многих странах полагается тюремный срок. А про уничтожение 20 миллионов граждан СССР, в первую очередь — русских, украинцев и белорусов, мировое интеллектуальное сообщество говорит мало, сквозь зубы, и если кто-то оспаривает славянский Холокост — его в лучшем случае пристыдят.

А если бы каждого умника, подвергающего сомнению гибель миллиона ленинградских блокадников, сажали бы на два года общего режима, — возможно, ситуация в обществе резко бы изменилась, поверхностных болтунов и демагогов стало бы сильно меньше. По большому счёту, такие люди никому не нужны, кроме самих себя, и их рты следует затыкать мгновенно и без сомнений, не считаясь с последствиями.

3

В результате церковного раскола Россия пережила внутриполитическое и экономическое потрясение. Большие массы активного трудоспособного населения бежали от никонианских репрессий в отдалённые уголки страны и там основали независимые колонии. Без преувеличения, эти беглецы составляли цвет нации: наиболее крепкие, решительные, принципиальные, сильные мужчины и женщины, большинсво — не бедняки: чтобы решиться на побег, вместе с семьёй, за многие сотни вёрст, нужны были какие-то минимальные ресурсы, хотя бы — лошади, повозки и хлеб в дорогу.

Бежавшие в леса староверы выключились из общего государственного экономического оборота, решительно уклоня-

лись от уплаты налогов; по существу, создали альтернативную самодостаточную экономику, мало связанную с общегосударственной. От воинской службы они также уклонялись.

Во времена Петра I их называли «нетчиками» — от слова «нет».

Пётр Алексеевич, как известно, изобрёл огромное множество налогов, в том числе — налог на бороды; государевы люди активно пытались взыскивать этот налог со староверов — поскольку они, разумеется, бороды брить отказывались.

Своих покойников они хоронили по старому обычаю, в дубовых колодах, изготовленных из цельного дубового массива. В 1705 году по приказу Петра был введён огромный налог на дубовые гробы: 400% от цены производителя (то есть, гробовщика). А в 1723 году изготавливать дубовые колоды и вовсе запретили: вышел указ Сената «О неделании дубовых гробов». Об этом написано у историка Костомарова.

Дочь Петра, императрица Елизавета, сделала много хорошего для России, но в её правление репрессии против староверов резко усилились.

Староверы уклонялись и от переписей, то есть — мы не можем знать их точного количества. Сто тысяч, двести, триста? А может, пятьсот?

Емельян Пугачёв, предводитель крупнейшего крестьянского восстания, и сам был старовером, и всё ядро его войска — яицкие (уральские) казаки — были староверами. После окончательного разгрома Пугачёв бежал «к Узеням», на территорию нынешней Саратовской области, решив спрятаться в одном из многочисленных раскольничьих скитов; впрочем, не сумел, там же и был схвачен ближайшими товарищами и выдан властям.

Впрочем, не все староверы обретались в лесах. Большая колония возникла в Москве, в районе Рогожской заставы (сейчас это район Лефортово). Есть там и улица Старообрядческая. Рогожское кладбище также считается старообрядческим.

Экономика староверов была более ремесленная и промышленная, нежели аграрная.

Все эти люди не были крепостными, не испытывали помещичьего произвола, не несли в себе рабской психологии. Царя над ними не было — царь был у каждого в голове.

Они ушли в тайный мир, где нет аристократов-землевладельцев, нет чиновников, нет полиции, нет паспортов… Есть только человек, земля под ним и Бог над ним.

Они создали своеобразный анархо-коммунизм, сбалансированный, самоуправляемый.

Трезвый образ жизни, строго организованная экономика каждой отдельной семьи и всей общины привели к росту численности староверов, и, наконец, к твёрдому материальному благополучию. Некоторые современные исследователи называют староверов «идеальными русскими капиталистами». В этом смысле русские староверы чрезвычайно похожи на западных протестантов. И у тех, и у других главными ценностями считался и до сих пор считается упорный труд, самодисциплина и строгая регламентация быта. Русский старовер, как и европейский протестант, — это прежде всего терпеливый труженик.

Европейские протестанты смогли одержать колоссальную историческую победу: в большом количестве перебравшись на новый континент, в Северную Америку, они создали принципиально новую страну, основанную на упорном труде, жёстком самоуправлении, незыблемости светских и религиозных законов.

Американское общество до сих пор очень религиозно. В США я видел телевизионные трансляции воскресных проповедей; они производят сильное впечатление. Для выступлений лучших проповедников арендуются большие стадионы, насчитывающие до 100 тысяч мест, и они бывают полностью заполнены. Выступают и белые проповедники, и темнокожие, и латиноамериканцы, — каждый собирает свою паству. Все проповедники — профессионалы, отлично владеющие вниманием и эмоциями стотысячных живых аудиторий; в результате их выступления напоминают рок-концерты, где огромные толпы

за час-полтора доводятся до оглушительных экстатических состояний.

В России — по-другому. В православии возможно только литургическое общение пастыря и паствы: то есть, в процессе богослужения либо свершения таинства. Есть у нас и свои подлинные златоусты — например, протоиерей Владимир Вигилянский. Но православная церковь не превращает разговор о Боге и вере — в шоу.

13. Парадокс Мельникова-Печерского. Западники и славянофилы. Легенда о «сермяжной правде»

В русской литературе староверы — и крестьяне, и купцы, — подробно описаны в романах П.И.Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1881). По крайней мере, так считается. Но сама судьба Мельникова (и его романов) доказывает, что к середине XIX века староверы давно ушли в тайный мир.

Мельников, во-первых, сам не был старовером. Во-вторых, не был ни крестьянином, ни купцом: родился хотя и в бедной, но дворянской семье, получил хорошее образование. Наконец, самое поразительное: Мельников служил чиновником по особым поручениям и занимался как раз искоренением старообрядчества в Нижегородской губернии — искал и громил спрятанные по лесам скиты, преследовал распространителей старообрядческой литературы. Но вдруг рука потянулась к перу — и Мельников стал описывать жизнь нижегородских старообрядцев.

Деревня у него — это рай на земле, молочные реки, кисельные берега. Пейзанство в чистом виде. Сейчас читать Мельни-

кова-Печерского можно только по необходимости: пишет он плохо и злоупотребляет архаической лексикой.

Печатался он в журнале «Русский вестник» (как и Толстой, Достоевский, Тургенев, Лесков). И платили Мельникову-Печерскому, как и прочим, полистно, что стимулировало писателей — не всех, но самых бедных и решительных — к многословию, надуванию объёма: всё лишнее не только не выкидывалось, но умножалось.

Именно Мельников ввёл в литературный оборот эпитет «кондовый»: на первых двух страницах романа «В лесах» это слово употреблено три раза.

Мельников употребляет определение «изувер» в его первом значении: религиозный фанатик. И сообщает, что изуверов среди заволжских старообрядцев было мало.

Эпопеи Мельникова имели успех у публики, но критики их всерьёз не воспринимали. Мельников был усердным — но лишённым вкуса. За ним заслуженно закрепилась слава «бытописателя».

У него есть множество интересных деталей касательно экономики заволжских старообрядцев, есть меткие и важные наблюдения, например: «Раскол бабами держится, и в этом деле баба голова». Но в целом проход в тайный мир остался для Мельникова закрытым. Некрасов, его современник, описал совсем другое русское крестьянство.

Парадоксально, но романы Мельникова сослужили старообрядцам хорошую службу. Старообрядцы хотели спрятаться — и Мельников им помог: вместо настоящих — создал придуманных, приукрашенных, сусальных. А настоящие так и остались в тени.

Мельников двигался в русле модной в те времена русофильской теории о «народе-богоносце», несущем внутри себя свою правду. Но Мельников действовал столь простодушно и неумело, что положил начало последующим насмешкам над этой правдой со стороны интеллигенции: эту русофильскую правду так теперь и называют, с дежурной иронией — «сермяжной», «исконно-посконной».

Только ленивый не оттоптался над этой кондовой сермягой — а началось всё с Мельникова, желавшего увековечить терпение, трудолюбие, сердечность и чистоту души русского крестьянина.

От Мельникова-Печерского, от его приукрашенных заволжских старообрядцев родилась в русской литературе крепкая традиция. Писатели — русофилы, славянофилы, почвенники — как правило, добрые, высоконравственные, но скучные, унылые, тяжёлые, засупоненные, инда взопревшие; либо лишённые вкуса, либо имеющие большие проблемы со вкусом. А также с юмором, а также и с сюжетосложением.

А либералы-западники — наоборот, сплошь блестящие остроумцы, шикарные, интересные, весёлые. Злоязыкие бунтари. И вкус у них есть; не у всех, но у лучших.

Эта традиция существует только в литературе. В классической музыке славянофилы Мусоргский, Глинка, Римский-Корсаков, Стравинский — сплошь глыбы. В живописи славянофилы Нестеров, Васнецов, Билибин — великолепны.

В литературе же — как погнал Мельников-Печерский свою кондовую, справную телегу, так она и ехала, взопрев донельзя, до новейших времён, — когда мы вдруг с удивлением обнаружили, что крестьянство, в его обычном понимании, исчезло.

Аграрные технологии серьёзно усовершенствованы, сельское хозяйство интенсифицировано. Вместо крестьян у нас теперь фермеры. Голод побеждён, Россия экспортирует и зерно, и минеральные удобрения. Мясо, молоко и масло есть — а сермяжной правды, наоборот, нет, и до сих пор непонятно: была ли она?

Даже лучшие «деревенщики» — Распутин, Белов, Абрамов — описывали крестьянский труд главным образом в связи с катастрофой советской деревни, с её концом, составляли хронику смерти: патриархальное есть, но уходит. Оно было, но скоро его не будет.

Бесконечно тяжёлая, однообразная работа, со сгибанием хребта, с погружением рук, с навозом и грязью под ногтями, — трудно поддаётся художественному описанию именно по при-

чине своего однообразия. В природе не бывает ничего нового. Весна сменяет лето, кошка ловит мышей, куры несутся. Собака лает — ветер носит.

Однообразие труда — когда рассчитан каждый день, неделя, месяц и год — вводит крестьянина в транс, или, если угодно, в исихазм. Крестьянин не делает лишних движений. Нет у него и лишних мыслей.

Невозможно заинтересовать читателя историей о том, как человек просыпается на рассвете и уходит на огород, и дотемна там работает, кормит кур, пропалывает грядки. Нельзя остановиться ни на один день: завтра сорняки на грядках вырастут выше, и выполоть их будет труднее.

Русская литература, начиная с того же Мельникова, не хотела замечать запаха животных, запаха навоза, компостных ям, перегнивающих фекалий. Нет лучшего удобрения, чем фекалии. Но как это воспеть?

Козье молоко лечит от многих болезней, но от козы — воняет, и если у тебя есть коза, ты будешь вонять так же.

Сельское хозяйство — это когда трудолюбивый, терпеливый, неглупый человек посвящает всю свою жизнь перетаскиванию дерьма. Запахи перегнивающих, перебродивших фекалий обещают крестьянину добрый урожай, а значит, можно дотянуть до следующего года, а там что будет — бог даст.

Крестьянин обрабатывает землю — и сам превращается в землю, срастается с землёй.

Мельников-Печерский не смог выразить это драматическое сращение с землёй, метафизическое, всегда вынужденное, ибо человек на земле никогда не управляет своей судьбой, а всегда подчинён природному ходу.

В русской литературе крестьянский труд первыми описали дворяне; сами они если и работали на земле, то лишь по своей прихоти, как Левин в «Анне Карениной». Все они, от неловкого Мельникова-Печерского до великого Толстого, искренне любили крестьянина, но была у них и корысть. Они хотели, чтобы «народ-богоносец» выдал им свою правду. Ту самую, «сермяжную», из толщи народной.

Так у Солженицына Иван Денисович, находясь в лагере, работая по принуждению за шлёмку баланды, тем не менее проявляет усердие и радуется, что у него хорошо выходит: он любит труд. Он спасается в труде; он свободен в труде. Вот, значит, правда народа, полагает Солженицын.

А вот у Достоевского и Шаламова каторжане и лагерники ненавидят физическую работу — она сначала изнуряет, а потом и убивает человека. И это тоже — правда. Поговорка «От работы кони дохнут» правдива — потому что лошади далеко не столь выносливы, как люди.

Достоевский отбыл на каторге четыре года, всё время в окружении «людей из народа», и правды у них — не искал. Но у него есть краткое описание сибирских старообрядцев: «Это был сильно развитой народ, хитрые мужики, чрезвычайные начётчики и буквоеды и по-своему сильные диалектики; народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени». Есть там же, в «Записках из мёртвого дома», замечательный портрет старика-старообрядца, осуждённого за поджог единоверческой церкви. Старик был известен исключительной честностью, и каторжане отдавали ему на хранение свои деньги — он их прятал в тайник и потом выдавал по просьбе владельца, никогда никого не обманул, и самого его никто никогда не пытался обворовать.

Староверы появляются у многих русских писателей — например, у Шишкова в романе «Угрюм-река». Но во второй половине XX века исчезают из литературы по понятным причинам: Советский Союз был страной научного атеизма.

Интересный персонаж-старовер появился однажды в романе Валентина Иванова «Жёлтый металл», — но ненадолго: роман вышел в декабре 1956 года, а уже через четыре месяца, в апреле 1957-го, был изъят отовсюду и запрещён, и в советское время не переиздавался. Это интереснейший (на основе реальных событий) криминальный очерк о нелегальном рынке золота в послевоенном СССР. Среди множества злодеев, воров, спекулянтов и проходимцев, которые все сплошь евреи, грузины, татары, азербайджанцы, есть лишь один этнический рус-

ский, да и тот неправильный, враг советской власти, старик Зимороев, старообрядец. Валентин Иванов — писатель талантливый, и персонаж получился ярким и обаятельным. Про себя Зимороев говорит только во множественном числе: «мы». Скупщик золота Зимороев, уже очень пожилой человек, — в финале романа арестован, признался во всём, предстал перед судом и в последнем слове заявляет: «Прошу суд учесть наш возраст и дать нам, сколько мы принять сможем. Годочков пять мы ещё примем. А больше может и не выйти. Так что в долгу перед судом не остаться бы нам». То есть, старик не хочет уносить в загробный мир свои долги: вот такой спекулянт.

Что же до Мельникова-Печерского — в советское время его не забыли, провели по линии фольклора и этнографии; собрания сочинений выходили дважды — в 1963 и 1976 годах.

Не всё было так просто в те времена, которые и я застал. В СССР семидесятых годов на уровне идеологии и пропаганды повсюду был утверждён атеизм. Но в среде образованной интеллигенции, творческой элиты и богемы интересоваться религией, православием — было модно. Это считалось фрондой, андеграундным хобби. Ездили и по святым местам, по монастырям: Нагибин в своём дневнике описывает множество таких путешествий.

Никуда не делись и русофилы, патриоты, знатоки и защитники русской старины: тот же Валентин Иванов, академики Лихачёв и Рыбаков, художник Глазунов, поэты Станислав Куняев, Олег Чухонцев — по сути, в той или иной степени, русские националисты, они себя таковыми объявить не могли или не хотели; многие были членами КПСС; они не считали себя и верующими православными христианами, а русское православие рассматривали как уникальный культурный и исторический феномен. Это — наиболее верная позиция и до сего дня.

Писатель Владимир Солоухин разыскивал и собирал иконы, написал об этом роман «Чёрные доски». Собирать иконы было модно и престижно, появились и западные коллекционеры русских икон, появилась и контрабанда. Причём мода на

русские иконы держалась долго. В 1996 году в Лефортовской тюрьме я сидел в одной камере с человеком по фамилии Эренбург: он обвинялся в контрабанде икон, имеющих музейную ценность.

Протаскивать религиозные, библейские, христианские мотивы в произведения литературы, живописи, кинематографа было почти невозможно. Те, кому удавалось это сделать, считались героями. Тарковский использовал в своих фильмах библейские символы — горящий куст, хождение по воде, — и это ошеломляло. Художник Глазунов сделал себе имя на работах, использующих православную тематику.

Славянофилам противостояли столь же сильные западники, технократы, «горожане», талантливые, обаятельные, остроумные, шикарные. Лучшие из них — братья Стругацкие и Василий Аксёнов. Седая старина их не интересовала, они писали о сегодняшнем дне либо о будущем, и завоевали сердца молодёжи. В их книгах нет ни веры, ни религии, а есть жизнелюбие и наслаждение плодами прогресса. Разумеется, и западники-либералы были фрондой по отношению к советской власти. Уж так была устроена советская власть в последние свои двадцать лет, что умудрилась настроить против себя и славянофилов, и западников, всех талантливых, а подкармливала — только самых серых и услужливых, что выразилось в афоризме Стругацких: «Я боюсь тьмы, потому что во тьме все одинаково серые» (написано в 1962 году). При этом братья-фантасты в первом периоде своего творчества явно верили в коммунизм: в то, что человека можно переделать из жлоба — в коммунара.

Однако наиболее мощные фигуры русской культуры семидесятых занимали центристские позиции, поднимаясь над дискуссией — каждый по-своему.

Высоцкий — национальный поэт до последнего хряща, но славянофилом его не назовёт ни один дурак. «Ни церковь, ни кабак — ничего не свято».

Бродский — полагал себя античной фигурой, то есть по сути был язычником (да, так). Высланный из СССР, он потом

не сказал о своей стране ни одного плохого слова — даровал обидчикам христианское прощение.

Тарковский — вроде бы «западник», но создатель фильма «Андрей Рублёв», основополагающего для русской цивилизации второй половины XX века.

Лимонов — и западник, и русский националист, одновременно и тоталитарный, и абсолютно свободный.

Посмотрим на этих четверых — и увидим, что они повсюду невыносимо противоречивы, но силой характера, ума и таланта — могли снять любое противоречие. Высоцкий мог выдать: «Да, у меня француженка жена, но русского она происхожденья». И невинный простецкий юмор этой фразы приводил слушателя к прощению, к снятию противоречия.

Высоцкий, Довлатов, Аксёнов, Алешковский подпитывались от традиций смеховой, карнавальной культуры, а смех — противоположен лжи и снимает любой конфликт. Смех есть главный враг лжи, любого вранья. Шут всегда говорит правду, для этого он и нужен. Как не стоит село без праведника, так не стоит царство без шута.

Писатели Леонид Леонов и Юрий Нагибин, кинорежиссёр Алексей Герман, — наоборот, подпитывались от мизантропии, от нелюбви к человеку, но их нелюбовь есть та же любовь, только с обратным знаком. Более всех любят людей — именно мизантропы; однако не все, а лишь самые талантливые.

В позднем Советском Союзе семидесятых годов все эти совершенно разные люди не имели возможности спорить меж собой. В числе других запретов, ограничивающих свободу человека, был и запрет на дискуссии. Нельзя было спорить ни с марксизмом-ленинизмом, ни с научным атеизмом. Запрет на дискуссии породил эффект фиги в кармане. То, что нельзя было говорить вслух, — произносилось в уме.

Появились уникальные — очень умные — читатели, слушатели и зрители, умеющие вычитывать между строк, видеть фигу спрятанную, тайную; видеть протест в намёке.

Но в итоге запрет на свободное выражение своего мнения привел к деградации русской культуры. Кого изгнали: Брод-

ский, Солженицын, Галич. Кто уехал сам или сбежал: Нуреев, Барышников, Неизвестный, Шемякин, Тарковский, Аксёнов, Довлатов, Лимонов, Мамлеев. Кто умер: Высоцкий, Шукшин, Даль, Енгибаров, Шаламов. Произошёл экзистенциальный, метафизический надлом, тяжёлый кризис. Сначала — усекновение культуры, а потом оно привело к катастрофе идеологии, и далее к катастрофе государственного управления, когда умерли три подряд генеральных секретаря, один за другим: Брежнев, Андропов, Черненко.

Но первым сошёл во гроб — главный идеолог, Михаил Суслов: 25 января 1982 года, в возрасте 79 лет. На девять месяцев раньше Брежнева — тот усоп 10 ноября того же года, в 75 лет. Идеология всегда умирает первой. Суслов ушёл — и потащил за собой своих друзей, троих, одного за другим.

Так и кончился Советский Союз: сначала кризисом культуры, а затем смертями стариков. Три года подряд — похороны. Три года подряд ядерная космическая сверхдержава жила в завываниях траурных труб.

Реформатор Горбачёв пришёл уже на развалины. Он провозгласил «ускорение» — но безногий ускориться не может. Он провозгласил «перестройку» — но нечего было перестраивать: фундамент лопнул.

Советский Союз в конце XX века энергетически истощился — точно так же, как Россия Алексея Михайловича в конце XVII века. История повторилась спустя триста лет. Только после Тишайшего на трон упорно сажали немощных цинготных мальчиков, а в СССР — маразмирующих стариков, но столь же немощных.

Сходство слишком очевидно. В обоих случаях — правящая элита, не желающая ничего менять, провозглашала лидерами слабосильных инвалидов, которые не выдерживали бремени власти и умирали, а элита всё цеплялась за своё: один помер — найдём другого, а если тот помрёт — и третьего.

При этом — немощные временные правители, каждый по-своему, достойны и добрых слов. Не будем отзываться о них с обывательским пренебрежением. Слабенький Фёдор III, пре-

емник и старший из выживших сыновей Алексея Тишайшего, — стал царём в 15, умер в 20, правил всего пять лет, — но пытался что-то сделать: при нём, например, отменили местничество.

Несчастный астматик Константин Черненко взошёл в Генсеки в 72 года, умер в 73 года, а по рождению был — сибиряк, крепкий, воевал, был дельным, толковым администратором, помощником Брежнева. Инициативами не отметился, но работал — на износ.

Не мы их судим; История судит.

История любит сильных героев, а также их врагов, злодеев, — герой становится самим собой только в схватке со злодеем, не менее сильным, чем сам герой. И чем сильнее злодей — тем больше подвиг героя, его сокрушившего.

После ухода сильного героя возникает пауза, заполненная слабыми временщиками. Но эти слабаки — тоже насущно необходимы истории: именно на их фоне сияют великие герои. Великих и сверкающих героев не может быть много; логика истории требует, чтобы великие герои были единичны, редки, — на то они и великие. Франция знает только одного Бонапарта и одного де Голля. Англия знает только одного герцога Веллингтона и одного адмирала Нельсона. Россия знает только одного Юрия Гагарина. Сущность славы героя — в её уникальности.

Общество жарко требует героев. Так же жарко востребованы и злодеи.

Приходится признать, что в истории раскола реформаторы во главе с Никоном выглядят как злодеи, хотя они и победили. А старообрядцы во главе с Аввакумом — как герои. Они проиграли — но не сдались, не согнулись; бежали, но уцелели.

14. Страна, государство, народ и народы. Нация. Империя. Цивилизация

Российское государство никогда не было совершенным, высокоэффективным, и тем более — идеальным.

Но это государство — единственное на планете, разговаривающее с нами, русскими, на нашем родном языке.

Англичанин может уехать в США, оттуда перебраться в Канаду, из Канады — в Австралию, и его везде поймут. Русский лишён такой возможности.

Однако Россия — не государство, не страна, не империя. Россия — это цивилизация. У государства есть границы, у цивилизации — границ нет.

Страны, государства, народы, империи — исчезают. Цивилизации тоже исчезают, но в единичных случаях, и никогда не бесследно.

Древнеегипетские фараоны были тиранами, человеческих жизней не жалели — но спустя пять тысяч лет десятки миллионов людей приезжают со всех концов света, чтобы посмотреть на их гробницы. Исчезла ли цивилизация Древнего Египта? Конечно, нет.

Русской цивилизации не грозит исчезновение; скорее, наоборот.

К русской цивилизации принадлежит каждый, кто владеет русским языком.

Цивилизация — это способ мышления, бытования, система принципов и приёмов государственного управления, хозяйствования, экономической деятельности, взаимовыгодного сожительства людей разных национальностей и религий. Цивилизация всегда распространяет вокруг свет, излучает культуру. Цивилизация — это здравоохранение и образование, это социальные лифты, это возможность для каждого сына пастуха стать академиком или генералом.

Цивилизация активно набирает отовсюду ресурсы. Исторически наша цивилизация очень много заимствовала у соседей: у татаро-монголов мы переняли почтовую систему, у итальянцев — строительные технологи, у голландцев — кораблестроение. Известно, что половина атомных секретов была добыта советской разведкой в США в 1943–1947 годах. Таких примеров множество. В заимствовании нет ничего плохого: иногда дешевле скопировать самолёт или двигатель, чем разрабатывать с нуля. Американская цивилизация развивается по тому же принципу: талантливые инженеры и программисты скупаются десятками тысяч по всему миру. Изобретатель вертолёта Сикорский и изобретатель телевизора Зворыкин — великие американские инженеры, но принадлежат они к русской цивилизации: в ней они сформировались.

Русская цивилизация возникла на специфической территории, в целом малопригодной для полноценного существования. Человек, принадлежащий к русской цивилизации, исторически и биологически приспособлен для жизни именно на этой конкретной территории. Он умеет обживать снежные и ледяные пространства. Жестокие морозы и огромные расстояния его не только не пугают — наоборот, возбуждают.

На нашей земле успешно хозяйствовать можем только мы — и никто другой. Именно поэтому русская цивилизация неуничтожима.

15. Выводы

1

Я стараюсь вообще не судить людей, не давать оценки их действиям. Мне кажется важным видеть в каждом человеке хорошее, и радоваться тому, что вижу. А плохое увидят и без меня. Я стараюсь не судить даже убийц, и с несколькими убийцами, отбывшими наказание, состою в товарищеских отношениях. Я не комментирую событие, если сам в нём не участвовал, не видел его собственными глазами. Описывая давно прошедшие исторические события, я стараюсь опираться только на работы профессиональных историков.

Все исторические факты, изложенные в этой книге, давно известны. Профессионал не получит никакой новой информации. Эта книга написана для широкого читателя. Книга сделана в честь конкретного человека, ради прославления имени одного из отцов русской нации, духовного лидера и великого писателя.

Рафинированные интеллектуалы, философы — также вряд ли найдут в книге что-то интересное. Большинство идей, мною озвученных, уже много раз обсуждались.

Но я никогда не забываю фразу Оруэлла: «Даже самые простые истины нуждаются в повторении». Повторять старое — не менее важно, чем открывать принципиально новое. Повторение — мать учения.

Протопоп Аввакум Петров — не религиозный фанатик. Он не стоял на пути прогресса. Он не посылал людей в огонь. Он сражался против лжи, лицемерия, профанации великих идей, против использования церкви в интересах властолюбцев и политиканов.

Сейчас нам нужно больше таких людей; а их, увы, всё меньше. Мы живём во времена тотального торжества лицемеров и манипуляторов всех мастей. Мы всё чаще видим, как под видом реформ прокручиваются бесстыднейшие махинации.

Аввакум был, возможно, первым историческим деятелем, погибшим в борьбе с лицемерием.

Сытый не должен призывать голодного к терпению. Чревоугодник не должен проповедовать воздержание. Развратник не должен склонять к целомудрию.

Если хочешь, чтоб за тобой пошли босые, — сними сапоги.

Если призываешь к казням — будь готов сам стать палачом и сам отправиться на плаху.

Если борешься за справедливость — не произноси ни слова лжи, всегда говори только правду.

Если борешься против глобального потепления — выброс свой компьютер и телефон, выключи в доме электричество и отопление, не пользуйся транспортом.

Лидер увлекает людей сначала личным примером, а уж затем — пламенными речами.

Не то плохо, когда сытые правят голодными; так было всегда. А то плохо, что сытые хотят, чтоб голодные их любили и уважали.

2

Важно уметь опознавать манипуляторов. Сейчас манипулятор — это высокооплачиваемая востребованная профессия. У манипуляторов есть своя разработанная теория, свои учебники, свои гуру. Манипулятор избегает прямой лжи, но никогда не говорит и всей правды. Манипулятор всегда необычно

выглядит, потому что первое правило манипуляции — нужно уметь обращать на себя внимание.

Более важным является второе правило манипуляции: чтобы управлять человеком (или группой людей), следует вывести его (их) из равновесия, в идеале — напугать. В обычном состоянии человек обладает естественной психологической защитой, он недоверчив, он мыслит критически; так устроен его разум. Но если он испытывает страх — защита слабеет, её можно пробить. Как только вас начинают пугать гиперинфляцией, или глобальным потеплением, или неминуемым нашествием иноземного врага — будьте уверены, вами пытаются манипулировать. Американский народ полвека пугали коммунистами, а под это дело вытаскивали из карманов людей деньги на постройку авианосцев. То же самое делали и в СССР, и в Китае.

Искусство — тоже манипуляция, и высокого уровня. Когда вы входите в кинозал, садитесь в кресло, и гаснет свет, — вы отдаётесь во власть умелых манипуляторов, и они, используя набор профессиональных приёмов, целиком овладевают вашим вниманием; два часа пролетают незаметно.

Интернет и социальные сети дают огромный простор для всевозможных манипуляций, но тут не следует заблуждаться. Современный цифровой мир — это царство видеоконтента, а его производство требует вложения больших ресурсов. Действия в цифровом мире должны обеспечиваться действиями в реальном мире. Цифровая вселенная обслуживает реальную вселенную и полностью от неё зависит. Цифровые боги пока невозможны; любой лидер мнений действует сначала в живой реальности, а уж потом в цифровой.

Писатель, просто публикующий тексты в Сети, может потратить десятилетия для того, чтобы стать популярным. Для подтверждения своего статуса ему нужны реальные бумажные книги, реальные встречи с читателями, лекции, пиар-акции, громкие заявления.

Реформа Никона была, возможно, первым в истории России примером искусной масштабной манипуляции общественным сознанием. Народ находился под властью царя и выполнял

его волю. Но то — светская власть, а Никон дерзнул перестроить церковную власть, основанную на широком взаимодействии с паствой, на обратной связи от рядовых членов общины. Священник — не начальник человеку, он не может насильно заставить его прийти в храм. Вера — дело добровольное. И тогда Никон — тоже пионер в своём деле — стал использовать манипулятивные, пропагандистские приёмы. Замена двуперстия троеперстием стала таким приёмом: самый тёмный и неграмотный человек мог показать своё отношение к реформе, просто сложив пальцы особым образом. Аввакум, в свою очередь, оказался первым, кто разоблачил манипуляцию, вскрыл механизм лицемерного фокуса. Громкие заявления, учёные речи, солидный внешний облик реформаторов, поддержка со стороны власть имущих, участие иностранцев, владевших тремя-четырьмя языками, — Аввакум на это не купился.

У сидельцев русских тюрем есть правило: не слушай, что человек говорит; смотри, что он делает. В обычной жизни любой из нас умеет маскировать свою глупость, жадность, беспринципность или духовную пустоту внешним обликом, приятными манерами. В тюрьме же люди сплющены в телесный брикет, а при тесном сожительстве глупец не может долго выдавать себя за умника. Видно всё: бытовые привычки, наклонности, интересы.

Чтобы узнать человека, надо меньше его слушать, а больше наблюдать. Любой из нас, сознательно или несознательно, владеет приёмами социальной маскировки; так уж мы устроены. Слова маскируют истинные намерения — и только поступки, реальные действия, выказывают нашу сущность. Вокруг нас — множество красивых, остроумных, хорошо воспитанных людей, умеющих держать себя солидно; часто такие люди талантливы, умны, обладают отменным вкусом, находиться в их обществе приятно, — но вдруг, внимательно понаблюдав за их поступками, мы обнаруживаем там, под слоем маскировки, других людей: жадных, ленивых, эгоистичных и неглубоких. Чем сложнее устроено общество, тем легче удаётся нам социальная маскировка; но не всё то золото, что блестит.

Патриарх Никон был красив, умён и блестел так, что глазам было больно, — но каковы его поступки и последствия этих поступков? Раскол церкви и тысячи замученных, заживо сожжённых. Протопоп Аввакум в конце жизни обратился в Иова, покрытого смрадными язвами, — но он, не двигаясь с места, при помощи угольков и клочков бумаги указал путь сотням тысяч крепких, сильных, твёрдых мужчин и женщин.

16. Биографы Аввакума и наука о нём

Пётр Великий упразднил сан патриарха русской православной церкви и закрыл византийский проект. Вместо того, чтобы сражаться за восточную столицу — Константинополь, Пётр с нуля создал новую столицу, западную, европейскую, и назвал своим именем. Церковная вестернизация сменилась тотальной светской вестернизацией. Реформы Петра были столь громадны, что церковная реформа никониан потерялась в их тени. Сейчас среднеобразованному человеку реформа Никона кажется мутной неловкой вознёй, ссорой бородатых религиозных фанатиков, а деяния Петра — блестящими, титаническими, ультрапрогрессивными.

Но Пётр был умён, и опыт церковной реформы Никона внимательно изучил. Он увидел, что реформа — любая, церковная или светская, — дело крайне болезненное, что резать всегда приходится по живому; и жертвы — неминуемы.

Это обстоятельство, кстати, плохо осознавал Михаил Горбачёв, затевая Перестройку: он наивно полагал, что весь народ радостно приветствует реформы, что недовольных не будет, что кровь — не прольётся.

Далее, Пётр учёл — не сформулировал, но скорее предчувствовал, — важнейшую идею исторической инерции. Социальное общество — система очень тяжёлая, её прямолинейное

движение невозможно остановить за год, или за три года; чтобы изменить направление, нужно прилагать огромные усилия на протяжении многих лет, и вдобавок, что не менее важно, — быть готовым к тяжёлым потерям.

Русская церковь в результате никонианской реформы понесла огромные потери, от неё отпала значительная часть адептов, сотни тысяч прихожан, самых сильных, твёрдых и смелых. Пётр это понимал. Приступая к своим реформам, он заранее был готов к яростному, кровавому сопротивлению. Ведь противники преобразований могли и устранить Петра. Против царя играла его сестра Софья, и лояльное Софье стрелецкое войско, и сильные придворные партии, боярские фамилии.

Церковная реформа Никона предвосхитила светскую, и стократ более масштабную, реформу Петра, и опыт той реформы, возможно, спас Петра от многих ошибок, или даже от гибели.

Так что Никон, при всех его недостатках, парадоксально оказал услугу и Петру, и нашей истории, и нашей цивилизации.

И, конечно же, протопоп Аввакум, как лидер противников реформы Никона, не был нужен Петру ни в каком качестве. Упрямый бородатый ретроград, пропагандист всего отсталого и дремучего, лапотник, смутьян, — он никак не вписывался в мир, создаваемый Петром.

И Аввакума вычеркнули из официальной истории.

Впервые «Житие протопопа Аввакума» напечатали типографским способом только в 1861 году, спустя почти двести лет после написания. Сделал это историк и издатель, профессор Московского университета Николай Тихонравов.

Год 1861-й, как все мы помним, — великий год, когда в России было отменено крепостное право. Очередное совпадение, ещё одно схождение силовых линий в тайном мире Истории.

Но на этом мистические тайные пути Аввакума не закончились. Первое серьёзное исследование трудов Аввакума и его биографии было сделано только в советское время, в период торжества научного атеизма, когда церковь была отодвинута далеко на обочину общественного развития, когда члены Ком-

мунистической партии не могли и помыслить о том, чтобы крестить своих детей.

Первое исследование текстов и биографии Аввакума сделал советский филолог, доктор наук, собиратель древних рукописей Владимир Иванович Малышев (1910–1976).

Далее деяния Аввакума и его тексты тщательно исследовал академик Александр Михайлович Панченко (1937–2002).

Если бы Аввакум узнал, что через триста лет после него Россия превратится в царство принципиального безбожия, храмы будут уничтожены и поруганы, — он бы, безусловно, проклял бы такой порядок всеми страшными клятвами. Но оказалось, что изучать и исследовать судьбу и память Аввакума начали именно люди из социалистического безбожного общества.

С середины восьмидесятых, когда исчез идеологический контроль за исторической наукой, появились тексты и других исследователей — как профессионалов, так и энтузиастов.

В первую очередь это Николай Анатольевич Окладников (1928–2014), историк, краевед, журналист, энциклопедист, этнограф, почётный гражданин Мезени и, между прочим, ветеран правоохранительных органов, следователь, удостоенный мемориальной доски на здании УМВД в Нарьян-Маре. Окладников написал несколько научных монографий, посвящённых Аввакуму и русским старообрядцам.

Наконец, создана и подробная литературная биография Аввакума, автор её — писатель, поэт, философ Кирилл Яковлевич Кожурин. Первая всеобъемлющая история жизни Аввакума, первая большая книга Кожурина о нём — «Протопоп Аввакум. Жизнь за веру» — вышла в 2011 году, спустя 329 лет после его смерти. За ней последовали ещё несколько.

Когда-нибудь появится отдельное направление исторической науки, посвящённое Аввакуму. И какой-нибудь хороший упорный историк объединит в одно целое сюжеты Тихонравова, Малышева, Панченко, Окладникова и Кожурина. Эти пятеро извлекли Аввакума из тьмы веков, частично вывели его из тайного мира и предъявили широкой публике, встроили Аввакума в культурный контекст.

Последнее по времени большое достижение в области науки об Аввакуме совершила профессор филологии Наталья Владимировна Понырко, выпустившая в 2010 году новейший перевод «Жития Аввакума», с приложенным подробным справочным материалом, пояснениями и комментариями. Вероятно, перевод Н.Понырко, всесторонне откоментированный, на сегодняшний день является наиболее полным вариантом Книги Аввакума — то есть, собственно его текста, — и справочного материала, необходимого для исчерпывающего понимания.

Однако широкая публика вряд ли возьмёт Аввакума в качестве популярной фигуры: история его — слишком страшная, там слишком много крови и жестокости. Детям не покажешь, категория строго 18+. Изнурение, холод и голод, поедание мертвечины, избиения, отрезание языков, отрубание рук, сидение в гнилых ямах, смерть на костре. Апофеоз насилия. Вдобавок — непонятно за что бился: за прежнее, против нового. Ему навязывали реформу, а он её не принял. Встал на пути прогресса. Сложный персонаж. Осмысливая его биографию, читатель получает множество поводов для серьёзных размышлений. А широкая публика не любит думать. Широкий читатель напрягает свой мозг на работе, добывая кусок хлеба, и очень устаёт.

В русской литературе есть отдельная «северная» традиция, «литература Русского Севера», множество имён и широко известных, и менее известных: Фёдор Абрамов, Василий Белов, Владимир Личутин, Ирина Карнаухова, Ксения Гемп, Арсений Ларионов. Протопоп Аввакум, хотя и не родился на Русском Севере, — неоспоримый основоположник северной традиции. В романе Личутина «Раскол» он — один из главных героев.

Был период, с середины семидесятых и до середины восьмидесятых годов, когда «литература Сибири и Русского Севера» фактически стала магистральной, противопоставлялась условно либеральной, городской прозе, поощрялась. То был странный феномен. С одной стороны, советская литература вроде бы считалась интернациональной. Киргизский сочинитель Чингиз Айтматов, или чукотский автор Юрий Рытхеу, или

Владимир Санги, принадлежащий к сахалинскому народу нивхов, продвигались чрезвычайно активно и были в моде. Но при этом в ещё большей моде была литература «деревенщиков», представленная сибиряком Астафьевым, алтайцем Шукшиным, северянами Абрамовым и Беловым. Московские гуманитарные юноши и девушки ездили в этнографические, филологические экспедиции, собирали фольклор. С идеологической точки зрения, такая активность укрепляла здание русской цивилизации. Если некий гуманитарий рекомендовал себя как «фольклорист» — это никого не удивляло, наоборот, вызывало интерес и даже уважение. Эта мода на фольклор, на этнику — продержалась недолго, не более 15 лет, и потом исчезла в первый же год горбачёвской гласности: совсем другая литература тогда хлынула на прилавки.

Но всё же импульс корневой, деревенский, импульс сибирский и северный — был силён. Его нельзя было оспорить. «Деревенщики» отлично знали жизнь, материал, не врали, и язык их был богат и сложен. И у всех за спинами маячил Аввакум, по рождению — нижегородский, но по содеянному — сибирский и северный человек, в любом случае — никак не московский.

Во второй половине восьмидесятых и далее, когда Запад раскрыл России свои объятия, — яростный враг латинства Аввакум вообще перестал укладываться в магистральную концепцию. Через три столетия после смерти он снова оказался неудобен, шёл в противоход тенденциям и государственной воле.

А Россия устроена так, что если нет государственной воли — так и ничего нет; частная инициатива здесь ничего не решает.

Аввакум не пришёлся ко двору при жизни, триста лет назад, — и точно так же оказался неудобен и в новейшие времена. Его именем не называют улицы, ему не воздвигли монументов на центральных площадях столиц. Не существует ни института Аввакума, ни фонда Аввакума, ни премии его имени. Аввакум остался обитателем тайного мира; кому надо — тот узна́ет, а кто не знает — тому, значит, и не надо знать. Официальная

Русская православная церковь также совершенно не заинтересована в популяризации фигуры Аввакума. Раскол — тема болезненная. Свои жгли своих. Ни достижений, ни славных побед, — лишь кровь, огонь и гной.

Возможно, так предопределено. Мы не знаем всех законов движения Истории. Мир больше, чем наше представление о нём. Всякий закон, открытый нами, является лишь частью большего закона, нам пока неведомого. В будущем — завтра, или через сто лет, — историки откроют новые законы развития. Фигуры, ныне почти забытые или специально замалчиваемые, превратятся в героев огромного масштаба. Появятся новые теории, объясняющие, почему люди не умеют жить мирно, почему реки крови до сих пор текут по земле, которая дана нам для счастья.

Возможно, мы даже до этого доживём.

Ничто не стоит на месте, вот и мы не будем. Ино ещё побредём.

Конец третьей части.

Часть четвёртая

Дед Константин

Необходимое предуведомление

Здесь впервые будут опубликованы избранные места из воспоминаний Константина Васильевича Рубанова (1911–1996), директора Узуновской средней школы, заслуженного учителя РСФСР. Они были написаны в 1986 году, и я оставался единоличным владельцем этой рукописи всё это время. Более того, именно я и уговорил своего деда написать воспоминания.

В том же 1986 году я — тогда школьник, десятиклассник — расшифровал первые главы рукописи и сделал машинописный вариант. Работал на печатной машинке, сильно изношенной, списанной из бюро проката и выкупленной за 9 рублей.

Затем я ушёл на срочную службу в Советскую армию, а когда вернулся — меня поглотили совсем другие идеи и замыслы. Рукопись деда была отложена в дальний ящик до лучших времён.

Закончились восьмидесятые годы, прошли девяностые. Рукопись деда хранилась надёжно, но что с ней делать — я не понимал. Наверное, рукопись следовало бы отдать наборщику для расшифровки, а затем издать брошюрой, тиражом в 50 экземпляров, — и раздарить многочисленным родственникам. Тогда ещё живы были все трое детей деда Константина: мой отец Виктор, тётка Надежда и дядя Евгений.

Я отсидел в тюрьме, затем долго и непросто налаживал жизнь, затем опубликовал первый роман, второй, третий — но как быть с мемуарами деда Константина, не имел понятия.

Мне казалось, что рукопись имеет ценность исключительно как частная, семейная хроника.

Меня пожирали амбиции. Я полагал, что если опубликую рукопись деда, то уроню свой масштаб, и критики скажут: «Глядите, Рубанов кончился, ему не о чем больше писать, он публикует мемуары родственников».

Прошло ещё пятнадцать лет. Я кое-чего достиг в направлении художественной автобиографии, сочинил романы и сборники рассказов, гордо объявил себя последователем Лимонова и Довлатова. Но однажды рамки автофикшн показались мне тесными. Я оказался вовлечён в написание киносценариев на темы древней и новейшей истории России, и выпустил два романа на те же темы. Я советовался со многими профессиональными историками, и они сказали мне: «В исторической науке главное — обнаружить уникальное свидетельство; воспоминания очевидцев, особенно подробные и литературно оформленные, имеют такую же значительную, первостепенную ценность, как и архивные документы». На основе рукописи вашего деда, сказали мне историки, можно написать серьёзную монографию или диссертацию.

Но и тогда я не очень понимал, что делать с рукописью деда Константина, — пока не наступил 2020-й, год 400-летнего юбилея Аввакума, и я не загорелся идеей создать большой документальный фильм о нём. Когда стало ясно, что с фильмом ничего не получится, — остался только один вариант: написать книгу. Тут-то пригодилась и рукопись деда: село, где он родился и вырос, основали бежавшие от преследования властей старообрядцы, и спустя столетия те места в глухих лесах Нижегородской области ещё сохраняли тот старообрядческий дух, местные жители хранили старую веру и уклад жизни.

Но книгу об Аввакуме я писать — побаивался: ответственность слишком велика.

Помогла мне — Аглая Набатникова, кинорежиссёр, писатель и моя единомышленница. Именно она подсказала формат. Не пиши книгу про раскол, не пиши про Аввакума, сказала она мне. Такие книги уже есть. Напиши — комментарий к книге

самого Аввакума. Не пиши — про него; пиши, отталкиваясь от него.

«Юкио Мисима, — сказала мне Аглая, — написал "Хагакурэ нюмон", комментарий к "Хагакурэ", средневековой "Книге самурая". Так же и ты, взяв пример с Мисимы, можешь написать свой "Аввакум нюмон", свой комментарий к книге Аввакума, потому что его книга — и есть наша русская "книга самурая", наша "Хагакурэ". Общее между этими книгами есть, общее — в главном: обе книги суть учебники стойкости, твёрдости, непоколебимости духа».

Между тем, первоначальные тексты «Хагакурэ» составил японский самурай Ямамото Цунэтомо, родившийся в 1659 году: современник Аввакума. В год смерти Аввакума японскому воину Цунэтомо было 23 года. Его «Хагакурэ» появилось на свет в 1712 году. И выходит так, что «Хагакаурэ» и «Житие протопопа Аввакума» созданы примерно в один и тот же исторический период: русский протопоп сделал это всего на 30 лет раньше японского воина (который, кстати, на склоне лет стал отшельником и монахом).

Принадлежа к разным кастам, разным культурам, разным народам и расам, японский воин и русский священник почти одновременно создали одинаковые книги: о том, что служение есть наивысшая доблесть, о том, что смерть не обрезает жизнь, но становится её венцом и важным фактом посмертной биографии человека.

Как ты жил — важно. Но как ты умер — столь же важно.

В этом смысле смерть как факт и обстоятельство становится частью прожитой жизни, и, таким образом, логически смерть сама себя отменяет, соединяясь с жизнью.

Написание любой книги, создание фильма, спектакля, симфонии, песни, танца, скульптуры — прежде всего требует ключа, особенного художественного способа высказывания. Как рассказывать, для кого, каким языком, в какой форме, насколько подробно? Поиск ключа к повествованию — исходный момент для начала работы. Аглая Набатникова дала мне ключ, им я открыл дверь, ранее запертую.

* * *

Очень кратко, сберегая время и внимание читателя, мне следует сообщить, кто таков был мой дед Константин Васильевич Рубанов.

Родившись в 1911 году в старообрядческой деревне, в заволжских лесах, революционные потрясения в стране он пережил, будучи подростком и юношей. В начале тридцатых он перебрался в Москву и поступил на исторический факультет Московского университета.

В 1934 году, в день убийства Сергея Кирова, они с однокурсниками, ничего не зная о свершившейся трагедии, устроили в общежитии вечеринку. На них донесли, ОГПУ изучило анкету деда — и оказалось, что он скрыл своё кулацкое происхождение: семья в конце двадцатых была раскулачена, его мать получила статус «лишенки» — её лишили гражданских прав, она не могла избирать и быть избранной. Самой ей этот статус никак не мешал — но сыну очень повредил. Деда исключили из Университета, и клеймо кулацкого сына, сына лишенки, преследовало его все тридцатые годы.

Далее дед жил в Москве и работал на стройках. Воевал в финскую кампанию, затем в Великую Отечественную. Боевых наград не имел. Был ранен, контужен и комиссован. После войны работал директором детских домов.

Женился дед на крестьянской девушке Марии Борисовне, в девичестве — Удачиной. Мы все звали её бабушка Маруся. Она работала учительницей начальных классов, но главное её призвание было — земля, крестьянский труд.

В 1965 году дед добился строительства школы в селе Узуново. Школу построили — огромную, в три этажа. Учеников свозили автобусами со всего района. Я учился в этой школе с первого по шестой класс. Дед был директором школы на протяжении 20 лет, преподавал историю и литературу, но его уроки мне не довелось посетить: когда я пошёл в первый класс, в 1976 году, деду было уже 65 лет.

Дед внедрил систему трудового обучения: дети работали в колхозе, колхоз платил деньги школе, на эти деньги школа при-

обретала учебное оборудование и оплачивала поездки учеников по всей стране. Система трудового обучения казалась властям подозрительной: дед трижды был под следствием.

Но система давала плоды: школа была баснословно богата. Свои автомобили и трактора, спортзал, лыжная база, стадион, футбольное поле и хоккейная площадка, стрелковый тир (его строил мой отец), дерево- и металлообрабатывающие мастерские, театральный кружок, оркестр, теплица, фруктовые сады.

Раз в месяц, а то и чаще, в колхозе арендовался автобус, дети ехали в Москву, в музеи, в театры, в цирк. Есть семейный апокриф, как десятиклассники узуновской школы на автобусе выехали в Москву, в Большой театр; дело было зимой, дети явились на представление в валенках, в самовязаных свитерах, фуфайках и штанах с начёсом. Они заняли целый ряд, а перед ними сели — знатоки балета, клакеры, поклонники талантов балетных солистов. Как только тот или иной танцор выдавал сложное па, фуэте или прыжок — клакеры вскакивали, аплодировали и кричали «браво!». Десятиклассникам Узуновской школы, обутым в валенки, это не понравилось, они стали хлопать клакеров по плечам и вежливо уговаривать: «Слушай, друг, давай не шуми, не мешай смотреть представление!». Тут надо понимать, что узуновские десятиклассники, 16-летние, уже были широкоплечими половозрелыми усатыми парнями; дискутировать с ними никто не захотел.

Дед создал в своей школе — и в семьях своих детей — уникальную атмосферу; её можно определить формулой «пожирание знаний и абсолютное, всестороннее развитие личности».

Поощрялись все инициативы. Стимулировались любые творческие поползновения. Если ты хотел рисовать, музицировать, крутить гайки, сажать растения, пинать мяч — тебе обеспечивали все условия. Сыновья и дочери доярок и пастухов получали возможность играть на гитаре и на барабанах, участвовать в спектаклях, петь в хоре, водить грузовик, стрелять из винтовок, паять радиоприёмники.

Так и я сам вырос; мне дали всё. Внутри этого уникального космоса я обретался много лет. Я читал журналы и книги, играл

в хоккей и футбол, бегал на лыжах, стрелял в тире, ухаживал за кроликами и курами, покупал пластинки с песнями группы Стаса Намина. Я дул во все валторны и дёргал рычаги всех тракторов. Как внук директора, я имел доступ во все уголки обширного хозяйства. Мне всё позволяли. Детство моё было лучше, чем у Набокова: изумительно счастливейшее.

Главным сокровищем школы я полагал библиотеку, пропадал в ней целыми днями. Библиотека, не стеснённая в средствах, выписывала все центральные журналы: «Юный техник», «Юный натуралист», «Радио», «Знание — сила», «Наука и жизнь», «Техника — молодёжи», «Моделист-конструктор», «Юность», «Огонёк».

Дед Константин был убеждённым сторонником главного принципа социалистической педагогики: коллектив учителей создаёт коллектив учеников — и с ним работает.

Большинство учителей, в том числе моя семья, жили рядом со школой в так называемом «учительском доме», двухэтажном, на восемь одинаковых двухкомнатных квартир. Все учителя Узуновской школы образовывали единое целое: вместе отмечали праздники, дни рождения, все переженились меж собой, — и к концу семидесятых годов создали почти секту, работавшую на благо детей. Сейчас я понимаю, что речь идёт о сельской интеллигенции классического некрасовского извода: народники. Даром что моя мать любила Некрасова и цитировала его страницами.

Интересно, что в среде учителей школы никогда не было никаких антисоветских настроений. Никто не знал, что такое самиздат. До нас, провинциалов, он просто не доходил. «Голос Америки» и «Русскую службу Би-Би-Си» мой отец начал слушать только в 1982 году, когда семья переехала из Узуново в город Электросталь.

Каждый год в школу набирали два новых класса, каждый примерно по 25 детей. Всего под руководством деда в школе с первого по десятый класс было выучено около 2 тысяч детей. Все они, за редким исключением, получили потом высшее образование.

По должности, как директор школы, он был обязан произносить речи на всевозможных собраниях и линейках; говорил обычно без бумажки, коротко. Учеников называл «ребятки». Со способными учениками — очень возился, продвигал как мог, давал советы. Нескольких самых талантливых выпустил с золотыми медалями.

К началу восьмидесятых годов (мне исполнилось 12 лет) дед Константин превратился в дона Корлеоне, авторитетнейшего главу клана, состоящего из трёх детей и шести внуков. Весь клан активно гужевался вокруг деда. Все смотрели на него как на титана.

Когда дед умер в 1996 году — множество учеников приехали его хоронить, с разных концов страны. Поминальный банкет (я на нём присутствовал) превратился в праздник. Люди, не видевшие друг друга десятилетиями, плакали и братались. Таких весёлых или даже буйных поминок с тех пор не помню.

Он дожил до правнука: моего сына Антона, 1995 года рождения. Когда дед умер — над его постелью были прикреплены полароидные фотографии Антона, тогда — розового младенца, годовалого.

Дед страстно любил путешествовать. В поездки он обязательно брал с собой внуков. Он имел удостоверение инвалида Великой Отечественной войны, «зелёную книжечку», дававшую право прохода во все музеи без очереди. Помню, в 1981 году он поехал в Ленинград, взяв с собой меня, моего брата Ивана и тётку Надежду, и там провёл нас в Эрмитаж и Кунсткамеру в обход длиннейших очередей.

О войне дед рассказывал очень мало и неохотно.

Про Сталина сказал однажды при мне так: «Его надо было подвесить за ноги и возить по русским деревням».

Но развал СССР, ликвидацию социализма и утверждение нового русского капитализма дед Константин не понял и не принял. Ему было уже под 80.

Дед не употреблял алкоголь, и приучил к трезвости детей. В середине осени моя мать покупала бутылку водки и ставила её в холодильник. Водка нужна была, чтобы расти-

рать ноги детям, мне и моей сестре, если, шастая по окрестностям, мы проваливались в какой-нибудь ледяной ручей. Постепенно водка выдыхалась, и через год покупалась новая бутылка.

Однажды, в начале восьмидесятых, мы ехали с ним в очередное путешествие в плацкартном вагоне, и меж пассажиров разразилась гадкая ссора, по пустяковому поводу. В путешествие дед обязательно надевал пиджак с наградными планками. Боевых наград он не имел, но после войны удостоился нескольких юбилейных медалей. И вот, в разгар вагонного скандала, дед, в пиджаке с планками, встал — и, глядя на зачинщика скандала, мужчину, произнёс: «Товарищ, немедленно прекратите, иначе заработаете пощёчину». Скандалисты стушевались и угомонились.

В другой раз, и снова в плацкартном вагоне, пассажиры выпили лишнего и затеяли дискуссию, и кто-то выкрикнул, что Советский Союз — страна пьяниц. Дед перехватил общее внимание и спросил:

— А кто построил вагон, в котором вы едете, — пьяницы? А кто создал страну? Кто запустил Гагарина в космос — пьяницы? Кто построил Днепрогэс — пьяницы?

Вообще, он был сильный спорщик, — но при мне дискутировать с ним всерьёз никто не отваживался.

Я смотрел на него как на полубога. Двигался он медленно. Коренастый, среднего роста, широкоплечий, круглая голова. Красивым я бы его не назвал. Лицо сухое, бледное, без губ. Он был немного похож на маршала Жукова. Голос негромкий, скрипучий. Носил всегда пиджачную пару и рубаху, иногда с галстуком, иногда без. Он никогда громко не смеялся, не пел песен, не танцевал.

По большому счёту, для меня он так и остался загадкой.

* * *

Дед Константин и бабка Маруся родили троих детей: Евгения и Надежду (двойня) и младшего Виктора.

Оба сына обладали большим инженерным талантом. Старший, Евгений, уехал в город Горький (Нижний Новгород), окончил Кораблестроительный институт и работал в конструкторском бюро, создавал суда на подводных крыльях.

Младший, Виктор, тоже хотел пойти по пути старшего брата — и уехать в город Горький, и стать корабелом… Но не вышло: родился я. Моё появление на свет в 1969 году поломало планы Виктора. Он отказался от амбициозных планов, остался в Узуново и работал в школе под началом моего деда учителем физики. Моя мать — Маргарита Николаевна — преподавала там же музыку, русский язык и литературу.

Но инженерный талант отца никуда не делся. Его кабинет был оборудован по последнему слову техники. Нажатием кнопки сдвигались светонепроницаемые шторы; нажатием второй кнопки опускался экран, и ученики наблюдали фильмы. Рядом со школой отец обустроил автомастерскую, и в ней собрал с нуля автомобиль с передним приводом и полностью алюминиевым кузовом, не подверженным коррозии. Я ездил на этом автомобиле, у меня сохранились фотографии.

Когда в 1980 году дед ушёл на отдых, директором Узуновской школы стала моя мать, Маргарита Николаевна Рубанова.

В Узуновской школе я проучился шесть лет, до 1981 года включительно. Мне никогда не ставили пятёрок, только четвёрки, даже если я отлично знал предмет. Таков был недостаток моего положения: никто не мог посметь обвинить мою семью в стремлении к привилегиям. Но всё-таки от своего статуса «директорского внука» я получал и выгоду. Например, хулиганы-старшеклассники меня не трогали.

Семьёй нашей тоже управляла мать Маргарита, женщина исключительного ума и силы воли. Отец сознательно уступил ей лидерство. Больше всего на свете он любил работать руками. Закончив трудовой день в школе, он отправлялся в мастерскую или в гараж и там пропадал до ночи. Затрудняюсь сказать, каким ремеслом он не владел. Может быть, стеклодувным? В совершенстве знал электромонтажное дело. Если буря валила столб с электропроводами — отец отправлялся чинить. Токарные ра-

боты — по дереву — отец считал забавой. Слесарными навыками — по металлу — обладал во всей полноте. Варил газом и электросваркой. Умел и строить: возвёл от фундамента до крыши несколько десятков домов, сараев, гаражей, амбаров, бань, заборов, теплиц. Построил как минимум один стальной мост. Асфальтировал дороги. Водил трактор, мотоцикл, автомобиль, снегоход. Зато был совершенно равнодушен к сельскому хозяйству, не любил обрабатывать землю и возиться с животными: любил только технику. Охотой и рыболовством не занимался, хотя друзья активно его завлекали в это дело. Но оружия в доме не помню, только мелкокалиберные винтовки. Стрелял отец — в тире, для развлечения.

Мать, как все женщины её поколения, действовала на два фронта: после работы в школе готовила еду, обшивала детей, стирала, хлопотала об их здоровье, но главное — разрабатывала стратегию развития. Отец не имел дальнего прицела; мать имела. В 1981 году она решила, что семья должна уехать из родительской вотчины, и обосноваться на новом месте, в городе Электросталь, в 50 км от Москвы. Дети росли, им нужно было получать высшее образование. Отец выступил резко против переезда, его всё устраивало, он обретался как у Христа за пазухой: три мастерские, два гаража. Но мать настояла.

* * *

Не помню, в какой момент у меня возникла идея уговорить деда написать воспоминания.

О детстве и юности дед нам часто рассказывал. Все знали, что он родился в деревне старообрядцев, неподалёку от города Павлово-на-Оке. Не знаю, верил ли он в бога, — если и верил, то тщательно это скрывал. Икон, молитвенников и Библии в доме не держал. Советский педагог, вдобавок директор школы и член КПСС, о таком не мог и помыслить. Однако не помню, чтобы он проповедовал научный атеизм. И если дед отправлялся в путешествие и видел действующую церковь — обязательно заходил полюбопытствовать.

В Советском Союзе церковь имела особый статус. Каждый школьник знал, что церкви есть, но они «отделены от государства»; мы не вдумывались в значение этой формулировки. Детей воспитывали атеистами с первых школьных классов. Место бога занимал дедушка Ленин. Вместо Ветхого Завета мы имели труды Маркса и Энгельса, вместо Нового Завета — историю Октябрьской революции. Члены Политбюро ЦК КПСС, во главе с Брежневым, воспринимались вроде святых.

В годы советской власти старики не писали мемуаров и воспоминаний. В очень ограниченном количестве выходили только военные мемуары военачальников и генералов — приглаженные, тщательно проверенные цензурой, они публиковались в специализированных издательствах: «Политиздат», «Воениздат».

Простые граждане — такие, как мой дед, — и не мечтали о публикации своих биографических сочинений. Человек мог написать хоть тысячу страниц — но что делать дальше? Можно распечатать на пишущей машинке. Как пел изгнанный из страны поэт Галич — «"Эрика" берёт четыре копии, вот и всё! ...А этого достаточно!».

Однако самиздат пребывал под негласным запретом. Все копировальные машины — сейчас мы называем их ксероксы — ставились на учёт в КГБ. Более того, существовала отдельная инструкция для работников МВД: если гражданин попадал под следствие, не обязательно даже по политической статье, а, например, по делам о воровстве или хищениях, — в его доме проводился обыск, и все найденные рукописи, выполненные от руки или отпечатанные на машинке, изымались в обязательном порядке. Эта инструкция неукоснительно выполнялась вплоть до начала девяностых. Когда мой 22-летний друг Юрий Бычков в 1991 году был арестован по обвинению в мошенничестве, в его комнате, в доме родителей, произвели обыск и забрали все рукописи; Юра Бычков имел способности к сочинительству, пробовал писать рассказы; забрали всё. Потом, правда, вернули.

Люди умные, думающие — всё это знали. Напишешь — в лучшем случае можно сделать три или четыре машинописных

копии, кустарно переплести и раздать друзьям. Но что дальше? Друзья дадут почитать приятелям, кто-нибудь сообщит в райком… А вдруг в тексте найдутся неуважительные отзывы о деятельности партии и правительства? Или, не дай бог, критика?

В 1965 году отставленный от власти Никита Хрущёв стал диктовать мемуары, и одновременно тем же самым занялся ближайший сподвижник Хрущёва, Анастас Микоян, ушедший на пенсию по достижении 70-летнего возраста. Хрущёва пытались отговорить. История написания и публикации мемуаров Хрущёва — настоящий «True Detective».

Впервые они были опубликованы (в сокращённом виде) издательским холдингом «Time» в журнале «Life» в 1970 году, затем должны были выйти отдельной книгой, но даже и журнальная публикация вызвала скандал. Хрущёва — уже лишённого власти пенсионера — вызвали в Кремль, потребовали осудить публикацию; это послужило причиной сердечного приступа и последующей смерти бывшего лидера СССР.

В то же самое время Анастас Микоян закончил первый том своих воспоминаний «Дорогой борьбы», но, даже несмотря на свой статус бывшего члена Политбюро, сумел опубликовать их с большим трудом. Следующие тома так и не вышли в свет: их готовили к печати, но в 1978 году, после смерти Микояна, публикация была остановлена по личному распоряжению Суслова.

К началу семидесятых руководство СССР уже взяло твёрдый курс на переписывание истории. Была разработана новая концепция: можно и нужно говорить про Ленина и про его правую руку, чекиста Дзержинского, «Железного Феликса», а также про синклит «героев Гражданской войны»: Щорса, Котовского, Фрунзе, Чапаева, Будённого. Далее в историческом периоде длиной в целых 40 лет — с момента смерти Ленина и вплоть до появления на политической сцене Брежнева — была умышленно создана лакуна. Новые поколения советских граждан должны были думать, что товарищ Сталин — это полководец, выигравший великую войну, и что он опирался в этом деле на маршалов Жукова и Рокоссовского, а также на верного друга, наркоминдела товарища Молотова. Все прочие имена

тщательно вымарали — Троцкого, Тухачевского, Якира, Гамарника, Уборевича, Маленкова, Вознесенского, Кагановича, Микояна… И, разумеется, наркомов НКВД (МГБ) — Ягоду, Ежова и Берию. Примерно к 1972 году эта концепция была разработана в деталях.

И, конечно, создание мемуаров, воспоминаний и семейных хроник рядовыми гражданами страны в этой концепции не было предусмотрено. А вдруг граждане начнут вспоминать и описывать репрессии? Коллективизацию? Лагеря?

Вот почему мой дед Константин — коммунист, директор школы, заслуженный учитель — не писал воспоминаний. Но, конечно, в итоге он решился на их написание не потому, что я, 15-летний внук, его уговорил; он взял в руки авторучку — только в 1986 году, когда стало ясно, что времена изменились.

Пока он возглавлял школу, пока отвечал за судьбы многих сотен учеников и своей семьи, — он не хотел рисковать.

Лично моя заслуга — лишь в том, что я убедил деда в ценности его записок, убедил, что они могут принести пользу.

И вот они начинают приносить пользу — спустя четверть века после его смерти.

Я не историк, но я имею интуитивное понимание, что свидетельства Константина Рубанова как минимум заинтересуют читателя обилием любопытных деталей.

Здесь будут приведены только первые две главы (приблизительно одна пятая часть всего текста рукописи), относящиеся к периоду 1911–1927 гг.

Стиль деда я нахожу превосходным — лапидарным, упругим и точным. Говорил он точно так же: коротко и ясно, без лишних слов.

Следуя ему, вспоминать о нём подробно здесь я далее не стану; лучше напишу когда-нибудь художественную повесть.

А его собственная повесть — вот она.

Жизнь и быт нижегородских старообрядцев в начале XX века.

Отрывки из воспоминаний К.В.Рубанова

Село Селитьба — от слова «селить».

Расположено — в глухом лесном массиве. От ближайшего города Павлово оно отстоит на 35 вёрст; до ближайшей железнодорожной станции 28 вёрст, до ближайшей большой реки Оки — 35 вёрст.

Основалось во времена гонения старообрядцев (1680–1725 годы), когда большая группа старообрядцев бежала из Самарской губернии в леса, подальше от царского ока. Это рассказал мне мой дед.

Село расположено в распадке между двумя большими возвышенностями, поросшими лесом. С востока — большая пойма, где течёт река Палинка. С запада сразу же за селом — густой сосновый и еловый лес.

Село в бытность мою было большим, растянутым в одну улицу почти на два километра. Один конец улицы упирался в лес и звался «опарихой», другой выходил в пойму и назывался «конец». На пойме косили всем обществом траву на корм скоту.

В селе имелись три церкви. Первая — деревянная старообрядческая, называли её «зимней», позднее рядом поставили каменную, «летнюю», к ней примыкало кладбище. Среди села стояла третья, православная церковь. Теперь все три церкви разрушены до основания.

В селе до революции заправляли фабриканты средней руки братья Седовы. Они построили маленькую фабричку и два кирпичных дома. Кирпич выжигался недалеко, в полукилометре от стройки.

Другие фабриканты, Теребины, тоже братья, торговали топорами, долотами, плотницким инструментом. В Селитьбе у них было как бы отделение, а завод (небольшой, по нашим понятиям) был в Павлове.

Прочую торговлю осуществляли Папулины.

Население занималось в основном ремеслом. Сельское хозяйство было развито плохо: земля песчаная, да и той было мало. Своего хлеба хватало на половину зимы, потом его приходилось привозить из Павлово и Арзамаса (он был далеко, в 50 верстах, но хлеб там продавали дешевле).

Картофель, однако, родился хорошо, и хватало его на весь год.

Все хозяйства имели лошадь, корову, овец, кур. В период уборки урожая, заготовки сена месяц-полтора ремеслом не занимались, фабрики и кузни вставали «на отдых».

Но главным делом оставались ремёсла.

В кузницах ковали топоры — это очень тяжёлый труд. Работали по трое: мастер, молотобоец и горновой. Мастер стоял у горна с клещами и малым молотком. Пластину надо было согнуть по форме топора и сварить огнём. При сварке куют все трое: мастер молотком указывает, куда ударить молотом молотобойцу. Второй ответственный момент: на конец острия топора приваривается другой металл — сталь. Тут тоже куют все три кузнеца, в том числе горновой, который всё остальное время стоит у мехов. Самая тяжёлая работа — у молотобойца: он куёт всё это время без перерыва. Мастер «играет» только «ручником» (лёгким молотком) и клещами.

«Урок», как тогда называлась норма, — 16 топоров за день. Работа и зимой и летом начиналась в три часа утра. Сварят 16 топоров — идут домой завтракать. Потом опять в кузницу, отделывать топоры начисто. Затем их поштучно, с проверкой качества, сдают приёмщику. Брак никогда не проходил. После этого надо было из полосового железа нарубить заготовки — «пластухи», заготовить древесный уголь и отнести всё это в кузницу. На этом рабочий день заканчивался (это примерно два часа дня), и кузнецы обязательно шли спать часа два-три.

Другим основным ремеслом была работа в лесу. Валили лес на вывоз для постройки домов, на распиловку в лесопилке, на выжиг древесного угля, на дрова и т.п. Отходов практически не было, только ветки, да и те сжигали — лес должен быть чистым.

Позднее приспособились добывать из сосны серу: называлось это «подсечка». На сосне делалась продольная полоса, сдиралась кора, внизу прикреплялся железный козырёк, куда стекала сера-живица. Женщины собирали её в вёдра.

Из сосновых корней и сучков вытапливали (гнали) дёготь для смазки осей и других трущихся частей у телег.

Из привезённых из леса брёвен выжигали древесный уголь, его нужно было много для ковки топоров — на норму «куль».

Кули вязались из липовой рогожи и ёмкостью были примерно два мешка. Драть липовое лыко для выделки рогожи и плетения лаптей — это тоже было ремесло. В лаптях, кстати, ходили на работу все взрослые и дети. Рабочей обуви удобнее лаптей я никогда не встречал.

Для детей, женщин и старух было ещё одно занятие: драть из ивняка корьё для дубления при выделке кож. В селе были специальные люди — приёмщики, которые это корьё принимали и тут же расплачивались деньгами. Это очень прельщало, особенно детей: с 10 лет они уже имели свои гроши. Старухи этим зарабатывали на соль и керосин. Правда, таскать из леса «товар» было тяжело — корьё в лесу связывалось, как сноп, взваливалось на плечи… Волокли его много, потом оно отправлялось в город Богородск, где находились кожевенные заводы.

Свою копейку подростки могли заработать и на очистке от коры сосновых и еловых брёвен, и на прочистке леса от частой посадки, мелкой поросли (деньги платило лесничество), и на сборке еловых и сосновых шишек на семена.

Наконец, многие хозяева занимались извозом: возили брёвна на лесопильню, в город на стройку, из города везли товары в лавку.

В селе работы хватало всем. К тому же многие промышляли на стороне: печниками, кровельщиками, плотницкими артелями.

Из села не уходили. Да и сейчас не уходят. Селитьба отнюдь не опустела.

Если кто заинтересуется, может почитать «Павловские очерки» Короленко. Всё описанное там я видел своими глазами и в этом участвовал: рано утром, когда ещё не рассвело, в помещении или на улице садился скупщик; к нему образуется очередь кустарей, каждый со своим товаром. Протягиваешь вещь (топор, долото, нож, замок) и говоришь только одно слово: «рука». Если отвечают «нет», бежишь к другому. Если называют цену, оставляешь образец скупщику, а как рассветёт, несешь или везёшь весь товар и получаешь деньги.

Почему я так много говорю о промыслах в деревне?

Я сам так работал — где под руководством отца, деда, где самостоятельно. Деньги имел свои, никому не отдавал. Помню, однажды к Пасхе купил себе ботинки и галоши.

С 9–10 лет собирал в лесу шишки и таскал в лесничество на семена, потом драл и таскал корьё, лыко, скоблил брёвна. Помню, прочищал лес и стёр себе руки до кровавых мозолей, а мне заплатили меньше моих товарищей, и я плакал от обиды.

Годам к десяти я и племянник мой уже помогали отцу на кузнице. Отец ковал топоры, был за мастера; молотобойцем был дед. Мы вдвоём качали меха, бегали за водой. Работали попеременно, но всё равно было очень тяжело, и норму, «урок», отец с дедом не выполняли, хотя вставали так же рано — в три часа утра. Тогда я ещё не ковал, хотя от начала до конца присутствовал при ковке.

Кроме того, мы с дедом гнали дёготь, жгли уголь и возили в город на продажу. Под руководством деда я выполнял всю крестьянскую работу: пахал, сеял, боронил, косил, возил сено и навоз; под руководством дяди Ивана возил брёвна на лошади за 25 вёрст. Дядя Иван был участником Крымской войны, у него не было одного глаза. Мы с ним были приятели.

Я не чурался никакой работы. В мастерской стоял у станка, делал карабины к поясам для электромонтёров — лазить на столбы. Детский заработок мой не отнимали, я всегда имел свои деньги и очень гордился перед девками.

К этому времени мне уже было 16 лет. Я уже бегал к девкам и тайком курил.

А руководил мной большей частью мой товарищ, наш сосед по домам, Рубанов Константин Степанович. Мы с ним были одного года, только он Степанович, а я Васильевич. Он был очень ловким парнем, трудолюбивее меня и ловчее во всех делах: он умел плести лапти, а я — нет; он стал молотобойцем, ковал топоры — а я не научился; он рано, в 17 лет, женился — а я опоздал на 10 лет…

Мы вместе воевали в Финляндии. Он там погиб, а я живу до сих пор.

* * *

Сейчас очень много говорят о свободном времени, о проблеме свободного времени у молодёжи: куда его девать и как использовать. В моё время в деревне этот вопрос никогда не стоял. Я прожил 75 лет — и мне всегда не хватало свободного времени, я никогда, ни одной минуты в жизни не скучал и не знаю, что это такое, до сих пор.

Надо иметь в виду: в деревне моей электрического освещения не было, радио не было, книг не выписывали, газет не выписывали; отец, мать, дед и бабушка были абсолютно неграмотны.

Помню некоторые моменты с трёх лет.

В любое время года, как только рассветёт, бабушка кормит нас завтраком — я говорю «нас», потому что детей в семье

было пятеро: я, с 1911-го, сын моего брата Ивана Александр, с 1911-го, другой сын Виктор с 1915-го, и дети другого моего брата Фёдора — Клавдия с 1913-го, Николай с 1916-го.*

Так вот, бабушка кормила нас, потом нас наскоро одевали и выпихивали на улицу. До ночи нами никто не интересовался. Обедали, когда сами прибежим. Весь день мы были предоставлены сами себе. Утром к нам присоединялись соседские дети — и шла у нас своя жизнь.

Весной, как только растает на возвышенностях, — играли в лапту, в чижика, в прятки-похоронки, строили дома из песка. Чуть потеплело — ловим корзинами-плетёнками и бреднями рыбу в речке — кто во что горазд. Ловились пескари, щурята, налимы.

Каждый день бегали в лес, благо он был близко. Собирали цветы. Часто брали из дома сырой картофель и пекли его в золе; пекли и рыбу, если была.

Летом весь день купались в пруду; он был мелкий, по плечи, и очень тёплый. В хорошую погоду полоскались весь день: купались по 15–20 раз, до посинения («кто кого перекупается»). Удовольствие было исключительное. Никто из взрослых ни разу не приходил посмотреть, что мы делаем и всё ли в порядке.

Поспевали ягоды: сначала земляника, затем ежевика, черника, брусника, малина, костяника… Снова мы пропадали в лесу, с утра до вечера. Взрослые тоже ходили по ягоды, но по воскресеньям и в дождливую погоду.

Позже подходили грибы. На заготовку грибов, как правило, ездили всей семьёй и привозили телегами. Сушили грибы на печи и в ней. Солили много, бочками: грузди, рыжики, маслята, сыроежки.

В деловую пору (сенокос, уборка хлебов) дети, начиная с 6–7-летних, уже были помощниками: ворошили сушившееся сено, приносили в поле воду, завтрак и обед. Самые маленькие

---

* Мать родила Константина в 52 года, когда её старшие дети уже были взрослыми, женились и родили собственных детей; Константин рос вместе с племянниками. — *примеч. А.Р.*

отгоняли от лошадей мошкару, слепней и комаров. Все дети были чем-то заняты с утра до вечера. Иногда к концу дня так уставали, что вечером кусок застревал во рту; не успеешь проглотить, как мать уже тащит «жениха» в кровать.

Работали все. А нет работы — играли в разные «взрослые» игры: разбивались на две партии, брали четырёхгранные деревянные палки и деревянный шар: один его подбрасывал, другой ударял палкой, и он далеко улетал, вторая команда должна была его поймать и «осалить» противника. Играли в футбол — мячом, набитым тряпками или сеном. Такой мяч не прыгал и не катился. Играли по всем правилам, но босиком.

Кстати, как мы весной разувались, так до поздней осени никакой обуви не надевали. За лето пятки превращались в плотные «копытца», а выше всегда были цыпки. Матери время от времени их легонько отмывали и мазали маслом, а ты благим матом ревел.

... Лет с 12 мы уже ходили на посиделки.

Летом за домом выбиралось место у брёвен, заготовленных для постройки, или у амбаров. Вечером там собирался кружок мальчиков и девочек одного возраста — человек 10–20. Организовывались игры, а если был гармонист — пели частушки и плясали. Таких кружков в селе было около десяти. Парни вместе с гармонистом ходили от одного кружка к другому. Было всегда весело; драк и ссор между парнями не было. По домам расходились поздно.

Поздней осенью и зимой девушки того же кружка снимали у какой-нибудь одинокой женщины просторную избу с условиями: привезти дров, избу натопить, на керосин для лампы-«десятилинейки» деньги собрать. После ужина девки приходили в этот дом, причём каждой мать давала «урок» — напрясть из льна столько-то пряжи или что-то связать. Они приносили с собой подушки и одеяла и здесь ночевали на соломенных матах.

Вечером сюда приходили парни целыми компаниями: пели песни, плясали, рассказывали сказки, анекдоты, играли, не мешая девушкам рукодельничать. Уходила одна компания — приходила другая. Парни за вечер обходили 8–10 домов.

Это лучшее время юности в деревне.

Одевались все в лучшее, что у них было, но не стеснялись любой одежды, лишь бы была чистой.

Самое весёлое время наступало под Новый год — на Рождество, Крещение. Накануне праздника устраивали гадание, игры, жгли большие костры, а ночами весь народ от мала до велика выходил на улицы. Две недели от Рождества до Крещения — Святки — гуляли, озорничали целыми днями. Днём по улице ходили ряженые, рядихи; вечером они ходили по всем посиделкам. Наряжаясь, проявляли очень много выдумки — чтобы не узнал никто, потому что по посиделкам ходили ряжеными не только молодые парни и девки, но и пожилые «любители», чаще всего отцы и матери: смотрели невест и женихов для своих детей. Девушкам приходилось особенно трудно: их «испытывали», смотрели, какова она в работе, старались испытать характер (вырывали рукоделие из рук, поджигали лён или пряжу, вообще всячески мешали). Девушки ко всему этому были готовы и старались только улыбаться; редко кто не выдерживал и начинал нервничать (тогда от неё сразу отходили).

После Крещения до Масленицы недель пять или шесть были одна за другой свадьбы, «девишники», «мальчишники».

После Масленицы наступал Великий пост (семь недель). Период развлечений кончался. Правда, после революции открыли «Народный дом» — красный уголок и клуб, но он всегда был неуютным, холодным, и молодёжь туда ходила только тогда, когда привозили кино, а это было очень редко. Центр уезда находился за 35 километров, кинопередвижка на лошади обслуживала очень много сёл и деревень, и кино привозили в месяц раз или два. Гораздо чаще проводились собрания.

Забыл сказать, что вся молодёжь ходила в церкви: или в старообрядческую, или в православную, или в «моленные» секты.

Вот в такой среде я жил и воспитывался до 16 лет, пока не ушёл из дома в 1927 году, имея за плечами четыре класса школы.

* * *

Семья наша, как я себя помню с трёх лет, состояла из 14 человек: дедушка Дмитрий Прохорович; бабушка Пелагея Ивановна; отец Василий Дмитриевич; мать Ирина Петровна; брат Иван Васильевич; его жена Анастасия Ивановна; их сын Александр Иванович; второй брат Фёдор Васильевич; его жена Вера Николаевна; их дочь Клавдия Фёдоровна; их сын Виктор Фёдорович; их сын Николай Фёдорович; сестра Анна Васильевна; и я, Константин Васильевич.

При мне все жили единой семьёй до 1927 года, а потом вдруг как-то стали распадаться… Но всё по порядку.

Сколько себя помню, уклад семьи был таков: главой семьи был отец, хотя жив был и дедушка, отец моего отца. Завтракали, обедали и ужинали все вместе за одним столом. В переднем углу за большим столом обедали взрослые. Ели из общей глиняной чаши деревянными ложками. Ниже, за другим столом, обедали дети, пять человек, и бабушка Пелагея Ивановна. Часто нас, детей, утром кормили раньше. Готовила на всю семью бабушка, а мать и снохи помогали.

Ели всегда молча. Споров и препирательств между взрослыми я не слышал. Отец никогда не ругался, говорил всегда ровным голосом, и все его беспрекословно слушались. Какого-либо распоряжения он два раза не повторял. Когда он сердился, то хмурил свои большие густые брови, и тогда все замолкали. Но было это крайне редко.

За столом у каждого было своё постоянное место и своя ложка.

Старших в семье уважали. Дедушка мой всё время что-то делал, мастерил: чинил конские сбруи, подшивал сапоги или шил новые. Он умел делать всё. Если он был чем-то занят во дворе, а семья садилась за стол, то за ним посылали, и семья не начинала обеда, пока он не придёт.

Раз в год отец ходил в старообрядческую церковь к заутрене, но дома не молился. Дедушка при мне вообще в церковь ни разу не ходил и не молился. Мать посещала моленную на дому:

ходила каждое воскресенье и праздники к обедне. Снохи ходили иногда — одна в православную, другая в старообрядческую. Никто никого в иноверии никогда не упрекал и к своей вере не склонял.

Нас, детей, иногда тоже прогоняли в церковь — главным образом, чтобы от нас отдохнуть.

Помню, часто по воскресеньям в доме были все, кроме матери; дед и отец лежали на русской печи, снохи убирались в доме и на кухне. Завтракать не садились до тех пор, пока не придёт из моленной мать, хотя она, по вере своей, питалась отдельно от семьи: имела свою чашку и ложку. Её никто не упрекал. Иногда отец ради шутки полезет своей ложкой в её чашку и скажет: «У тебя слаще». Мать промолчит, подожмёт губы, возьмёт чашку и, уйдя к упечку, там доест. Отца она не ругала и вообще не перечила никогда.

Один раз (было это, помню, на Рождество) в воскресенье ждали мать из молельни. Пришла. Снохи быстро накрыли стол, очень богатый — было разговенье после поста, и, к тому же, в доме был гость, «коновал» (сейчас говорят «зоотехник»). Отец оглядел стол и вдруг говорит:

— Грибов нет.

— Что, не наедитесь, что ли? — возразила мать.

Она сидела рядом с отцом; тот вдруг сильно махнул рукой, мать упала с табуретки, и из носа у неё пошла кровь. Она ушла к печи, умылась, потом сходила в погреб, принесла грибы и поставила на стол. И всё это молча.

Всю жизнь потом я не переставал удивляться: сидели два её женатых сына, сидели две её снохи, сидел дед — и никто не сказал ни слова упрёка отцу, никто за мать не заступился.

Помню ещё один случай. Была Масленица, тоже воскресенье. Мать печёт сладкие пирожки и кладёт в большую корзину (семья-то — 14 душ), посыпая сахаром, чтоб слаще было. Сели за стол, отец взял один пирожок, откусил, поморщился, потом взял всю корзину и бросил к порогу. Все в недоумении. Оказалось — мать вместо сахара сыпала соль… Посмеялись.

Иногда мать захочет всё-таки досадить отцу — и начинает говорить что-то поперёк. Отец начинает хмурить брови. Мать встаёт, пятится к двери и продолжает говорить. Отец нашаривает на столе первое, что попало, — буханку хлеба, плошку со щами… Мать уже взялась за дверную скобу. Отец швыряет буханку или чашку в мать, но та уже успела выбежать и захлопнуть дверь. Минут через пять она возвращается в дом и садится рядом с отцом. Инцидент окончен.

Отец был настолько же вспыльчив, насколько и отходчив. Повторяю: нас, детей, он никогда не наказывал. Зато помню, как нас наказала однажды старшая сноха Анастасия: мы часто обижали девочку Клавдию, она была одна девочка в семье, её все лелеяли, ласкали — и вот она заплакала с печки. Анастасия взяла полотенце, скрутила его, залезла на печь и стала хлестать этим полотенцем всех без разбора — всех, кроме Клавдии. При этом моя мать пьёт чай из блюдца и на наш визг даже головы не поворачивает. Вторая сноха Вера тоже не обращает внимания, хотя в числе тех, кому попало, были два её сына.

Мне, конечно, не было больно, зато очень обидно; на мою обиду никто внимания не обращал.

Ясно помню ещё один случай.

Нас привели в школу, в первый класс. В школе нашей три класса одновременно (младший, средний, старший) учил один учитель Анатолий Николаевич, причём все три класса, человек восемьдесят, сидели в одном большом помещении. Вот прошли мы буквы, дошли до последних: Ш, Щ, и при самостоятельном чтении, как только мне попадаются эти самые разнесчастные буквы, между зубов у меня получается слабый свист.

— Кто свистит? — строго спрашивает учитель.

Все молчат. Урок возобновляется, и снова у меня свист. Тут Анатолий Николаевич уже отыскивает меня и приказывает идти домой за матерью-отцом.

Всю жизнь помнил и буду помнить, как я еле живой от страха и стыда шёл вдоль села с ранцем за плечами к дому, думая, что весь народ только на меня и смотрит. Пришёл домой. Что я говорил родителям — не помню, зато хорошо запомнил, как

меня поставили за дверь, где висела одежда, и кто бы ни входил в дом, свои или чужие, — всем говорили: «Посмотрите на него, выгнали из школы!».

Это было величайшее мученье — страдать, будучи невиновным…

Первой надо мной сжалилась моя сестра Аня. Она меня освободила от пытки, пошла в школу и объяснилась. Всё встало на место.

Учился я очень хорошо и прилежно, хотя было тяжёлое и бурное время, 1919 год. Страшный голод. Ему предшествовала Октябрьская революция — осень семнадцатого, мне тогда было шесть лет; хорошо помню, что по селу проходили люди, много людей, с красными флагами, пели «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу…» и «Вы жертвою пали…». События мне объясняла сестра; я, правда, ничего не понял тогда. Помню ещё делёж товаров из магазина Папулиных (вернее сказать, грабёж). Мне тогда, помню, досталась огромная сковорода, я её до дома еле донёс; мать меня за неё отругала и велела нести обратно, но я не понёс, и сковорода эта долго у нас валялась, напоминая о грабеже, о «товарищах», как с насмешкой называл дед большевиков: «Дожили товарищи: нет соли, спичек, ничего нет…».

Вернусь к первому году моего школьного учения. Весна, 1920 год. Уже сошёл снег, речка вскрылась и начала выходить из берегов, и, идя в школу, надо было делать большой крюк (почему и запомнилось). Школа располагалась на отшибе, она была типовая, церковно-приходская, выстроена напротив старообрядческой церкви.

В один из дней в апреле этого года, в самую распутицу, над селом неожиданно раздался колокольный звон, набат. Все ученики сразу же выбежали из школы.

Я увидел идущие по улице подводы, сани, запряжённые лошадьми, а на этих санях стояли гробы, обитые красным кумачом. Гробов было семь. Их сняли с саней и поставили в ряд возле церкви.

Как я узнал из рассказов, восемь человек коммунистов из нашего села отправились в соседнее, километров за пятнадцать,

на хлебозаготовку. Возглавлял их один из наших учителей, Андрей Андреевич.

В том селе против новой власти был заговор; как только раздался набат, весь народ сбежался на площадь к амбарам, где хранилось конфискованное зерно. Подобный случай описан у Шолохова, но я передаю события со слов очевидцев.

Коммунистов толпа прижала к амбарам, наступала на них, люди размахивали вилами, косами, ружьями. Особенно неистовствовал один молодой парень. Начальник продотряда, Андрей Андреевич, стал кричать, уговаривать, но толпа наступала, и тогда он выстрелил из нагана поверх голов; парень запустил чем-то тяжёлым в него, и Андрей Андреевич сделал второй выстрел в этого парня. Толпа обезумела и смяла коммунистов, началось избиение. Их тела были изуродованы до такой степени, что узнать потом невозможно было никого. Некоторых даже расчленили топорами — их потом собрали в гробы по числу человек и закрыли крышками.

Один из них спасся, успел убежать в поле, и его не добили. Это, кстати, был мой двоюродный брат по матери.

Я несколько раз потом посещал их могилу. Когда я там был в последний раз, то застал могилу неубранной, она заросла травой… Разговаривал с директором восьмилетней школы, он обещал разобраться.

Но продолжаю. Гробы поставили в церковь. Очень много народу приходило поклониться погибшим. Возле каждого гроба рыдали матери, жёны, дети… Через некоторое время в село вошёл большой отряд красногвардейцев и с ними духовой оркестр. Я был в то время в церкви — и хорошо помню, как вошёл командир в шлеме и его встретил священник в полном облачении. Меня очень удивило, что командир не снял головного убора и громко разговаривал в божьем храме. Он настаивал на том, чтобы погибших хоронили без отпевания и вообще безо всяких обрядов, иначе он забирал отряд и оркестр и уезжал. Священник и родственники возражали. В конце концов командир настоял на своём, и семерых коммунаров похоронили с речами и воинскими почестями возле

церкви рядом с алтарём, там, где раньше хоронили только священников.

В 1930 году в селе организовывали колхоз — и назвали его именем Семи Коммунаров.

В день похорон нас, школьников, кормили в доме рядом со школой: каждому дали по миске жидкой гречневой каши и по куску ещё горячего ржаного хлеба. Вкус этого хлеба я запомнил на всю жизнь и всем своим ученикам всегда говорил: «Запомните, что вкуснее чёрного хлеба ничего на свете нет… »

Сейчас в Селитьбе — средняя школа, а тогда, в двадцать первом году, нас в старшем классе было всего семь человек. Большинство детей учились только первые два класса, потом начинали работать, уже считали себя грамотными, потому что умели читать и писать.

Я уже говорил, что наш учитель Анатолий Николаевич учил все классы один; я не знаю, какая у него была зарплата, но семья у него была большая, детей много, а был голод, есть нечего — и тем не менее мать каждого ученика давала ему утром что-нибудь из съестного: блин, картофелину, лепёшку, кусок хлеба, свеклу, морковину — у кого что было; мы приносили всё это в школу и складывали на стол в углу класса, а позже через внутреннюю дверь, соединявшую квартиру учителя с классом, приходила жена Анатолия Николаевича и уносила все подношения… Так ценил народ учителя.

В селе почти ежедневно проходили всякие собрания, митинги, и перед началом их всегда посылали двоих ребятишек за учителем. Когда он входил в Народный дом, все вставали, и старики даже снимали шапки. Нам, детям, всё это было в диковину, и мы своим учителем очень гордились. На каждом собрании Анатолий Николаевич говорил, но содержание его речей я не помню. Зато ясно помню: учитель часто приходил к нам домой и разговаривал с отцом. Особенно памятный разговор произошёл тогда, когда я заканчивал школу. Нас кончало двое, я и мой племянник. Учитель предлагал отцу отдать нас учиться дальше, в пятый класс, в город. Отец говорил: «Если разум есть, и так

дойдёт, а если разума нет — учи не учи, всё равно толку не будет… »

Всё-таки учителю каким-то образом удалось уговорить отца, и осенью нас с Саней отправили в мужскую гимназию №1 в городе Павлово, причём Анатолий Николаевич сам отвёз все наши документы и сам привёл нас в первый день в эту гимназию; о том, как я там полтора года учился, я расскажу позднее.

Никаких экзаменов, ни вступительных, ни выпускных, в то время не было, но учитель нас просто так из своей школы выпускать не хотел и придумал вот что. Всех выпускников он хорошо подготовил по литературе, арифметике, биологии и истории, и каждый из нас должен был сделать доклад на приготовленную тему перед всеми односельчанами.

В назначенный день людей в Народном доме собралось видимо-невидимо. Я сделал доклад о строении человека. В моём распоряжении был искусственный скелет человека и красочный муляж, разрез человека с видом на все внутренности.

Кроме того, я читал наизусть отрывок из Тургенева («Бежин луг»), а потом, в художественной части, которая была вслед за докладами, играл мальчика Костю в инсценировке того же «Бежина луга».

Во время наших докладов из публики могли задавать вопросы и задавали много; никто не позволил себе никаких шуток, потому что в первых рядах сидели всеми уважаемые люди: председатель сельского совета, коммунисты, старики…

Через пятьдесят лет я плыл на пароходе по Оке мимо города Павлово. Сошёл на берег, решил задержаться в городе на сутки; бродил по улицам, где бегал в годы учения и работы, нашёл свою школу. Она, конечно, изменилась. Но вспомнил всё. Разыскивал сведения о своём первом учителе или его детях, но никого не нашёл. Но, так или иначе, я низко кланяюсь своему первому учителю Анатолию Николаевичу Виноградову. Он был истинный учитель. Продолжая своё учение, я часто ловил себя на мысли, что тот или иной факт я уже слышал раньше —

его рассказал Анатолий Николаевич. Я встречал множество хороших учителей, но лучше его не было никого — быть может, оттого, что он был первым моим учителем…

* * *

Фактически у нас в доме под одной крышей проживало три семьи:

- отец, мать, дедушка, бабушка, моя сестра Анна и я;
- брат Иван, его жена Анастасия, их сын Саша (другой сын, Ваня, умер ещё ребёнком);
- другой брат Фёдор, его жена Вера и трое их детей.

Работали и ели все вместе. Все женщины в семье ходили в одинаковых шубах, пальто, шалях, в одинаковых валяных сапогах — если что-то покупали, то брали сразу на всех. Раздоров ни по этому поводу, ни по какому другому никогда не было; все поводы для ссор были сглаживаемы.

…Я родился в старом маленьком доме; потом он вошёл в новый большой крытый двор, в котором была даже конюшня для лошади. В новом доме было два этажа: на первом прихожая, кухня и боковушка (так её звали), на втором большая комната и боковушка. Своя комната была у каждой семьи; два старших брата жили наверху, а отец с матерью внизу в боковушке. Печь стояла в зале на первом этаже, на полатях спали бабушка с дедушкой.

Отец мой был неграмотный, но когда он был уже пожилым человеком, моя сестра Анна, которая одна из всего села по настоянию братьев училась в Павлово, выучила его рисовать свою фамилию в разных деловых бумагах.

Мать писать не умела, но хорошо читала по-старославянски Псалтырь и другие церковные книги. Братья Иван и Фёдор окончили только начальную школу, но грамоту знали хорошо и очень красиво писали. Дед и бабушка были неграмотны. Газет и книг в доме не было, о политике и международных отношениях не говорили, а работали с утра до ночи. Отец и дед знали великое множество ремёсел: кузнечное, плотницкое, шорницкое, сапожное… В хозяйстве была лошадь, корова с телёнком,

несколько овец, свиньи, куры; мясо на обед было всегда — с осени запасали бочками свинину, говядину, капусту, огурцы, грибы. Хлеб, картофель, греча, пшено были свои, масло было своё. Много сеяли льна и ткали холст разного размера и качества.

Многочисленные посты в семье соблюдались строго. Постились 6 недель осенью, перед Рождеством, потом после Масленицы Великий пост (7 недель), и летом перед уборкой хлеба ещё 2 недели. Скоромного, то есть мяса, молока, яиц не ели, и по средам и пятницам — это были скоромные дни, — не давали молока даже детям, за исключением больных.

Помню и ещё один случай. Я уже был взрослым, работал в городе, и вот однажды приехал в гости к матери на две недели. Приехал в воскресенье, и мать меня вкусно накормила.

На следующее утро она меня разбудила завтракать, и на столе я увидел круглую обжаренную картошку, огурцы, хлеб и чай. В ответ на мой недоумённый взгляд мама говорит, что вчера было заговенье, а сегодня — пост… Я говорю: «Нет, так я жить не буду, уеду сегодня же опять в город». На другой день она мне говорит: «Вынимай сам из печи». Вынимаю: варёная курица, пшенник с топлёным молоком… После узнал: мать ходила к своему наставнику по секте, и он разрешил ей готовить скоромное, но за это наложил на неё епитимью: ежедневно отбивать сорок земных поклонов, три раза в день читать молитвы и, кроме того, поститься потом сверх положенного столько дней, сколько я буду есть скоромное; все эти условия она выполнила.

Ели досыта, пока не наступил голод 1920–1922 годов. Голодали все: взрослые, дети, голодали весь год, особенно вторую половину зимы и весну, пока не поспевали овощи и картофель. Как берёза зацветёт, мы, дети, отправляемся в лес и обираем цвет, который потом несём к бабушке; она из него нам что-то готовила. Собирали и коренья. Очень хорошо запомнилось, как дедушка уезжал куда-то далеко, за сорок вёрст, и привёз меру картофеля (это примерно полтора ведра). Он сидел на лавке и плакал, слёзы текли по белой бороде. Я узнал, что уплатил он за полтора ведра четыре золотые монеты по десять руб-

лей… А старшая сноха Анастасия, указывая на нас, детей, говорила: «Ну что ты, дедя, — так все называли дедушку, — их же надо спасать от смерти…». Съели лошадь, всех кур, осталась одна корова.

Не знаю, как нас тогда уберегли от смерти. В семье не было двух моих старших братьев: Иван был в плену в Австрии, Фёдор воевал в Красной армии, потом служил в Казани. Держалось всё на отце и деде — они ковали топоры, а снохи Анастасия и Вера ездили в Мордовию (Саранск и Пенза) и меняли эти топоры на муку, пшено и рожь. Повезут по десятку топоров и долот, а продуктов обменяют совсем чуть-чуть… Железнодорожная станция была за 25 километров от нас, до неё ходили пешком. Ездили, пока не кончился голод.

В 1922 году мне было одиннадцать. Возвращается из австрийского плена мой брат Иван, грязный, в самом неприглядном рванье. Рваньё это сожгли, и потому его встреча запомнилась. Потом он рассказывал, как был в плену, как воевал, как пытался бежать из плена и как, наконец, его освободили после перемирия с немцами.

Помню, как в один из весенних солнечных дней вся наша семья отправилась на огород за домом, где по указанию Ивана делали парники наподобие австрийских, виденных им в плену. Навоз на носилках таскали Иван с Анастасией и Фёдор с Верой, таскали с шутками, смеясь, балуясь, играя; остальные радовались, глядя на них, у бабушки лились по щекам слёзы радости и счастья… Это был самый лучший и радостный день нашей семьи.

Вот среди таких людей я и воспитывался пятнадцать лет. Здесь всегда в почёте был труд, здесь все трудились в меру своих сил; здесь не было обмана и ссор, все относились друг к другу равно предупредительно; здесь ко всем детям, чьи бы они ни были, относились одинаково ласково; здесь всегда были в большом почёте дедушка и бабушка, хотя при мне они уже не главенствовали в семье; здесь высоко чтили мать и отца; здесь старшие братья всегда были вместе и дружны, а их жёны относились друг к другу как сёстры.

Здесь сложился мой характер, моё трудолюбие, любовь к людям, презрение к лжи и воровству. Сохранилась вспыльчивость, но без мщения.

Чему не научила меня моя семья — так это сопротивлению к злу, несправедливости, лжи, приспособленчеству. Этого в семье просто не было. Я был избалован хорошими людьми, и потом мне это дорого обошлось в жизни. Много пришлось получить синяков и болячек. Я думаю, они меня не сломили — я остался на всю жизнь таким, как есть…

…Вернувшийся из плена Иван был тяжело болен туберкулёзом лёгких и вскоре умер в неполных двадцать восемь лет. В том же году умерла его и моя бабушка Пелагея Ивановна.

Через некоторое время к нам пришли сваты из соседнего села, я хорошо помню переговоры с ними; к Анастасии сватался некто Иван Сюртуков из соседнего села (за 12 километров от нас). Сватовство было мирное; спрашивали, с кем останется сын Анастасии Александр, мой ровесник. Он сказал, что с дедушкой и бабушкой; на том и порешили.

С Анастасией наша семья была дружна долгое время: даже когда я был уже в Москве, заезжал к её сыну погостить на два-три дня.

К тому времени отца уговорили отдать меня и Сашку учиться в Павлово. Через полтора года нас оттуда взяли: меня вернули домой, а Сашку определили в техническое училище; помню, отец сказал тогда: «Нам перед людьми будет стыдно, если мы его не выучим. Пусть учится, и наша совесть будет чистой перед ним, перед богом и людьми, а потом уж как сам захочет…»

Вскоре отец тяжело заболел. Несколько раз его возили в город лечить: один раз даже в Нижний Новгород, и потом он рассказывал, как в больнице к его постели подходил профессор и показывал его студентам… Но ничего не помогло. Отец тяжко и долго болел, у него был рак толстой кишки. Умер он в мучениях осенью 1926 года.

Ещё при жизни отец выгнал мою сестру Анну из дома за то, что она единственная из всей волости вступила в комсомол.

За это даже меня дразнили чужие ребята: «Косомол! Косомол!». Из-за этого Анна уехала в Павлово, где комсомольцы помогли ей устроиться на фабрику плановиком; к этому времени она окончила 9 классов средней школы.

Брат Фёдор стал председателем артели «Металлист», к нему ежедневно приходили люди, ели мясо в пост, курили, — по закону религии матери это всё воспрещалось, и, видимо, с её разрешения, они отделились: заняли ещё одну комнату, забили гвоздями дверь и сделали свою русскую печь. Мать и все мы ходили к ним, а они к нам.

И мы остались втроём: я, моя мать и мой дедушка.

Фёдор жил недолго: заболев туберкулёзом лёгких, он умер в 1927 году, когда ему было 32 года. После похорон у его жены осталось три рубля денег и трое детей. Помню, она горько плакала: ей было только 28 лет, на руках — трое ребятишек… Но мать, которая вообще была оптимистка, говорила: «Не горюй, бог не оставит нас в беде…» Вскоре всех троих детей взяли на воспитание их тётки, т.е. сёстры матери, а их у неё было пять сестёр. И осталась вдовая Вера одна. Потом ей купили сепаратор для переработки молока, и ежедневно после дневной дойки к ней приходили соседки перегонять молоко в сметану и обрат. С каждой она брала за работу кружку молока, у неё появилось масло, творог, стала продавать — этим и жила…

Так произошёл развал большой семьи Митюхиных, как нас звали в семье по имени деда.

* * *

Мой дедушка Дмитрий Прохорович, как я его помню, был уже стар; большая белая голова, большая лысина и белые волосы по бокам головы. Волосы были лёгкие, как пух, и когда мы, дети, дули на них, они разлетались. Когда он был «в духе», в настроении, все пятеро правнуков лазили по нему, по плечам, коленям. У него не было ни одного зуба, и мы совали ему в рот по очереди свои пальцы, чтоб он их откусил, и звонко смеялись, когда нам не было больно.

Память ребёнка удивительна: прошло уже 70 лет, я был совсем маленьким, но многие рассказы деда — помню. Помню его живые, молодые глаза — они сверкали, когда он увлекался и показывал, как орудовал на войне ружьём со штыком. Он воевал в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, освобождал Плевну.

Родился он в 1855 или в 1856 году, ещё до отмены крепостного права. Но его отец не был крепостным, потому что бежал в леса; Селитьба никогда не знала барина.

Однако дед с большим почтением относился к памятнику царю Александру Второму, Освободителю. Памятник стоял в волостном нашем селе Баранове, мимо него часто ездили в город и на базар. Перед памятником дедушка всегда снимал шапку, и лицо его при этом делалось каким-то светлым.

— Пешком, — рассказывал он, — я прошёл всю Рассею. И дошёл до гор Кавказских…

Мы ахаем от восторга. А «дедя» продолжает:

— И пошли на турок за веру христианскую. Над болгарами турки очень издевались, отреза́ли уши, выкалывали глаза, а болгары ведь наши братья, с нами одной веры… В горах они были нашими проводниками, вместе с нами сражались… В горах снег лежал и летом, было очень холодно. И вот мы шли и брали Плевну, а потом её взяли и всю разорили, а нас всё гнали и гнали без отдыха к Царьграду. И вот однажды мы выбили турок из палаток, забежали в палатки, а там еда… Мы сразу на неё набросились, а офицеры бегали по палаткам и выгоняли нас плётками. Особенно лютовал капитан, командовавший нашим батальоном: орал, бил плёткой направо и налево… Мы решили с ним разделаться. Вскоре и момент настал подходящий: была редкая перестрелка, а он выехал на коне впереди нашей цепи. Вдруг он вздрогнул и упал с лошади. Его вытащили. Оказалось, что ему в спину угодила наша пуля. Было дознание, но никто не выдал того, кто стрелял в командира.

— Дедя, а ты знал, кто его убил?

— Знал, деточки. Но здорово насолил нам тот капитан, и не стали мы своих выдавать. А потом всех офицеров, которые

над солдатами издевались, убрали из нашего полка, не то мы всех бы их… А другие уж были потише.

Рассказывал дедушка о том ещё, как они обманывали турок:

— Нас было только человек пятнадцать солдат. Стояла скала, и вот мы беспрерывно ходили вокруг этой скалы, чтоб турки видели, что нас много, — а иначе нападут и вырежут всех… Много в то время погибло русских солдат за веру христианскую…

Рассказывал о море, как шумит оно и бьёт волны о прибрежные камни, и шум волн слышен за 10–15 вёрст. Как не дошли русские войска до Царьграда (Константинополя) 12 вёрст, потому что турки поспешно предложили «замирение». Как окончилась война и войска долго стояли в горах, а потом был устроен смотр, где перед войсками выезжал главный генерал Скобелев на белом коне. Много рассказывал о тяжкой службе солдата.

Дедушка был неграмотным, но очень умным человеком, ему было к тому времени около 70 лет, а память у него была как у молодого.

И что удивляло в нём: он всегда был чем-нибудь занят, что-то делал, хотя правая рука у него была парализована, не работала и висела плетью. Он работал одной левой рукой, но умел всё: он смастачил однажды хомут и седёлку для лошади, сам шил сапоги, подшивал валенки, умел делать сани, телеги, рубил дом, в лес ездил один, сам валил деревья и сам, в одиночку, одной рукой, взваливал брёвна потом на телегу.

Помню, он ругался матерными словами на бабушку. При этом она всегда молчала, а как он уйдёт, говорила нам: посмотрите и посчитайте, сколько брёвен в стенах дома. Это всё он и привёз. Один. И столько же выпил чекушек вина. Привезёт бревно — чекушка…

До самозабвения любил дедушка лошадей. Днём иногда я видел его стоящим подле лошади, положив руку ей на голову. Ночью он четыре или пять раз выходил к лошади, чтобы дать ей корму, погладить её. И боже спаси, если кто-нибудь из нас, работая на лошади, ударит её кнутом или она вспотеет от быстрой езды. Возвращаясь с работы, я за сто метров до дома уже спры-

гивал с лошади, и она бежала к деду, который встречал её, приготовив для неё корму, а для меня палку. Хотя никогда меня не бил. Очень любил он внука Саню; меня не любил. Я всегда где-нибудь проказничал.

Отдыхал он днём очень редко. Спал всегда на печи. В баню ходил всегда первый (баня в каждом хозяйстве была своя, топилась по-чёрному). Он парился так, что из бани еле выползал; поваляется в снегу — и обратно. С ним никто никогда не парился: не выдерживали; он слишком сильно поддавал пару, так, что дышать было нечем. Затем он, уже не одеваясь, а только надев на голое тело тулуп, приползал домой, ложился на лавку и приходил в себя.

В 14–15 лет я уже самостоятельно пахал, обрабатывал землю. Под руководством деда косил сено. Хорошо помню, как мы хоронили отца. Было это в разгар осеннего сева озимых. Вернувшись с похорон, мы отобедали, и дедушка приказал всем ехать в поле. Я удивился: в такой день… И тогда он сказал: живой думает о живом. Отца не вернёшь, а нам жить надо. День год кормит, поедем… Отец был у него единственным сыном.

С этих дней мы добывали на жизнь тем, что вывозили из лесу брёвна на лесопильню (или по подряду в город Ворсму, за 25 вёрст). Дерево толщиной в полметра надо было спилить, обработать, положить на сани и вывезти. Дед работал одной рукой, я, мальчонка, как мог, ему помогал. И он, и я уставали до изнеможения, но чтобы дед жаловался на судьбу — я не слышал.

Прожил он долгую жизнь, почти 80 лет, пережил почти всех в нашей семье и умер только в 1934 году.

Он не молился, в церковь при мне ни разу не ходил. Похоронили его, как он завещал, по старообрядческой вере. В моленной отпевали старухи.

Светлая память тебе, дедушка Митюха!

* * *

С моим отцом Василием Митричем я расстался в 1926 году, когда я был четырнадцатилетним подростком. Фотокарточки

отца не сохранилось. Но прошло более 60 лет, а я представляю его себе так, как будто расстался с ним вчера.

«В детстве мы сплетаем золотой клубок впечатлений, который потом разматываем всю жизнь», — сказал Пётр Ильич Чайковский. Это очень верно по отношению ко всем нам. Я помню многие моменты в мельчайших подробностях…

Я уже говорил о том, что отец долго и очень сильно болел. Причём не лежал в постели, а сидел на стуле, сидел и день и ночь, не вставая и не разгибаясь. Голова его лежала на руках, сложенных на столе. Изредка он стонал, когда терпеть было вовсе невозможно.

Помогали ему обезболивающие порошки, которые продавал фельдшер. Это был низкого роста, толстый и какой-то круглый человек с глазами навыкате. Толстые короткие пальцы, сжимающие подачку. Мать низко кланялась ему и умоляла дать порошков. Он отказывал, а потом давал по нескольку штук, когда мать приносила ему масла, яиц или сала. Потом она уже не ходила к нему без какого-либо подарка. Видимо, и денег давала, потому что иногда посылала и меня за порошками, сказав: «Иди, я ему уже уплатила». Я приносил, и отцу на какое-то время становилось легче. Мы только теперь знаем, что такое рак, а тогда этого слова даже не слышали…

Когда отец стал умирать, народу набилась полна комната — это было в деревнях обычным явлением. Смотреть, как уходит из жизни человек, приходили многие. Я, повторяю, был ещё ребёнок, но уже много раз присутствовал при смерти, при последнем дыхании человека. По вере религиозной предполагалось видеть, как душа расстаётся с телом, как морщится умирающий, испив чашу горькую.

В деревне я видел много всевозможных болезней: в частности, в каждом почти доме люди болели оспой, выживали редко; чудом выжил и мой брат Фёдор, он был потом рябым — это результат подживающих на лице струпьев, которые очень чесались, до того, что больному связывали руки. На них было страшно даже смотреть. На моих глазах умирала от оспы красивая-

красивая девочка, дочка соседей. Поголовно косил людей тиф. Я тоже переболел брюшным тифом, и только самоотверженность матери, выходившей меня, позволила мне выжить. Мать потом сама заболела, заразившись от меня.

Когда отец прекратил дышать, мать заголосила, с причитаниями («и на кого ты нас оставил…»). По покойнику стали читать Псалтырь, зажгли свечи, положили его на кровать, распрямили. Меня послали на почту давать телеграмму моей сестре Анне, его дочери, она жила в городе Павлово. Я даю телеграмму, возвращаюь домой и с ужасом вижу: отец лежит на кровати с открытыми глазами и поводит ими. Он что-то хотел сказать, но язык уже не повиновался ему. Я подумал с испугом: «Как это я обманул Анну, послав ей телеграмму, что отец умер, а он ещё живой?..»

Через несколько часов, уже в беспамятстве, отец умер.

Мои первые воспоминания о нём относятся ко времени, когда ему было уже более пятидесяти лет. Он был среднего роста, коренаст, с окладистой рыжей бородой и чёрными густыми волосами, стриженными «под кружок», он мазал их маслом и расчёсывал на пробор, а когда чем-то бывал возбуждён, то обеими руками отбрасывал их назад, и они топорщились. За своей внешностью он очень следил, и мать часто подшучивала над ним. Помню, он один, наверное, из всего села ходил в яловых сапогах, — может, потому что его отец, а мой дедушка сапоги шил сам. Часто я видел его у свахи матери, вдовой Анастасии: сидит, бывало, подолгу, пьёт чай. Мать меня иногда посылала за ним.

В армии он не служил, так как, согласно закону, в армию последнего сына, «кормильца», не брали, а отец мой был у своих отца с матерью единственным сыном.

Отец был человеком очень мягким, но вспыльчивым, скоро утихавшим. Спиртного он никогда не пил (болело сердце), не курил, никогда не ругался и вообще редко повышал голос — но слушались его все беспрекословно, и два раза ему никогда ничего не приходилось повторять. Мать мне рассказывала, как

один-единственный раз она чисто случайно слышала, что он, забивая во дворе в стену гвоздь и попав по пальцу, вместо «Господи!» выругался.

Он всегда и всюду, если была возможность, брал меня с собой. Очень часто по воскресеньям или в праздник мы ходили с ним на родники: «кипячий», ближний к селу, «гремячий», вытекающий версты за две от села из стены оврага, или на бурный ручей, вытекающий из леса и впадающий в речку Павлинку. Отец садился и молчал, думал о чём-то: он вообще не был разговорчивым. Но иногда возле ручья он принимался вслух мечтать:

— Мы с тобой когда-нибудь перекроем этот ручей, сделаем плотину и водяную мельницу. Место уж очень подходящее…

Ходили мы по ручью и вверх в лес, искали и находили другие родники. О мельнице отец думал часто и уже приступил к осуществлению своего замысла — стал возить из леса длинные, метров по десять брёвна, «хлысты», занимался этим до самой своей смерти. Был 1926 год, время НЭПа, о нём не говорили, но частным предпринимательством заниматься было разрешено.

Брал меня отец с собой и в Саранск, Пензу, когда ездил менять на муку топоры и долота (поездки такие начались во время голода, о котором я уже писал, а потом отец уже пристрастился к таким путешествиям). Мне тогда не было ещё и шести лет. Иногда мать его упрекала: «Что ты таскаешь мальчонку бог весть куда!», на что отец ей отвечал: «Пусть привыкает, он мне помощник: отойти куда — так он покараулит товар или хлеб, да и на поезд лучше с ним садиться». Пассажирские поезда в бытность мою в тех краях не ходили, все ездили в товарных вагонах; обычно на станции Серета отец договаривался с кондуктором, естественно, давал ему какую-то мзду, и тот устраивал нас в вагоне. С товаром отец возвращался не всегда: могли и отобрать по дороге, могли быть и другие причины. Но помню — один раз отец привёз целый мешок денег. Его вытряхнули на пол посреди комнаты, и все семейные уселись вокруг и стали разбирать. Когда кто-то постучался в дом, то деньги поспешно

накрыли одеялом (какая всё-таки цепкая детская память!). Добавлю, что деньги тогда были очень дёшевы, только-только вводился твёрдый курс («червонец»).

...Отец мой никогда меня не ласкал в понимании сегодняшнего дня. Ни разу не поцеловал, не гладил по голове. Но никогда и не наказывал. С ребёнком он всегда разговаривал как со взрослым, поверял свои мечты и мысли. Мы шли, он держал меня за руку и говорил: «А как ты думаешь...» Ни в чём меня не сдерживал, в разумном.

Хотя, помню, однажды послали меня за керосином в лавку, как тогда говорили. И я, держа деньги в руке, облил их керосином. Они как-то побелели. Отец сдвинул брови, но ничего не сказал... А как я испугался!

Он в душе по своему характеру был воспитателем, хотя был безграмотным. Не читал, не писал, а всё держал в уме. Почему-то каждый вечер, когда был дома и в здравии, ставил меня между ног своих и спрашивал одно и то же: «С кем ты сегодня подрался и кто кого одолел?» Я был большой драчун и задира в детстве. Удивительно, но когда взрослые видели, как мы дерёмся на улице кулачками, — никогда не разнимали, не ввязывались. «Сами разберутся». Сами и разбирались, конечно, палки или камни в руки не брали, а кулачонками, и то синяки были. Нас на улице что-то было много соседских детей...

И в одну из поездок он надорвался (как он сам говорил): грузил в вагон ящики с топорами, а они очень тяжёлые. Грузить надо было быстро, да ещё таскать к вагону, потом быстро разгрузить, ведь всё это делалось незаконно. Приехал и заболел. Через год мы его хоронили. И семья распалась окончательно.

Память моя об отце сохранила много светлого, радостного, благодарного. Для меня отец и мать были людьми непререкаемого авторитета, послушания и жизненного подражания. Я всю жизнь руководствовался их советами: а как бы поступили отец и мать в трудную горькую минуту? А таких минут ох как много было в жизни.

После того, как семья осталась без лошади, а она была основная кормилица, отец долго где-то пропадал, и однажды

вечером заявился на серой сытой спокойной лошади. Привёз вдобавок большую бочку — литров 200–300 — льняного масла. Которое и ели досыта какое-то время. А лошадь дожила до организации колхоза, отца уже не было, оставался один дедушка и мать, но дедушка уже был беспомощен. Он её пустил на волю, в бесхозность. Куда она попала, не знаю. Дедушка колхоз не принял и умер единоличником, да его и не тревожили.

...Кузнецы могли переходить от одного фабриканта к другому. Труд не отличался, но кто дороже заплатит за скованный топор. Началась война 1914 года. Отца на войну не взяли, видимо, были военные заказы, маленькие топоры ковали для армии. Лучших кузнецов «бронировали» и, видимо, отец какое-то отношение имел к этому, т.к. было покушение на его жизнь, отравили мышьяком его лошадь. Я ещё был мал, чтобы разбираться в событиях, я уже сужу со взрослым пониманием, но я видел мёртвую лошадь, на которой меня постоянно катал отец и слышал непонятный для меня разговор «мстят, обижены, сердиты» и т.д.

Купили другую лошадь, но тут началась мобилизация лошадей для армии, и его лошадь взяли — помню, дедушка плакал. Поехал в волость (за 12 км) на лошади, а оттуда пришёл пешком.

Началась революция, потом голод. Соседи — много семей — уезжали в Сибирь, через несколько лет вернулись. А отец стал ездить за хлебом сначала по деревням, к мордве, чувашам, менять топоры на хлеб, а потом в города Саранск и Пензу.

* * *

Моя мать Ирина Петровна, по-деревенски Орина, как её звали все.

Родила она меня, когда ей исполнилось 52 года — случай редкий. А всего она произвела на свет божий 7 человек детей, из них трое умерли в детстве. Причём одного я помню, его звали Петя. Когда он умер, мать не плакала. «Бог дал, бог взял». Отец взял гробик под мышку, полотенце через гробик и шею

и так понёс в церковь на отпевание, а потом на кладбище. Рыданий и воспоминаний не было. А вот когда я родился — говорили, что радости у матери и отца конца и края не было. «За что меня бог порадовал», — всегда мать говорила, ведь все её дети были взрослыми, женатыми, имели уже детей своих. Была только одна дочь, и той уже было 8 лет — моя няня, воспитательница. Но о ней скажу позднее.

Дедушка мой не воспринял меня и говорил, что, когда матери пришло время родить, он её из дома выгнал в конюшню. Он в пылу гнева мне много раз говорил: «Ишь ты, из чулана вылез», или «поскрёбыш». Любил правнука, сына старшего брата Ивана, очень баловал его. Также любил и баловал Саню, он был мой ровесник и племянник, а я ему дядя. И когда я что-либо напроказничаю, то просил Саню перед дедушкой взять вину на себя. Он ему всё прощал, смотрел на него ласковыми глазами, они у него как-то своеобразно сверкали.

Мать мне рассказывала свою историю. Вышла она замуж сама, самокруткой. Сосватал её дедушка. И вот пришла она одна в дом, в лаптях. «Стою у двери, держусь за ручку двери. Дедушка стал торговаться за приданое. У меня ничего не было. Но жених должен был дать 10 рублей. Сторговались на 7 рублях, да и те деньги мне не отдали. И будущий свёкор сказал: "Полезай на полати"*. Жениха в доме не было. Так и начали жить. Время от времени меня бил и свёкор, и муж, если что не по ним. Так вот прожила всю жизнь».

В мою бытность все в семье мать уважали. Она обычно говорила, когда её обидит отец: «вас семь, а я хозяйка всем».

Очень любила меня мать, всячески лелеяла. При людях не ласкала меня, не выделяла ничем при внуках, посторонних, а как только ночь — клала меня всегда спать с собой. Когда отсутствовал отец, а он часто уезжал, «добытчик» — ласкала, приговаривая: «Ах ты, моё золотко, радость моя, кормилец мой, какое счастье дал мне господь бог, расти, будь счастлив,

---

* Полок, сделанный из досок близ потолка; залезали на полати с лежанки русской печи. — *примеч. А.Р.*

когда я умру, и с того света смотреть на тебя буду, и там буду молить бога за тебя, мой сыночек». Всю нерастраченную ещё ласку она отдала мне до самого конца, ни разу меня не наказала ни за что. А наказывать было за что. Детских шалостей хватало. Но всегда на меня — «Костеньку», как она звала меня, — смотрели ласковые глаза матери. Жил я с матерью до 17 лет, а потом ушёл в люди, но об этом после.

У матери был брат, жил в том же селе; я его мало знал, но у него были дети, племянники матери. Один из них был в числе товарищей-коммунистов, погибших при восстании; тот, что чудом спасся. Он сбежал, его догнали, сильно били до беспамятства, а потом зарыли в снег, как убитого. Но он остался жив, и больше ничем не проявлял себя, — работал кузнецом. А вот второй был горбатый, злой, но умный, стал коммунистом, руководителем в совете. Потом в районе. И он был ярый враг матери. Причину я не знаю. Но не классовый инстинкт, т.к. его отец не был бедняком. Он мать преследовал до самой её смерти.

И ещё была сестра Марья. Она мать звала «нянькой». Был у неё муж Василий, чёрный, хмурый мужик. Не слыхал я от него ласкового слова, даже боялся, а его сын Павел был моим крёстным отцом. Будучи уже взрослым, 15–16 лет, он учил меня счетоводству, бухгалтерскому делу, досконально научил считать на конторских счётах. Он работал тогда главным бухгалтером в сельпо. И давал мне считать бесконечные годовые цифры отчётов, говоря, что здесь не сходится сумма в одну-две копейки, и я должен найти её в ведомостях. Я сидел целыми рабочими днями и считал, считал. Счетоводом я не стал, но потом всю жизнь хорошо разбирался в бухгалтерских делах. Это мне в жизни помогало, особенно когда я стал директором школы.

Я прожил большую жизнь, повидал многие сотни людей, но ни разу не встретил такую дружбу, какая была между сёстрами, матерью и Марьей. Они жили в отдалении друг от друга, около полукилометра, но виделись ежедневно, иногда несколько раз в день. Испечёт ли мать хлебы, лепёшки или что — спрячет под фартук и побежит к сестре. Сестра её взаимно любила. Святая дружба двух женщин, потом старух — необычна. Дед,

её свёкор, бесконечно ворчал на мать, что опять убежала «туда» (не говорили, что к сестре, но все понимали). Они делились всем: и радостью, и горестью. Кого обидел муж, что с детьми. У Марьи были дети: сын Павел и дочь Анфея. Они были также близки с моей матерью и со мной. Закрыла глаза моей матери Анфея, дочь сестры. Эту благородную дружбу двух сестёр я всю жизнь считал великой благодатью, она очень благотворно отразилась и на их детях, даже на внуках и моих детях. До сих пор мы, хоть очень редко, если попадаем в Селитьбу, то останавливаемся у них, и встречают нас со всем гостеприимством. Это чудесно. Хотелось бы, чтоб эта дружба, дальняя родственность, перешла и к моим детям и внукам.

Мать обладала сильным характером, была большой оптимисткой. На всё у неё был один ответ и взгляд: «Так угодно богу, что бог ни делает, всё к лучшему». Эта вера во всемогущего бога и помогала ей жить и переносить все невзгоды. А их было много. Даже смерть двух взрослых сыновей, мужа, свекрови (все на моих глазах) она перенесла стоически. А впереди её ждали новые невзгоды.

После болезни её мужа, а моего отца, и смерти его, остался я, малолеток 14 лет, её свекор, мой дедушка (около 80 лет) и она. Надо было кормиться, существовать. И она решила открыть в своём доме пекарню. Шёл 1928 год, в стране НЭП. Ей разрешили. Был у неё патент. Наняла пекаря — старика из другой деревни. В пекарне ежедневно, кроме воскресенья, испекали один мешок пшеничной муки, килограмм 60–70. Выпекали булочки, баранки, батоны — как сейчас их именуют. Помогали дедушка, сама она и я. Продавали тут же, баранки сдавали в магазин кооперации. Дрова заготавливали и возили из лесу с трудом, но сами, запрета на вырубку не было. Была, видимо, какая-то прибыль, т.к. сводили концы с концами. Продадут всё — и снова покупают мешок муки, 0,5 растительного масла, 1 кг сахара. И меня научил пекарь ставить тесто, его обрабатывать, делать плюшки, катать баранки, а это очень тяжёлый физический труд — делать баранки. Замесить муку с водой и промешать так, что тесто делалось как резина, а это килограммов 30

теста, и скатать, склеить силой эту баранку. И сейчас, когда ем их, — вспоминаю тот труд. А ещё ведь надо было ежедневно заготовить примерно полкуба дров, и дрова, и муку привезти.

Так всё шло до 1930 года, до организации колхозов. И тут круто всё изменилось.

Надо сказать, что до образования колхозов в селе организовалось «Товарищество по обработке земли», т.е. землю и скот не обобщали, а только помогали в обработке земли ещё простыми машинами — сеялка, сенокосилка, жнейка. Давали крестьянам, кто вошёл в это товарищество. Беднякам, вдовам помогали обработать свой участок и лошадьми, их называли «советскими», т.к. эти лошади, две или три, числились по штату за советами.

Хлеба в ту пору ещё жали серпами. Женщина брала левой рукой пучок ржи, сколько захватит, а правой резала серпом. Это тяжёлая работа, женщина была всё время в согнутом положении, срезать нужен был опыт и сила.

У соседей полосы ржи косили косилкой, запряжённой двумя лошадьми. Мать послала меня за разрешением к начальству, чтобы скосили и нашу полосу. Мне начальник (он же матери племянник, а мне двоюродный брат) ответил, что кулакам и их семьям помогать не будем. Здесь я впервые услышал это слово «кулаки», и мы причислены к этому ряду. Моя мать, не осознавая, что это такое, пошла сама к начальнику (благо родной), видимо, по-бабьи, по деревенски накричала на него. Ему показалось обидно, и он приказал её посадить в «холодную», как делалось при старом режиме, а поскольку «холодной» не нашлось, то её заперли в большом сарае. Вместе с ней попала одной бабушки коза. И сидели несколько часов мать и коза. От голода коза блеяла, по этим звукам её и нашла бабушка: ходила, упрашивала начальника, выпусти козу. Заодно выпустили мать. Похоже на анекдот, но это правда, чему я был свидетелем. И дальше пошло, поехало. Кончилось тем, что мать причислили к кулакам, лишили её гражданских прав, стала она «лишенкой», не имела права выбирать в Совет. Матери было уже далеко за 60, она не обращала на это внимания, говоря «чай насрать».

Это очень дорого потом обернулось для неё и особенно для меня. Отныне я стал преследуем: сын кулака, сын «лишенки».

Наш большой дом к началу тридцатых годов опустел. Жили в нём 14 человек, теперь только 4 человека: мать, дедушка и я, во второй половине жила сноха Вера. На квартиру к нам поселился приезжий из Москвы, специалист по лесному делу Николай Александрович Доброхотов с женой и дочерью лет 5. Стало весело. Я уже взрослый, 15 лет. Н.А. взял меня к себе в помощники. Мы ежедневно ходили в лес, всё дальше и дальше. И глубоко в лесу (за 15 км) начали строить лесопилку. Начали около неё валить лес, свозить его в штабеля около лесопилки. Н.А. переехал с семьёй в деревню Бочиху за 7 км и меня взял к себе. Была у нас лошадь. Я принимал от возчиков лес, т.е. замерял кубы, составлял списки, ведомости. Всей этой премудрости меня научил Н.А. У меня в руках было клеймо, государственный знак. А потом было разрешено со склада отпускать лес на постройку домов, по ордерам. И стали приезжать с большой округи за лесом. Лес — это огромное богатство, никем не учтённое. И повезли Н.А. «подарки» — мясо, масло, муку; видимо, и деньги. И стал Н.А. ежедневно пить водку. Обычно был серьёзен, хмур. А как выпьет, то становился весел, разговорчив, шутлив. На «подарки» его жена смотрела с радостью, не сердилась, когда пил её муж, т.к. был ласков с ней. Я у них жил в это время как член их семьи. А потом он стал приходить в лес на работу всё реже и реже. Я стал полновластным хозяином огромного богатства. Я принимал лес, я его и отпускал по запискам Н.А. Однажды подарили и мне перочинный нож с 12–15 лезвиями в нём. Я ещё не понимал, что это и мне «взятка». Приехал домой, показал нож матери, она мне это объяснила ясно. Это была первая и последняя в моей жизни взятка.

Ну, а самое интересное и трагическое совершилось там в лесу. Шёл 1929 год. Началась подготовка к коллективизации. И вот в деревню Бочиху, а лесопилка строилась полным ходом от неё за 7 км, пригнали жить и работать священников (поповцерковнослужителей) всякого ранга, молодых и старых, со

всего района, а начальником над всеми этими людьми поставили фактически меня (юридически Н.А.). Это был какой-то кошмар, нарочно придумать нельзя. Братья-священники жили в деревне, работать ходили в лес, за 7 км туда и обратно. Катали брёвна по 300–500 килограмм и укладывали в штабеля в 5–7 накатов в высоту. Денег им не платили и не кормили, спецодежду не выдавали, домой не пускали. Они многие, особенно старики, плакали. Осень, зима, весна, ростепель — это был какой-то кошмар. Естественно, я, юноша, не понимавший ещё смысла жизни, смотрел на это с каким-то ужасом. Я распоряжался ими напрямую или по телефону (уже из лесничества провели телефон к строящейся лесопилке). Я на них не жаловался, хотя однажды дали какое-то распоряжение, и они не выполнили. Я сказал об этом лесничему, а он мне: «Заставь вычистить уборные (они уже были построены), кто не подчинится». Я не сделал этого. Для Н.А. и меня построили теплушку (домик), где была поставлена железная печурка, и лошадь у меня была. Они ко мне относились хорошо, ничем не обижали, и я тоже. Только один раз молодой попик спросил: «Молодой человек, скажи, плюс на минус какой знак получается?» Я не ответил. Он язвительно улыбнулся. А другой сказал: «Ну что ты, он же не виноват, ты поблагодари бога за то, что у нас он, а не другой». Зимой ещё было легче. Дни маленькие — пока придут в лес, разберутся, поработают час-другой — начинает темнеть. Отпускал домой. И невыносимо было смотреть весной, когда стал таять снег, вода. Они в валяных сапогах, в лаптях, мокрые, посушить обувь-одежду негде. Я не выдержал этой пытки, несправедливости — и убежал в город Павлово, где жила моя сестра Анна. И больше я в деревню не вернулся.

А кончилось дело с сосланными попами так: началась сплошная коллективизация, ежедневно шли собрания до позднего вечера. Никто не работал. Резали скот, ели, пили самогонку, отпускали лошадей прямо в поле. Иногда привязывали бирку «не хочу в колхоз». Вечером все записывались в колхоз — наутро шли выписываться. Стон, плач раздавался по деревне.

«Кто за советскую власть — поднимите руки». Все поднимали. «Кто против?» Нет, единогласно. Все вы теперь колхозники. (Всё это я видел и слышал своими глазами и ушами.) Хорошо это описал Шолохов в «Поднятой целине». Так это и происходило в лесной деревне Бочихе, откуда не было и дорог в уезд и волость, да и сейчас нет, через 50 лет. Вышла статья Сталина «Головокружение от успехов», дутый колхоз в Бочихе сразу распался, остались 5 комсомольцев без лошадей и коров. Родители их не согласились. В развале колхоза обвинили живших в Бочихе священников, и началась над ними расправа. Кого в тюрьму, кого в Сибирь, кого отпустили домой (стариков и чины благочинные и пр.). Колхоз там организовали только спустя два года.

Я ушёл в город. Дедушка умер. Мать осталась одна. Ушла в другую деревню в няньки. Её не высылали, но дом её (мой) заняли жильцы — соседи, молодая семья, во второй половине осталась жить внучка Веры Николаевны. Я был там в 1985 году вместе с сыновьями Евгением и Виктором, навестили могилу матери.

Видеть чужое горе невыносимо. Я ещё не был защищён ничем от зла. Впервые в жизни столкнулся, видел, участвовал в свершении зла, издевательства над грамотными, умеющими людьми. И ничем не мог им помочь. Полное бессилие. Это был первый стресс молодого, не окрепшего физически и морально человека. Эта несправедливость не оставляла меня всю жизнь. Это была правда виденная и слышанная.

Осталась у меня ещё одна опора — моя сестра Анна Васильевна. Она была старше меня на 8 лет, моя няня, воспитатель, опора. О ней я буду говорить попутно с моей жизнью.

* * *

И, наконец, я — Рубанов Константин Васильевич.
Родился в 1911 году 15 сентября в селе Селитьбе. Убежавший от видений ада в лесу, от организации колхоза в деревне Бочиха. От самодурства, от бесчинств. В 1930 году мне было 18 лет.

Мать предлагала мне жениться и жить в семье. Находились и невесты. Любил я Анфею две недели, много годов не забывал Елену из Бочихи. Жизнь пошла бы по-другому: работать физически, есть, спать, плодиться.

Павлово-на-Оке.

Там жила моя сестра Анна, у неё был муж Александр Александрович, родился только что Валерий (он сейчас живёт в городе Горький, кандидат физико-математических наук, дважды лауреат Государственной премии). Мой зять меня признавать не хотел. Он был член партии, работал в это время на заводе им. Марасанова (было модно давать имена рабочих) парторгом. Достаточно было ему сказать слово, и меня бы устроили учеником токаря, а так хотелось. Устроился сам на этот завод чернорабочим, подметать в цеху, убирать металлические стружки, таскать полуфабрикаты. Завод вырабатывал замки всевозможные, ножи, ложки, были ещё и тяжёлые какие-то валы.

Потом перевели в кузницу. Я поднимал молот через шкивы, мастер делал поковки. Работа тяжёлая, изнурительная, однообразная. И жарко, и холодно. Питания не было. Вставать рано по гудку — очень хорошо описано Горьким («Мать») в начале книги. Меня приняли в Союз металлистов, хотя я уже был член профсоюза с 1927 года, когда работал в лесу. Это был первый мой документ, членский билет, я был очень рад ему, он мне потом помог в жизни.

Устроился я учиться в вечернюю школу, был экзамен, 4 правила арифметики, сумма, вычитаемое, слагаемое, разность. Я что-то лепетал. Не учился 6 лет, забыл все определения, но меня приняли — учился.

Вернусь назад в 1923–1924 гг. Когда меня отдали учиться в город в 5-й класс, был НЭП. В магазинах, на базаре появилось огромное изобилие всего-всего. Я любил ходить по базару: тысячи людей, кто продавал, кто покупал. Базар был по понедельникам и пятницам. А до этого был голод. Я был в гостях у сестры. Если сестра покупала тыкву и варила из неё кашу — на свете вкуснее ничего не было. Ходил по базару, но ничего не покупал — денег у меня не было. Почему вспомнил 1923 год —

разбил стекло в школе, надо было уплатить 75 копеек, у меня их не было, а сказать дома боялся.

И вот 1924 год, только что кончились каникулы, мы были в деревне, а потом нас привёз дедушка на санях, сделал кибитку. Стояли очень сильные морозы, к тому же ветры, вихри снега в поле. И вот 24 января рано утром на рассвете мы прибежали в школу. В школе выставили портрет В.И.Ленина с траурной чёрной лентой. Около портрета толпятся учащиеся, подходят и учителя. Я не знаю почему, но до того времени не слыхал ни разу имя Ленина. Может, и говорили когда, но я не помню. Газет ещё не читал. И здесь впервые услышал имя Ленина и увидел портрет. Учёбу отменили, чему мы, ученики младших классов, были рады, пошли гулять. Дальше помню день похорон, митинг на площади, сотни людей, мороз страшенный. Мы, дети, плевали — на землю падал уже ледок. В Павлово было несколько фабрик, артели, семь церквей, и вот вдруг (для нас, конечно) разом загудели гудки фабрик, зазвонили на церквах колокола. Ощущение для детей было потрясающее. Наверное, ещё больше для взрослых. В это время, оказывается, опускали тело В.И.Ленина в Москве. На площади оборудовали монумент Ленину в виде пирамиды, высокой, и сделали металлическую решётку (в городе всё делали из металла), установили по углам электрическое освещение. Уже после митинга, когда народ стал расходиться, кто-то ухватился руками за решётку, отодрать руки не мог — закричал. За ним ухватился другой, и он пристал, и ещё, и ещё. И я пристал. Потом нас отодрали, мы упали, покатились. До сих пор не пойму, наверное, мы были в снегу, в инее, и через руки пошёл электрический ток.

Но снова вернусь в 1930 г. Я работаю и учусь в вечерней школе. Приезжает из Селитьбы Александр, мой брат. Карантин. Он живёт со мной вместе на кухне. Я на деревянном топчане, он под топчаном на полу. Потом он устраивается избачом в деревне Тарка, 3–5 км от города. Я перехожу работать в артель, снова чернорабочим, убийственная работа, не так тяжела, как бесперспективная, нет нормы, нет конца, нет удовлетворения сделанному. Прочитали объявление: в Нижнем Новгороде при-

нимаются юноши в военную школу. И мы с Сашей махнули в эту школу. Нас приняли. Кормят отлично. На мороз выгоняют без рубашки утром на физзарядку. Нам нравится. Дисциплина, красный уголок, оружие. Школа в Кремле. Форма. Первый раз в жизни увидел трамвай, автомашины легковые. И в первый же день, когда нам дали увольнительную в город, мы с ним решили прокатиться на трамвае от площади Горького (сейчас) до Кремля. Показалось чудом: очень быстро. Всё казалось интересным. Выпускались старшекурсники уже командирами взводов: два кубика на воротнике. Новая форма, молодость, красота. Ничего не предвещало беды. Но вот (не забывал потом никогда) мне приснился очень неспокойный, страшный сон; я метался, было мне плохо. Я не помню этого сна, но плохой, плохой. Говорю Саше об этом сне, говорю: что-то со мной должно случиться. Он посмеялся, ответил, что я объелся на ужине.

В середине дня, только что мы вернулись с какого-то учения, меня вызывают к начальнику школы. Сердце ёкнуло. Закралась тревога. Прошло 56 лет, а помню, словно вчера было. Начальник спрашивает, откуда я прибыл, где учился, где работал (а меня приняли как рабочего), кто отец, кто мать. А потом говорит, пришли документы из Селитьбы, где сказано, что твоя мать из кулаков, что она «лишенка». Это подтверждает и курсант Лоскутов из вашего села. Мы вынуждены вас исключить из школы. Всё помертвело, черно в глазах стало. Не помню, как вышел, как сдавал я форму, как одел какую-то гражданскую одежду. Это был стресс номер два. А мне было только 18 лет. И вот я второй раз почувствовал лично, что это такое — лишение прав родителей.

Это день в жизни, когда вдруг всё потемнело и изменился привычный мир — стал несправедливым, жестоким, и, как ни повернись — он бьёт тебя. Так у Ахматовой: «И упало каменное слово на мою ещё живую грудь. Ничего, ведь я была готова. Справлюсь с этим как-нибудь… »

При любом стрессе перехватывает дыхание (по-учёному это называется гипоксия). Надо учить организм бороться с ней. Непроизвольно мой организм боролся с ней — и победил; ока-

зывается, сам организм создаёт такие вещества, которые защищают от влияния стресса кроветворную систему.

После изгнания в неурочное время я вышел из училища, Кремля. Что делать? Куда податься? В деревню — мать где-то в бегах, к сестре — муж её боится соприкасаться с чуждым элементом. Как оказалось, он уже имел объяснение с властями, что женат на дочери кулачки. А тут я — живой деверь.

Я поехал в Богородск (Горьковской области), где жила моя бывшая сноха Анастасия. Они приняли меня радушно. Я всё им рассказал. Я прожил у них с неделю, пришёл в себя, немного оттаял. У меня оказалась какая-то справка из села, кто я, откуда я. Имущества никакого. Денег нет, дала Анастасия.

И я подался в Москву-матушку.

Совпадения — проходы в тайный мир

Дальнейшие события повести К.В.Рубанова не имеют отношения к теме этой книги, за одним исключением.

В моей биографии и биографии моего деда однажды случилась фантастическая, мистическая перекличка; теперь я подробно её опишу. Событие — невероятное, убедившее меня в существовании тайных, странных, неведомых закономерностей, тоннелей, кротовых нор, ведущих в тайный мир; событие, сильно поколебавшее моё рациональное мировоззрение.

В июле 1986 года я, окончив десять классов школы, сдавал вступительные экзамены в Московский Университет, на факультет журналистики. Сдал на «четвёрки» — и не набрал нужной суммы баллов. По совету умных людей немедленно перебросил документы с дневного отделения на вечернее — там проходной балл был ниже. Но и в списке принятых на вечернее отделение себя не увидел: не хватило одного балла. Очень расстроился.

В сентябре пошёл работать, вроде бы остыл; решил, что следует мне отслужить срочную службу в армии, а после — снова поступать; с пути не сверну. Но затем, в середине сентября, из МГУ пришло на моё имя официальное письмо; мать его вскрыла и прочитала без меня; там говорилось, что я, Рубанов Андрей, зачислен на вечернее отделение факультета журнали-

стики Московского Университета. Мать и сестра танцевали от счастья.

С сентября я начал ездить на занятия, совершенно счастливый, в эйфории. Звенело в ушах. Днём — на стройке, в пять часов бежал на электричку — и в Москву. Перезнакомился с одногруппниками. Половину группы составили выходцы из благополучных московских семей. Родители их, известные журналисты (фамилий не стану называть), работали на телевидении, на радио, в центральных газетах. Впрочем, «блатные» ребята носов не задирали, держались запросто, ни одного плохого слова не скажу про них. Они отличались от нас, «кухаркиных детей», лишь первоклассной одеждой и особенностями поведения: я был напряжённый и сосредоточенный, они — весёлые и расслабленные.

На вступительных экзаменах меня подвёл — язык: я с трудом сдал немецкий на «четвёрку», зато видел, как «блатные» говорят на немецком свободно и выхватывают заветные высшие баллы.

Той же осенью, из частных разговоров, я узнал истинную причину моего чудесного зачисления в лучший университет страны. Таких абитуриентов, как я, недобравших одного балла, оказалось немного, около 30, но половина из них — те самые дети известных журналистов. Кто-то нажал на нужные кнопки — и всех «блатных» зачислили на курс, создав для этого дополнительную группу. А чтоб не было скандала, взяли в эту группу и прочих абитуриентов, «не-блатных», с тем же проходным баллом; в том числе — и меня.

В том же 1986 году, читая воспоминания своего деда, я наткнулся на историю его поступления в Московский Университет, на только что созданный исторический факультет. События происходили в 1934 году. Вот прямая цитата из рукописи деда:

«Я все предметы сдал на 4. <…> Меня в списках принятых не было. Я подал на апелляцию. Помогло, что я член КСМ, что я рабочий, что учился вечером и прилично сдал экзамены — меня приняли. <…> Занимался со всей страстью. Читал, читал,

зубрил два языка. Латинский: семинар из 12 человек вёл академик, старый человек, разговаривал только на латыни. И немецкий язык: молодой немец, группа тоже 12 человек. Некоторые свободно разговаривали, учились с преподавателями. Я только потом узрел и понял, что на этот факультет приняты были дети привилегированных людей, "больших", а нас с Зубовым (друг деда. — А.Р.) приняли, чтобы хоть чуточку разбавить прослойку. Мы среди них были отчужденцами. И одежда наша была "ярко выражена"».

Когда я прочитал этот кусок рукописи — хорошо помню, испытал ощущение, описываемое словами «волосы зашевелились на голове». Совпадение было — полным. Одна и та же ситуация повторилась с разницей в 52 года.

С тех пор я очень внимательно отношусь к совпадениям; если происходит такой случай — тщательно его обдумываю. Я убеждён, что именно совпадения являются результатом воздействия тайного мира на события реального мира.

Например, сам я, моя мать Маргарита, моя сестра Анна, моя жена Аглая — все родились в одно время, с разницей в две недели: я — 25 июля, мать — 5 августа, жена — 6 августа, сестра — 8 августа.

Ещё одно совпадение. В юности я любил песни Высоцкого и его актёрские работы; любил и уважал писателя и актёра Василия Шукшина. 25 июля, день моего рождения, — также день рождения Шукшина (1929) и день смерти Владимира Высоцкого (1980), а кроме того — день смерти циркового артиста, актёра и писателя Леонида Енгибарова (1972).

Я не поленился и внимательно изучил обстоятельства смерти Енгибарова и Высоцкого — и там нашёл ошеломляющие совпадения.

Летом 1972 года в Москве была жара до 40 градусов; на восток от столицы, в Егорьевском районе, горели торфяники, город затянуло дымом. В ночь перед смертью Леонид Енгибаров, измотанный, переутомлённый, 37-летний, выпил бокал шампанского. Далее у него оторвался тромб, и произошла остановка сердца.

Спустя 8 лет, в июле 1980 года, в Москве тоже было жарко. Высоцкий страдал от наркотической ломки. По совету друзей снимал ломку холодным шампанским. Скончался он, по официальной версии, также от остановки сердца.

Таких совпадений я распутал — десятки; увидел закономерности, малые и большие.

На первом и счастливейшем своём университетском курсе, на экзамене по древнерусской литературе, мне достался билет: «Житие протопопа Аввакума». Экзамен принимала доцент Татаринова. Я получил высшую оценку.

Людмила Евдокимовна Татаринова, знаток древнерусской литературы, скончалась 8 июня 2017 года. В эти дни я был в Петербурге на вручении премии «Национальный бестселлер», и — согласно моему дневнику — именно 8 июня принял решение писать роман «Финист — Ясный сокол», давно задуманный, на древнерусском материале.

Мистические, тайные импульсы пронизывают ткань нашей повседневности, через тайные каналы поступают к нам интенции иного мира, — и мы следуем им, часто не отдавая себе в этом отчёта.

Изучение совпадений — есть ключ к пониманию влияния других миров на наш, реальный и объективный мир.

* * *

Я считаю деда Константина великим человеком, и одновременно знаю, что таких, как он, были — сотни тысяч. Они, крестьянские дети, и создали мир, в котором я вырос. Новую страну построили.

Из повести деда видно, как тяжело ему давалось соприкосновение с несправедливостью, и не только по отношению к нему самому, но и к другим.

Не знаю, справедливо ли обошлась жизнь с моим дедом.

Его сокурсники по историческому факультету МГУ, те, с кем он учился в 1934 году, потом стали руководителями высокого ранга, некоторые дошли до министров. Впоследствии,

в 1962 году, когда дед добивался строительства большой школы в селе Узуново, — он ездил в Москву, ходил на приёмы к бывшим сокурсникам, они вспомнили его и помогли.

Очень мало общего у судьбы моего деда и протопопа Аввакума; дед стал профессиональным педагогом, но — рядовым учителем, Аввакум же — духовным учителем и великим писателем. Но сходство всё же есть.

Оба — твёрдые характеры, оба — люди великого терпения, «длинной воли». Оба упрямо следовали своему предназначению, призванию.

Ведь каждый из нас для чего-то призван. Мы не просто так являемся в наш маленький опасный мир — нас сюда приводят для выполнения совершенно определённой задачи. А уж какова задача, велика она или скромна, — неважно. Главное — понимать своё призвание, тогда жизнь становится легка, путь — прямым, дух — крепким.

Чтоб человек нашёл свой путь, в детстве и отрочестве ему необходим учитель, педагог, тот, кто умеет развить ребёнку кругозор, обеспечить условия для всестороннего развития.

Поэтому детям нельзя отказывать, если они хотят заниматься спортом, играть на музыкальных инструментах, рисовать, петь, танцевать, драться; в любой семье часть бюджета, и часть общего семейного ресурса, следует выделять на развитие ребёнка, на поиск призвания. Следование своему призванию и есть условие счастья.

Большая ошибка современной России — резкое падение статуса школьного учителя. В СССР все получали примерно одинаковые деньги — и школьный педагог, и инженер, и механизатор, и военнослужащий; оклады отличались на 10 рублей, на 30 рублей. В систему образования шли — думающие, сильные, инициативные люди. Вдобавок учителя имели мощный бонус: три месяца летних каникул. Труд учителя не предполагал возможностей обогащения — но позволял жить сравнительно комфортно. Через развитую систему школьных библиотек педагоги имели свободный доступ к новым книгам, свежим журналам — это было ценно и важно.

Дед собрал огромную библиотеку из нескольких тысяч томов. Когда его внуки — мы — подросли, на день рождения он обычно позволял нам в качестве подарка взять любую книгу из его библиотеки. В итоге к началу восьмидесятых внуки растащили всё самое лучшее. Лично я понемногу изъял, том за томом, собрание сочинений Конан Дойла (Шерлок Холмс, «Затерянный мир», «Оливиновый пояс») и несколько томов Алексея Толстого («Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина», «Хождение по мукам»).

Дедушка Костя жил долго, умер в 1996 году, в возрасте неполных 85 лет. Я тогда фигурял в образе финансового гения, деньги вываливались из карманов. Я поставил ему на могиле большой гранитный камень. Над могилой растёт яблоня. Мать, когда увидела, заплакала и сказала: «Как у Довженко в фильме "Земля"».

После смерти деда ничего не осталось — только тесная, сырая квартирка в двухэтажном «учительском доме», в ста метрах от школы, на первом этаже. Потом родственники как-то распорядились этой квартиркой; я не участвовал — сидел в тюрьме. В той квартирке я вырос, детство в ней провёл, 12 лет, — но она бесшумно исчезла, в тайный мир канула. Никакого сожаления на сей счёт я никогда не испытывал.

Дедова библиотека была тогда уже наполовину растащена детьми и внуками, куда делась вторая половина — не знаю.

От деда у меня не осталось ни сувениров, ни памятных вещиц, вообще ничего, только его рукопись. Кроме книг, дед ничего не собирал — ни икон, ни картин, ни редкостей. Остался минимальный архив — вырезки газетные да фотографии.

Остались 2 тысячи деревенских детей, выученные им с малолетства и отправленные во взрослое плавание. Сейчас у них у всех взрослые дети и внуки. Вся память о нём — осталась в людях.

А моя, его внука, заслуга — в том, что я убедил его оставить Завет, письменное свидетельство.

Напоследок

Изучая историю, мы видим, что наши предки жили трудно. Мы, их потомки, — изнеженные существа, выросшие в комфорте. Изменился даже климат — зимы стали мягче. Но мы унаследовали от предков их набор качеств, их гены. Поэтому в будущее нам следует смотреть со спокойным оптимизмом. Если предки прошли через испытания и не только не сломались, но восторжествовали, — значит, и мы сможем, и дети наши смогут, и дети детей.

Понимание прошлого снимает страх перед будущим.

Восемь девятых частей айсберга скрыты под водой. Так и цивилизации, Россия в том числе, — лишь на одну девятую существуют в реальном мире, бóльшая же часть их пребывает в тонком мире и тайном мире. Основные законы существования цивилизаций пока сокрыты от нас. Даже прямолинейное течение времени не кажется сейчас таким очевидным: велика вероятность, что время движется по кругу. Не по спирали, а именно по кругу. Одна война перетекает в другую, кризис сменяется новым кризисом, конца не видно. Экономика прогрессирует, а нравственность — наоборот, скорее деградирует. Гаджетов всё больше, а нравственных людей всё меньше. Цинизм, ложь, манипуляция, лицемерие, демагогия, невежество наползают отовсюду.

Гибель огромной советской страны дала нам огромный материал для изучения: мы подобрались к пониманию истори-

ческих закономерностей, ранее неизвестных. Например, мы убедились, что идеология не является стержнем цивилизации: идеологии меняются, а цивилизация остаётся. Из-под России дважды за сто лет выдёргивали, кажется, самый её фундамент, — а Россия осталась.

Наша цивилизация — русская — несовершенна, как и любая другая; у неё множество недостатков. Но она даёт нам сверхсилу, возможность исполинского, титанического способа существования.

Если посмотреть на тех, кто критикует нашу страну, на профессиональных русофобов — тут же обнаруживается их сходство, общее определяющее качество: все они — люди небольшого масштаба. Это видно любому наблюдательному человеку. Иногда их занятно слушать, но идти за ними — совершенно не хочется. Они могут быть политиками, публицистами, писателями, могут даже получать Нобелевские премии, — но от этого не превращаются в значительные фигуры; их деяния — мизерные, а часто и вовсе смехотворные. Любой враг России превращается в ничтожество. Так работает противоречие между большим и малым. Примыкая к большому делу — ты сам становишься больше; отрицая большое — ты умаляешься.

Но как поступить, если большое или великое дело кажется тебе ошибкой? Как быть, если ты — один, а против тебя — тысячи? Как быть, если все вокруг требуют сдаться, но ты не хочешь сдаваться?

Как надо было поступить протопопу Аввакуму в заведомо проигрышной ситуации, когда церковная реформа уже была успешно проведена, а он сам объявлен преступником, осуждён и отправлен на верную смерть?

Ответ один: принять её, смерть.

Кто умер за свои убеждения — тот их отстоял. «На миру и смерть красна» — такая у нас есть поговорка; тоже часть русского культа смерти.

Вступая в дискуссию — любую, — ты должен быть готов умереть за каждое сказанное тобой слово. Если не готов —

тогда ты демагог, словоблуд, извергающий пустоту, смешанную со слюной. Таков урок, преподанный нам Аввакумом.

Ему было легко: он очень сильно верил в Бога, в загробное существование, в Страшный суд, в рай и ад; уходя в огонь, он шёл прямиком в лучший мир.

Нам, материалистам, гораздо труднее. Мы верим в Бога меньше, или вовсе не верим. Мы подозреваем, что после смерти, возможно, не будет — ничего. Умрёт мозг, умрёт сознание, умрёт «я».

Но смерть — неотменяема, неизбежна. Человек может выбрать только способ ухода. Умереть ли в бою, сгнить ли в тюрьме, либо мирно почить в своей постели.

Аввакум был христианином, но смерть принял — языческую, огненную.

Он не был погребён, его прах не предали земле. Нет его могилы, и даже место его сожжения известно лишь приблизительно. Исчез с лица земли и сам город Пустозёрск. Исчезла могила его жены Анастасии Марковны; я искал следы — и не нашёл. Так работают законы Истории, Времени и Памяти. Следы исчезают. Время всё стирает.

Мы — охотники, идущие по следам; но часто след может пропасть. От Аввакума тянется один несомненный подтверждённый след: его сочинения, его «Житие». Физически человек исчез, но остался — в записанном слове.

В большой игре ставка одна: жизнь игрока. Аввакум отдал жизнь — но выиграл.

Свой главный диалог ты ведёшь со смертью: она — твой противник, твой оппонент.

Женщинам сильно проще: они превозмогают смерть, созидая новую жизнь, рожая детей. Мужчины лишены привилегии деторождения — их диалог со смертью прямее. Мужчина всегда готов умереть — женщина не всегда, она отвечает за потомство. Мужчина то ли есть, то ли нет его; сегодня он надёжный, любящий муж и отец, — а завтра погиб в бою, на охоте, или просто исчез неизвестно куда.

Диалог со смертью ведут и целые народы, и государства, и цивилизации. Вооружая свою армию, расходуя на её содержание огромные средства, — государство ведёт диалог со смертью.

Русская литература, в основании которой стоит Аввакум, тоже имеет своей главной темой именно диалог со смертью.

* * *

Но было бы неправильно заканчивать книгу на такой мрачной ноте. Всё-таки литература — это в первую очередь разговор живых с живыми.

Пройти по пути героя может каждый, без исключения. Сверхсила — повсюду; её просто надо уметь обретать.

Нам всем дан рассудок, аналитический разум. Каждый, кто трезво обдумывает свои ближние и дальние цели, кто умеет понимать свои сильные и слабые стороны, — уже становится сильнее.

Каждый, кто желает учиться, — идёт по пути обретения сверхсилы.

Каждый, кто изучает историю своей семьи, — становится сильнее: мы обязаны помнить своё родство.

Каждый, кто влюблён, — становится сильнее.

Каждый, кто родил ребёнка и растит его, — гарантированно получает силу, потому что дети — один из самых надёжных её источников.

Жадный теряет силу. Лгун — теряет; каждое слово лжи гарантирует потерю энергии. Укравший — теряет ровно столько, сколько украл. Предавший друзей — теряет всю силу, полученную за годы дружбы. Предавший свой народ — лишается всех сил, превращается в пустую оболочку человека.

Еда придаёт сил, но обжорство — лишает.

Алкоголь — вроде бы допинг, но он обессиливает, это знают все пьющие люди.

Гнев умножает силы многократно — но потом их приходится долго восстанавливать.

Зависть — полностью обессиливает; приступы зависти следует преодолевать всеми способами.

Цинизм очень опасен: понемногу он выкачивает из нас энергию. Понаблюдав за циником, можно увидеть, что обычно он — бездействует, только говорит.

Малоподвижный образ жизни гарантированно ведёт к бессилию.

Как только вы приучите себя к самодисциплине, к простейшей самоорганизации — вы станете сильнее. Во времена Аввакума церковь регламентировала весь быт и всю частную, семейную, да и хозяйственную жизнь. Весь год был распланирован: сегодня постимся, завтра разговляемся. Большевики разгромили церковь и провозгласили атеизм — но их учение предполагало исключительно жёсткую самодисциплину и самоорганизацию. Советский Союз был царством дисциплины, насаждаемой и сверху, и снизу, — из этого была извлечена сверхсила, позволившая совершить титанический цивилизационный рывок.

Любой, кто придержит ради тебя тяжёлую дверь на выходе из метро, — даёт тебе силу. Если ты, в свою очередь, сам придержишь ту же дверь для другого — ты и сам станешь сильнее, и передашь часть силы другому. Бытовая вежливость, доброжелательность, простейшая культура сожительства — дают силу.

Простейшая социальная гигиена гарантирует прибавление сил: избегая общения с дураками, мы укрепляемся. И наоборот: беседа с тем, кто умнее тебя, всегда возвышает и подпитывает.

Люди — лучшее лекарство. В ситуации горя или сильного стресса нельзя оставаться в одиночестве. Общение с друзьями или родственниками, разговоры, даже на самые простые, отвлечённые темы, — спасают от отчаяния.

Изучение биографий героев гарантированно добавляет сил. Если они прошли через ад и не сломались — значит, и мы сможем. Положительный пример работает всегда.

Очень полезно иметь ролевую модель, брать пример с кого-то. Это всегда заряжает.

Любой, кто прочитает «Житие», зарядится и от самого Аввакума, и от текста. Так работает любое настоящее искусство: это всегда круговорот энергии. Любая хорошая книга — это аккумулятор, заряжающий читателя.

И наоборот: массовое развлекательное искусство, низкопробное, похищает наши ресурсы, отбирает время и внимание, ничего не давая взамен. Все мы знаем, как это бывает: можно пойти в кинотеатр, посмотреть блокбастер, на производство которого потрачены огромные деньги, — а потом почувствовать себя обманутым.

Примыкание к любой традиции обязательно придаёт дополнительные силы. Религия — это духовная традиция; примкнул — обрёл силу. Силу традиции нельзя недооценивать. Я дружу с язычниками, родноверами, — у них своя традиция, и они выглядят исключительно сильными людьми, и физически, и нравственно. Я от них заряжаюсь.

Любое искусство — это система традиций. Я всецело принадлежу к отечественной литературной традиции, и в любой момент, когда захочу, подпитываюсь от неё энергией. В этом смысле я счастливый человек, благополучный, укоренённый, заякоренный. Мой путь — ясен; мне хорошо.

Из всего, изложенного выше, ясно, что источники силы, или сверхсилы, титанической энергии, — находятся повсюду; их нужно просто уметь видеть.

Все мы ходим по крепчайшей, неуничтожимой, непоколебимой земле, спрессованной из праха наших предков; когда время наше истечёт, мы сами станем частью этой земли — и укрепим её собой.

Больше знать, больше помнить, шире смотреть, твёрже ступать, жарче любить.

Брать всё, но отдавать больше.

Знать меру во всём, кроме любви; в любви же меры нет.

Конец.

Моя благодарность людям, мне помогавшим, надеюсь,
проживёт столько же, сколько эта книга.
Вот их имена:
Василий Авченко, Алиса Бошко, Евгений Водолазкин,
Андрей Калитин, Алексей Колобродов, Аглая Набатникова,
Алексей Портнов, Татьяна Потёмина, Маргарита Рубанова,
Андрей Рудалёв, Анастасия Толстая, Елена Шубина.

Краткий указатель имён

Абрамов, Фёдор 227, 245, 246
Авченко, Василий 103, 315
Айтматов, Чингиз 245
Аксёнов, Василий 214, 231–233
Александр Невский 187
Александр II 284
Алексей Михайлович Тишайший 45, 69, 76–78, 80, 81, 83, 84, 92, 93, 95–97, 104, 110, 112, 114, 120, 123, 125, 126, 130, 131, 133, 135–137, 139–141, 143, 144, 158–160, 162–165, 167, 169, 170, 182, 183, 187, 205, 217, 233, 234
Алешковский, Юз 175, 232
Анастасия Марковна (*жена Аввакума*) 26, 27, 32, 33, 35, 52, 69–72, 77, 81, 104, 110, 122, 123, 132, 139, 159, 202, 311
Андреев, Даниил 174, 175
Андропов, Юрий 233
Антипов, Алексей 142
Ардаматский, Василий 180
Арсений Грек 93, 94
Астафьев, Виктор 246
Ахматова, Анна 301

Бабель, Исаак 176
Бакланов, Яков 62
Барышников, Михаил 233
Батый 43, 44
Бахтеяров, Еналей 108, 109
Бебель, Август 65, 66, 174
Бекетов, Пётр 43, 108–110, 117, 119, 122
Белов, Василий 227, 245, 246
Берия, Лаврентий 51, 196, 199, 263
Билибин, Иван 227
Боннэр, Елена 136
Боннэр, Руфь 136
Брежнев, Леонид 46, 233, 234, 261, 262
Бродский, Иосиф 175, 178, 179, 231, 232
Будённый, Семён 262
Булгаков, Михаил 216

Вампилов, Александр 104
Василий II Тёмный 146
Васнецов, Виктор 227
Вацлав, Гавел 24
Веллингтон, Артур 234
Верещагин, Василий 60
Вернадский, Владимир 13
Вигилянский, Владимир 222
Влади, Марина 232
Владимир Мономах 111, 187
Владимир Святославович 187
Вознесенский, Николай 263
Высоцкий, Владимир 60, 213, 231–233, 305, 306

Гагарин, Юрий 51, 234, 258
Галансков, Юрий 175
Галич, Александр 233, 261
Гамарник, Ян 263
Гегель, Георг 13
Гейтс, Билл 88
Гемп, Ксения 127, 245
Герман, Алексей 232
Гёте, Иоганн Вольфганг фон 11
Гинзбург, Евгения 175
Гитлер, Адольф 36, 50
Глазунов, Илья 230, 231
Глинка, Михаил 227
Гоген, Поль 24
Голицын, Василий 126, 133, 136
де Голль, Шарль 234
Горбачёв, Михаил 88, 180, 233, 242, 246
Горький, Максим 299
Грамши, Антонио 174
Грин, Александр 175
Грушецкая, Агафья 172, 202
Губанов, Леонид 176
Губерман, Игорь 175
Гудериан, Хайнц 44
Гумилёв, Лев 175, 214

Гумилёв, Николай 176
Гутенберг, Иоганн 90

Даль, Олег 233
Державин, Гавриил 190
Джобс, Стив 88
Дзержинский, Феликс 262
Довженко, Александр 308
Довлатов, Сергей 56, 175, 232, 233, 252
Домбровский, Юрий 175
Досталь, Николай 84
Достоевский, Фёдор 18, 36, 153, 175, 176, 226, 229

Евтушенко, Евгений 177
Ежов, Николай 193, 196, 198, 199, 263
Елагин, Иван 158, 159
Елизавета Петровна 222
Енгибаров, Леонид 233, 305
Епифаний (*соузник Аввакума*) 145, 147, 157, 159, 167, 202
Есенин, Сергей 176
Есенин-Вольпин, Александр 176

Жене, Жан 174
Жуков, Георгий 258, 262

Зворыкин, Владимир 236
Зотов, Никита 134
Зощенко, Михаил 56

Иван III Великий 101, 187
Иван IV Грозный 90, 91, 187
Иван V 78, 169, 170, 186, 202
Иванов, Валентин 229, 230
Иванов, Марко 26, 27, 33
Ильин, Иван 169
Ильф, Илья 56, 175
Иоаким (*патриарх*) 144, 171, 201
Иоанн (Григорий) Неронов 77, 82–84, 95, 96, 130, 131, 153
Иосиф (*патриарх*) 82, 91
Ирина Михайловна 171, 172

Каганович, Лазарь 263
Каддафи, Муаммар 50
Карл XII 44
Карнаухова, Ирина 245
Катаев, Валентин 175
Кеннеди, Джон 86
Киров, Сергей 254
Кожурин, Кирилл 70, 183, 244
Колумб, Христофор 129
Конан Дойл, Артур 308
Кондратьев, Пётр 26, 28, 72
Кондратьева, Мария 26, 28
Конюхов, Фёдор 120
Кормильцев, Илья 168
Короленко, Владимир 267
Королёв, Сергей 51
Костомаров, Николай 222
Котовский, Григорий 262
Кренкель, Эрнст 49
Куняев, Станислав 230

Лазарь (*соузник Аввакума*) 145, 147, 157–159, 167, 202
Ларионов, Арсений 127, 245
Лемкин, Рафаэль 191, 192
Ленин, Владимир 66, 67, 73, 174, 261, 262, 300
Леонов, Леонид 232
Лесков, Николай 226
Лешуков, Иван 202
Лимонов, Эдуард 62, 76, 105, 106, 168, 174, 175, 178, 214, 232, 233, 252
Листьев, Владислав 60
Лихачёв, Дмитрий 230
Личутин, Владимир 84, 245
Лютер, Мартин 90, 206

Мазепа, Иван 133
Маленков, Георгий 263
Малышев, Владимир 127, 244
Мальро, Андре 24
Мамлеев, Юрий 233
Мандельштам, Осип 176
Мария Ильинична (Милославская) 78, 131, 143–145, 162, 167, 169, 170, 186
Марков, Сергей 127
Маркс, Карл 261
Матвеев, Артамон 50, 136, 144, 170, 171, 186, 188, 202
Мельников-Печерский, Павел 28, 225–228, 230
Микоян, Анастас 219, 262, 263

Милославские (*род*) 131, 136, 145, 162, 167, 170–172, 186, 188, 202
Милославский, Иван 171, 186, 187
Миролюбов, Юрий 209
Мисима, Юкио 106, 253
Молотов, Вячеслав 262
Мордовцев, Даниил 18, 19, 84
Морозова, Феодосия 142, 162, 163, 167, 190
Мусоргский, Модест 227
Муссолини, Бенито 48, 50

Набатникова, Аглая 252, 253, 305, 315
Набоков, Владимир 256
Нагибин, Юрий 142, 143, 230, 232
Намин, Стас 256
Наполеон Бонапарт 44, 234
Нарица, Михаил 176
Нарышкины (*род*) 167, 170, 171, 202
Наталья Кирилловна (Нарышкина) 78, 164, 167, 170, 186
Неизвестный, Эрнст 233
Некрасов, Виктор 177, 178
Некрасов, Николай 56, 72, 73, 226, 256
Нельсон, Горацио 234
Нестеров, Михаил 227
де ла Нёвилль, Фуа 153
Никитин, Афанасий 111
Никон (*патриарх*) 18, 69, 78, 80, 83–85, 93–96, 104, 105, 110, 114, 129–132, 136, 140, 141, 144, 153, 160–162, 182–185, 187, 202, 203, 206, 211, 217, 234, 239–243
Ницше, Фридрих 106
Нуреев, Рудольф 233

Окладников, Николай 157, 167, 244
Олег Вещий 117
Олеша, Юрий 66
Оруэлл, Джордж 237

Павел (*митрополит*) 141, 144
Панченко, Александр 201, 244
Папанин, Иван 49
Пашков, Афанасий 15, 18, 43, 69, 108–112, 116, 117, 119, 120–125, 127, 128, 132–135, 205, 217
Пашков, Егор 134
Пашков, Еремей 134
Пашков, Пётр 134
Перфильев, Максим 122
Петров, Евгений 56, 175
Петров, Афанасий 139
Петров, Иван 32, 139, 140, 158, 202, 203
Петров, Прокопий 32, 139, 140, 158, 202
Петрова, Агриппина 32
Петрова, Акулина 32
Пётр I 36, 50, 78, 84, 93, 114, 115, 133, 134, 136, 137, 144, 164, 165, 170, 185–188, 202, 222, 242, 243
Пильняк, Борис 177
Плантен, Христофор 91
Политковская, Анна 60
Понырко, Наталья 245
Поярков, Василий 43, 108, 109, 122
Пригожин, Евгений 61
Пугачёв, Емельян 222
Пушкин, Александр 35, 40, 115, 128, 170, 216

Распутин, Валентин 227
Распутин, Григорий 133
Рафальский, Виктор 176
Рейган, Рональд 86, 87
Римский-Корсаков, Николай 227
Рокоссовский, Константин 262
Рубанов, Антон 257
Рубанов, Виктор 67, 251, 256, 258–260, 298
Рубанов, Евгений 251, 258, 259, 298
Рубанов, Константин 11, 12, 57, 251, 252, 254–261, 263–308
Рубанова, Анна Васильевна 67
Рубанова, Анна Викторовна 304, 305
Рубанова, Маргарита 67, 256, 257, 259, 260, 303–305, 308, 315
Рубанова, Мария 254, 258
Рубанова, Надежда 251, 257, 258
Рыбаков, Анатолий 175
Рыбаков, Борис 230
Рытхеу, Юрий 245
Рюрик 117

де Сад, Донасьен 106, 174
Санги, Владимир 246
Сахаров, Андрей 51

Селин, Луи Фердинанд 174
Сикорский, Игорь 236
Симеон Полоцкий 126, 132, 136, 141, 144, 171, 172, 184
Скобелев, Михаил 285
Смеляков, Ярослав 175
Соковнин, Фёдор 171
Солженицын, Александр 88, 174, 175, 177–181, 211, 229, 233
Солоухин, Владимир 230
Софья Алексеевна 78, 126, 133, 136, 144, 170, 243
Сталин, Иосиф 36, 59, 60, 66, 67, 112, 127, 174–178, 191, 193–200, 210, 218, 221, 257, 262, 298
Стефан Вонифатьев 78, 80, 83
Стравинский, Игорь 227
бр. Стругацкие 231
Суслов, Михаил 233, 262
Сухово-Кобылин, Александр 175

Танич, Михаил 175
Тарковский, Андрей 231–233
Тарковский, Михаил 103
Татаринова, Людмила 306
Твардовский, Александр 177, 178
Тито, Иосип Броз 218
Тихонравов, Николай 243, 244
Толбузин, Алексей 126
Толбузин, Ларион 123, 125, 126
Толстая, Анастасия 214, 315
Толстой, Алексей Николаевич 308
Толстой, Лев 18, 55, 214, 226, 228
Троцкий, Лев 263
Тублин, Константин 168
Тублина, Ольга 168
Тургенев, Иван 226, 278
Тухачевский, Михаил 263
Тэффи, Надежда 56

Уайльд, Оскар 174
Уборевич, Иероним 263
Урусова, Евдокия 142, 162

Фёдор III 78, 169–172, 184, 186, 187, 201, 202, 217, 233, 234
Фёдор (*соузник Аввакума*) 145, 147, 157, 159, 167, 202
Фёдоров, Иван 90–92
Фрейд, Зигмунд 186
Фрунзе, Михаил 262

Хабаров, Ерофей 43, 108–110, 120–122
Хлебников, Пол 60
Ходасевич, Владислав 190
Холодов, Дмитрий 60
Хрущёв, Никита 101, 177, 178, 262

Цунэтомо, Ямамото 253

Чайковский, Пётр 287
Чапаев, Василий 262
Чернавин, Владимир 179
Черненко, Константин 233, 234
Чернышевский, Николай 175
Чехов, Антон 176
Чухонцев, Олег 230

Шаламов, Варлам 55, 175, 178, 180, 181, 229, 233
Шаргунов, Сергей 15
Шемякин, Михаил 233
Шереметьев, Василий 79, 96
Ширшов, Пётр 49
Ширяев, Борис 175
Шишков, Вячеслав 229
Шнуров, Сергей 62
Шолохов, Михаил 276, 298
Шопенгауэр, Артур 31
Шукшин, Василий 233, 246, 305
Шюре, Эдуард 13

Щорс, Николай 262

Энгельс, Фридрих 261

Ягода, Генрих 196, 263
Якир, Иона 263
Яковлев, Александр 88
Янковский, Михаил 101, 102

Литературно-художественное издание

Рубанов Андрей Викторович

ЛЕДЯНАЯ ТЕТРАДЬ

Комментарий к Аввакуму

Редактор Алексей Портнов
Художественный редактор Константин Парсаданян

16+

Подписано в печать 21.03.24. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 20. Тираж 3 000 экз. Заказ № 2661.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации.
Изготовлено в 2024 г.

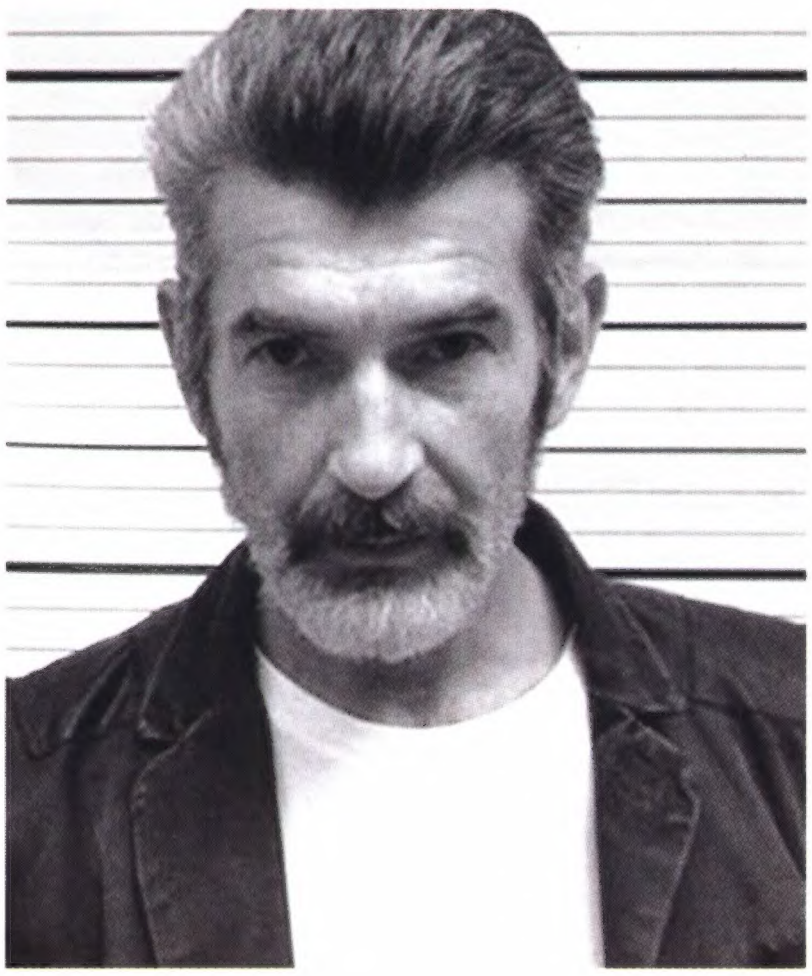
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва,
Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru · E-mail: ask@ast.ru.
Интернет-магазин: book24.ru
Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме,
I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru · E-mail: ask@ast.ru.
Интернет-магазин: www.book24.kz • Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а»,
литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2022
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

632-40



Андрей Рубанов — прозаик, сценарист, автор романов «Сажайте, и вырастет», «Хлорофилия», «Готовься к войне», «Финист — ясный сокол», «Человек из красного дерева», сборников рассказов «Стыдные подвиги» и «Жёстко и угрюмо». Лауреат премий «Национальный бестселлер» и «Ясная Поляна», финалист премии «Большая книга».

Эта книга — историческая публицистика.

Биография Аввакума Петрова (1620–1682), одного из первых русских писателей, — сделанная из сегодняшнего дня, для современного читателя. Комментарий к судьбе Аввакума, его трагедии и его победе.

От начала изложенных событий и до конца — 400 лет российской и мировой истории.

Абсолютно пристрастный, спорный, субъективный, провокативный, прямой, личный взгляд Андрея Рубанова.

«Ино ещё побредём». Но где взять силы для этого?
Наша сила берётся — от наших родителей, дедов и прадедов, из нашей истории, из наших морозов и льдов, из нашего богатейшего языка, из Веры, Надежды и Любви и матери их Софии, из нашей мечты о справедливости и нашей привычки к несправедливости, из нашего озорства, из нашего хохота, из крещенских прорубей, из безумного и величайшего социалистического эксперимента, из военных побед и лубянских расстрелов, из атомной бомбы Берии и водородной бомбы Сахарова, из ракет Королёва и отчаянного возгласа Гагарина, — отовсюду мы научились извлекать силу, чтобы жить дальше, и не только самим освоить её, но и передать детям.

ISBN 978-5-17-162670-9

9 785171 626709 >

АНДРЕЙ РУБАНОВ

ЛЕДЯНАЯ ТЕТРАДЬ

УРОКИ РУССКОГО